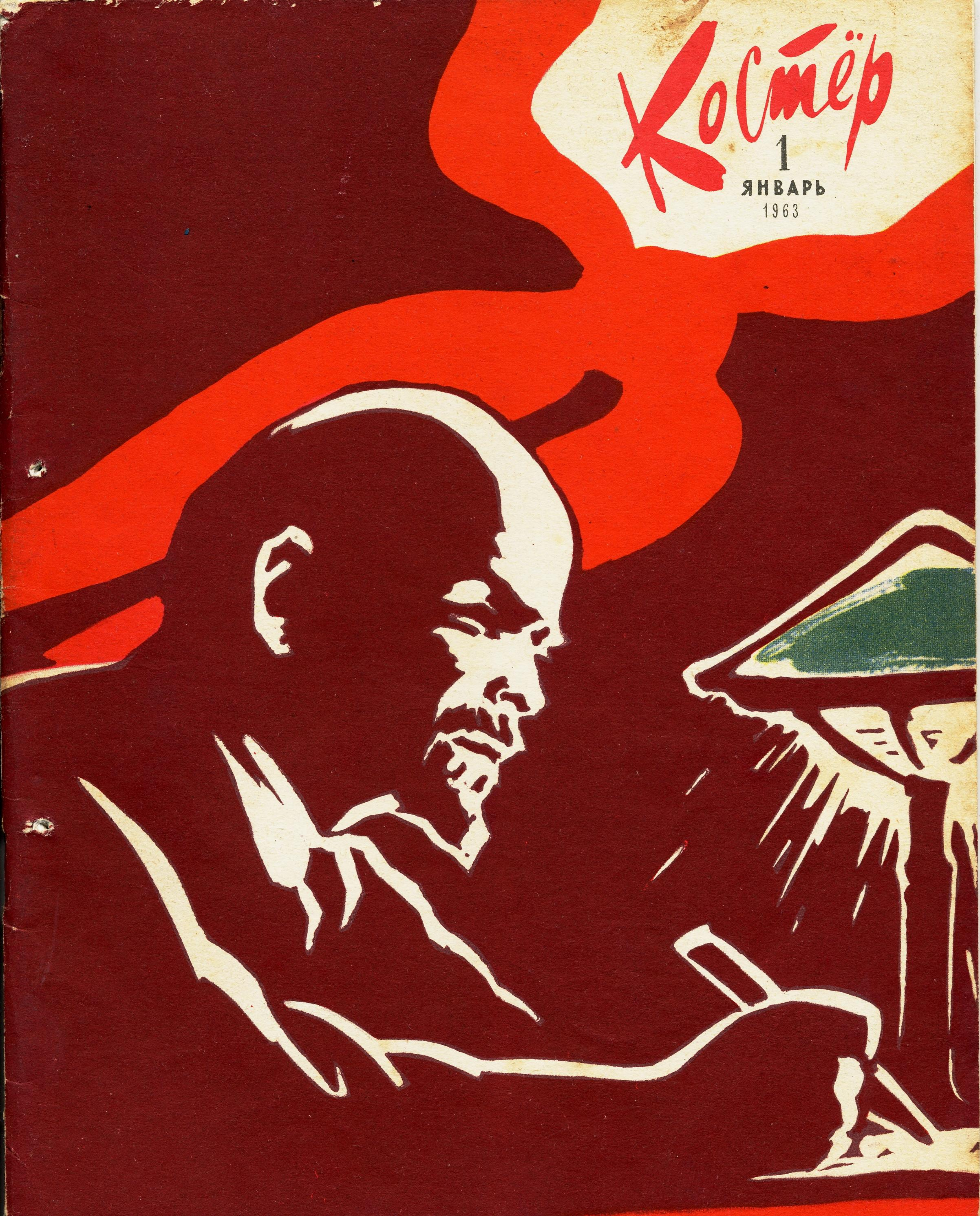

Космос

1
ЯНВАРЬ
1963

Колосёр

1
ЯНВАРЬ
1963

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Зеленая лампа и красная звезда

главы из книги Ю. ЯКОВЛЕВА 2

Хороший месяц январь

революционный календарь 7

Под Невой

фотоочерк Ю. ЦЕХНОВИЦЕРА 8

Елка

рассказ Н. ХОДЗЫ 10

А у нас в пустыне газ!

Б. ВЛАСОВ и А. СКОЛОЗУБОВ 17

Мой добрый папа

повесть В. ГОЛЯВКИНА 18

Стихи болгарских поэтов

переводы О. ШЕСТИНСКОГО 34

Эмигрант

рассказ Д. ТИХОГО 37

О новых скоростях и старых вагонах

Р. ЕФИМОВ, М. ГВОЗДЕВ 39

Победитель леопардов

эфиопская сказка 40

Клуб Юных Корреспондентов 42

„Синяя птица“

очерк С. ДРУЖИНИНОЙ 45

„Пломычек“ у нас в гостях

страницы польского журнала 49

Рассказ про алмазы

очерк В. РИЧА, М. ЧЕРНЕНКО 50

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, рисунки, фотографии 54

Мои любимые книги

ГЛЕБ ГОРЫШИН 56

Чемпион двадцати хребтов

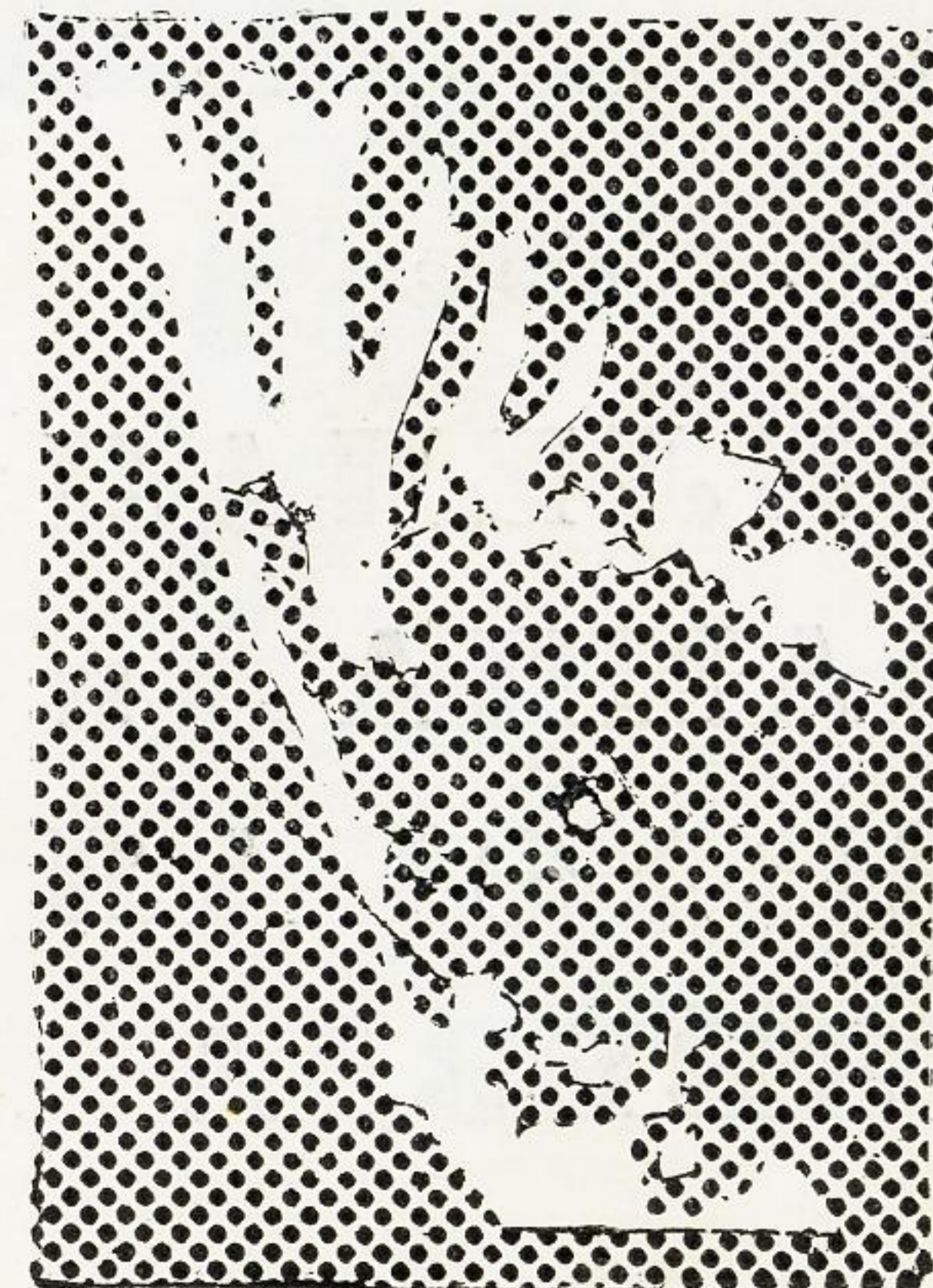
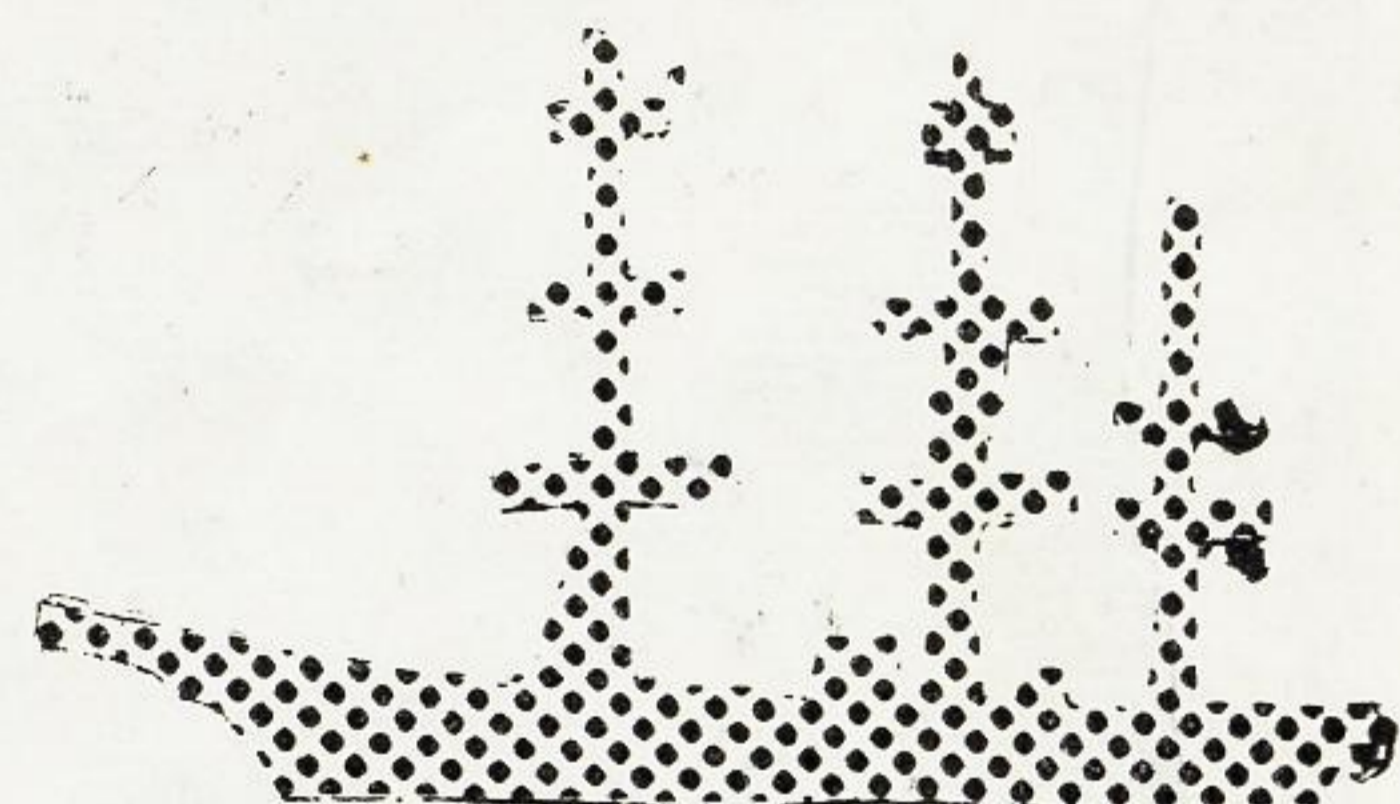
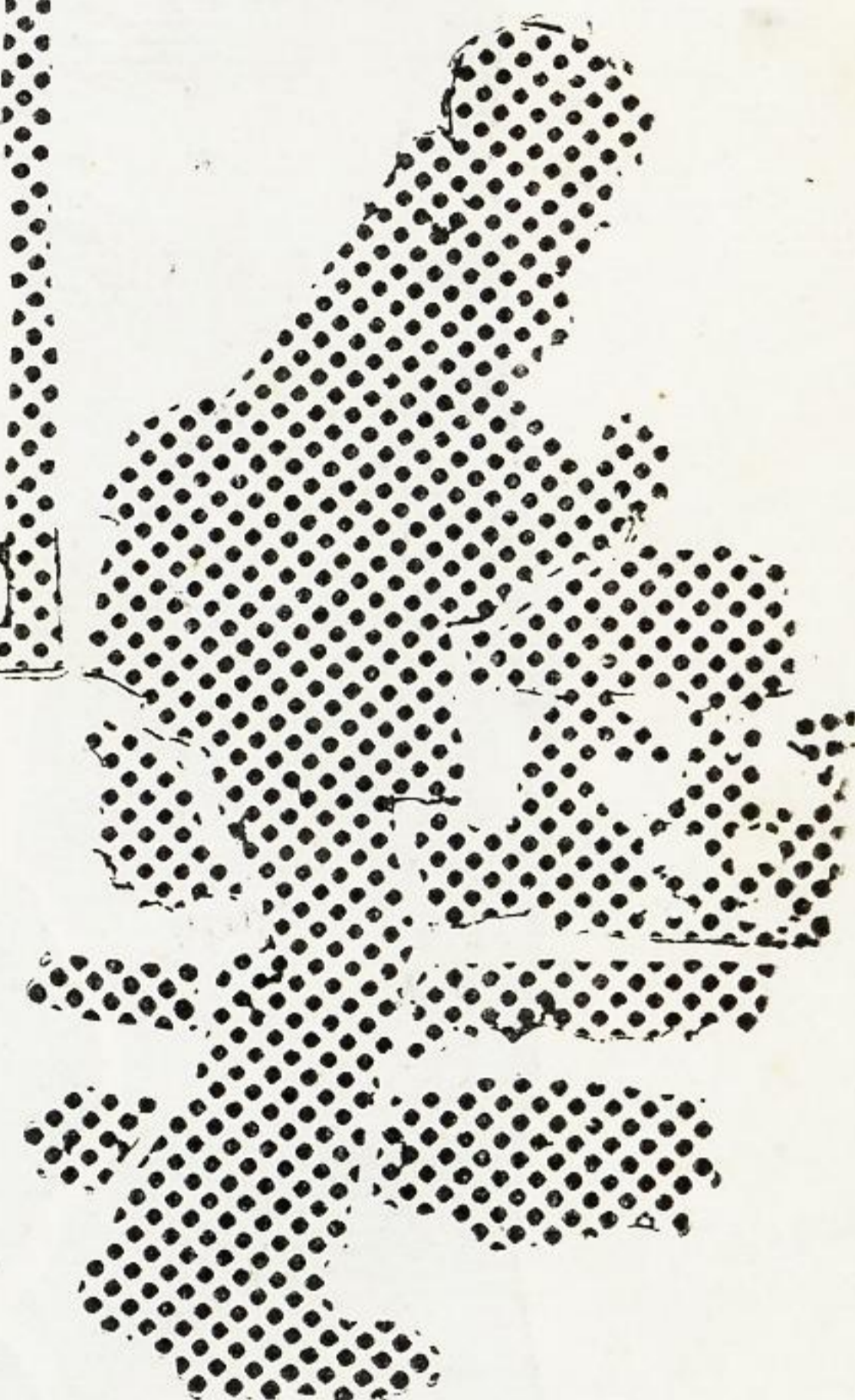
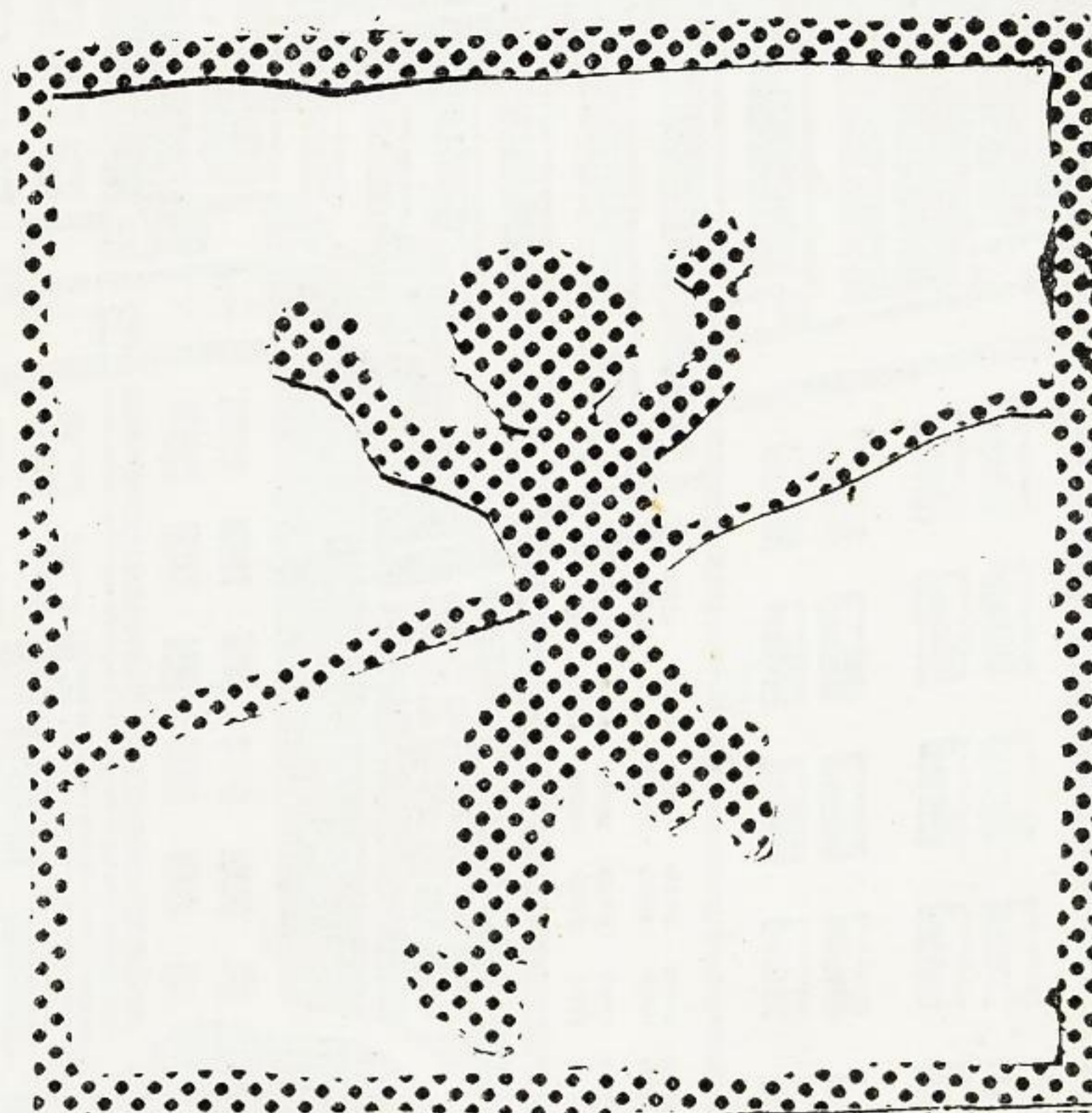
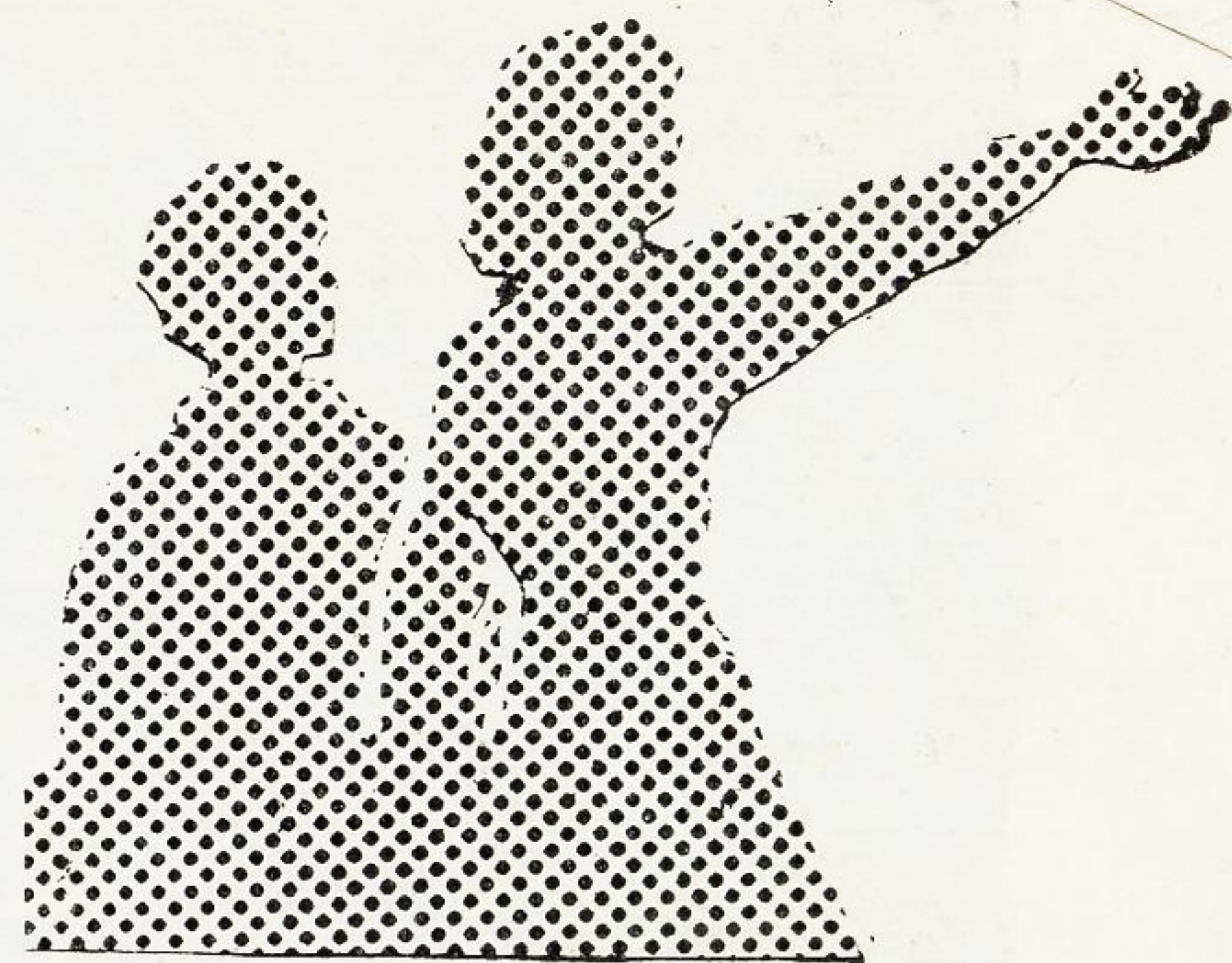
очерк Е. СИМОНОВА 58

Как Пчелкин был артистом

рассказ К. ЕРМАКОВА 61

Вот компания какая!

веселый репортаж 63

Ю. Яковлев

ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА И КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Гравюры Н. Бузнецова

Зеленая лампа

Эта лампа стоит на письменном столе Владимира Ильича Ленина в его рабочем кабинете.

Она освещает телефонные аппараты — они слышали голос Ленина; ручки и карандаши — они хранят тепло Ленинской руки; блокноты — в них Ленин делал торопливые записи. Лампа освещает шкафы с книгами и большую карту Советской России.

Много лет назад Владимир Ильич по вечерам зажигал свою зеленую лампу.

За окном свистел ледяной ветер и стояла тьма, потому что фонари почти не горели. У людей не было хлеба, одежды, дров. Маленькие дети оставались без молока. Заводы молчали как мертвые. А на окраинах молодой революционной Республики шел бой.

Люди уже спали. Умолкали телефоны. А усталый, полуголодный вождь революции зажигал свою зеленую лампу. Он работал и мечтал о том времени, когда все трудовые люди будут жить счастливо. Мечтал о Коммунизме.

Третье путешествие

Захотел человек отправиться в дальний путь. Постучался в окошко кассы и взял билет.

На поезд.

На самолет.

На пароход.

На ракету билеты еще пока не продаются. Но, может быть, ракета и не обязательна, если человек не собирается покидать Землю. А Земля вся открыта для тебя, товарищ путешественник.

Нам доступны океаны,
Белый север,
Желтый юг.
Собирайте чемоданы,
Собирайте чемоданы,
Поезда гудят вокруг!
Подставляют самолеты

Вам крыло,
Приглашают пароходы —
Повезло!
А хотите — отправляйтесь
На двоих,
На ногах неутомимых
На своих...

Стучат колеса вагона. Скрипят полозья нарт. Ветер свистит стях корабля.

Кедры. Пальмы. Березки.

Реки. Горы. Моря.

Ну, а если тебя потянет в другое путешествие? Если твой взгляд захочет проникнуть в дальние времена? Что за жизнь была много лет назад? Что за люди жили на свете? Как они работали и боролись?

И вот ты открываешь книгу, и часовая стрелка начинает бежать в обратную сторону. Ты заходишь в музей, и листки старых календарей, развеянные по свету, собираются вместе. Ты заходишь в архив и перебираешь ветхие бумажки, исписанные рукой людей, которые много лет назад жили на свете. И тебе кажется, что ты слышишь их голоса.

Вот так путешествие!
Встают перед тобою
Любое происшествие,
Событие любое.

Дорога вдаль расстелена.
Ты видишь блеск штыков,
Ты слышишь голос Ленина
И гул броневигов.

Ты видишь всех соратников
Родного Ильича
В шинелях, в старых ватниках,
С винтовкой у плеча...

Первое путешествие — возможно.
Второе путешествие — доступно.

Но есть еще третье путешествие. Оно-то, пожалуй, самое трудное. Это путешествие в Будущее.

Хотя открыт нам целый мир,
Доступен целый свет, —
Не продает туда кассир
В окошечке билет.

Как люди в будущем живут?
Никто не скажет вам:
Оттуда письма не идут
И нету телеграмм.

Туда не мчатся поезда,
Не ходят корабли,
Но путеводная Звезда
Всегда горит вдали!

Какая жизнь будет в Будущем? Через двадцать лет, через тридцать, через сорок?

Легкая жизнь

— Я вижу, что будет завтра!

Это говорит один из юных впередсмотрящих. Он всматривается в будущее и рассказывает все, что видит. А видит он вот что:

Встаешь на ступеньку трамвая — билета не надо брать. Подходишь к кинотеатру — не ищи кассу, не косись на строгих контролеров. Кассы — нет, контролеров — нет. Заходи в зал и занимай любое место. По своему росту. Правда, не забудь уступить хорошее место старшему.

За квартиру денег платить не надо — живи бесплатно! Газ, вода, свет — всё без денег. Даже счетчиков нет.

Так — через двадцать лет. А если привстать на цыпочки и заглянуть еще дальше? А дальше будет вот что.

Захотелось тебе мороженого — не суй руку в карман. Мороженое бесплатное, ешь сколько влезет! Одну порцию, две, три! Только не заболей ангиной.

Сносился твой костюм. А почему бы не приобрести новый? Заходи в магазин и выбирай, какой тебе по вкусу. Хочешь — в клеточку, хочешь — в полоску, хочешь — синий, серый. Любой! Выбирай и забирай. Чека у тебя никто не спросит — магазин бесплатный.

Всё вокруг бесплатно!

Нету медяков,
Нету пятаков.
Рубль попрощался
И был таков!

Нету медяков,
Нету пятаков,
Во всей стране не стало
Обычных кошельков.

Икра —
Бесплатно,
Игра —
Бесплатно.
Невероятно!
Очень приятно!

Наблюдатель замолчал.

— Больше ты ничего не видишь?

Он качает головой. И тут ему на помощь приходит другой юный впередсмотрящий. Он говорит:

— Я вижу удобную жизнь. Знай нажимай кнопки!

Кнопка маленькая. Нажать ее не составляет никакого труда.

Нажал кнопку — из стены появился стол. Нажал другую кнопку — появился обед, словно кто-то постелил на стол сказочную скатерть-

самобранку. Пообедал — не надо убирать со стола, мыть посуду. Нажал кнопку и все само убралось. По щучьему велению, по моему хотению.

Нажал кнопку — готов трактор. Нажал кнопку — сшит костюм. Нажал кнопку...

Стой, товарищ наблюдатель! Неужели ты больше ничего не видишь?

Горит зеленая лампа. Подает мне тревожные сигналы. Что она разглядела? Чем встревожена?

Я внимательнее всматриваюсь вдаль. И вдруг я чувствую, что привык к бесплатной жизни. Привык не лезть за деньгами в карман. Привык не ждать сдачи. Бесплатный хлеб стал для меня таким же, как бесплатная вода, бесплатный воздух, даровое солнце. И я уже позабыл, как выглядят деньги. И научился нажимать кнопки.

И то, что все вокруг меня бесплатно и легко, не делает меня счастливым. А Коммунизм — это же счастье!

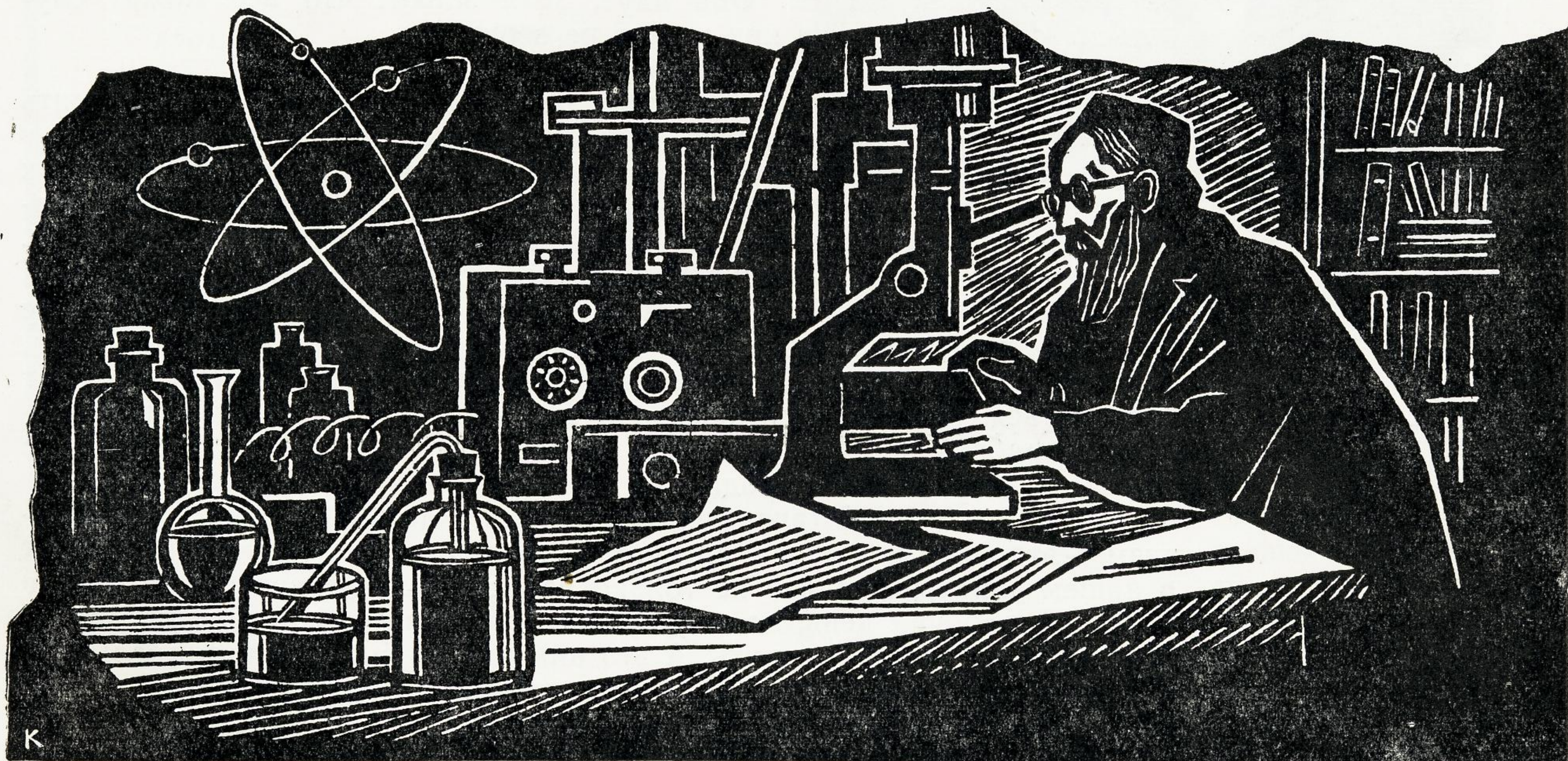
И вдруг я слышу голос еще одного юного впередсмотрящего. Он разглядел в Будущем то, чего не увидели его товарищи!

Трудная жизнь

— Я вижу плачущую женщину. Женщина старая. Она одинока. Она плачет.

— Посмотри повнимательней. Может быть, ты ошибся?

— Нет, она действительно плачет. Она очень несчастна. Вот уже целую неделю от ее сына нет никаких известий. Он умчался на космическом корабле на одну из соседних планет. И связь с ним оборвалась.

Космонавт пропал без вести. И его мать в горе... К ней приходят друзья. Много заботливых, хороших людей окружают мать космонавта. Некоторых из них она видит впервые. Они утешают ее, говорят, что сын найдется. Пройдет еще немного времени, и он подаст сигнал с далекой планеты, а если сигнала не будет, то на розыски пропавшего полетят

его товарищи. Но разве можно утешить мать, которая не может дождаться сына?

Первый впередсмотрящий умолк. И теперь его место занимает второй. Внимательно вглядывается он вдаль. Второй впередсмотрящий говорит:

— Я вижу седого встревоженного человека. У него впали щеки. Глаза воспалены. Чувствуется, что человек не спал несколько ночей. Его валит с ног усталость, а он не покидает своего рабочего места.

— Стой, впередсмотрящий! Может быть, что-то ты путаешь. В Будущем не будет изнурительного труда.

— Это не простой труд! Это труд ученого. Уже трое суток длится опыт, и седой человек не уйдет из лаборатории, пока не дождется конца.

— А если его постигнет неудача?

— Вполне возможно! Тогда придется начинать все сначала, искать новый путь. Только не отступать! Только не сдаваться! Ведь его открытие нужно гражданам Будущего, а ради этого стоит проводить бессонные ночи в лаборатории, напряженно думать и всё искать, искать.

— Я вижу людей в странных костюмах, похожих на рыцарские латы!

Это снова докладывает первый впередсмотрящий.

— Что это за люди?

— Это землелазы.

— Землелазы?

— Ну да, землелазы. Водолазы опускаются на дно моря, а землелазы пробиваются в глубь земли. Сейчас они начнут спуск в кратер вулкана.

— Это же очень опасно!

— Очень! Даже огнеупорный костюм может не выдержать температуры кипящей магмы. Они идут, хотя знают, что все может случиться. И кто-нибудь из них может не вернуться...

— Так, может быть, лучше не ходить?..

— Нет, они пойдут. И ничто их не остановит. Они хотят подарить людям новые вещества, найти новый источник энергии, проникнуть в самую сокровенную, самую недоступную кладовую земли. И пусть их путь труден, опасен — только вперед!.. Вот они подходят к кромке кратера... И я их уже не вижу, они пропали в клубах густого дыма и пара.

Впередсмотрящие стоят передо мной. Их глаза горят нескрываемым восторгом. Они завидуют людям будущего. И должен сказать, их не смущает, что в нашем прекрасном Будущем будут пропавшие без вести, усталые и седые люди. Да, при самой прекрасной жизни матери будут волноваться, провожая сыновей в путь, ученые будут сидеть от напряженной работы над открытием и смелые люди будут отдавать свою жизнь во имя своего народа.

И когда третий впередсмотрящий докладывает нам: «Коммунизм — это еще и трудная жизнь!», — то это значит, что он разглядел в нашем завтрашнем дне не только бесплатные магазины и не только короткий рабочий день, но и будущих коммунаров, которым предстоит бороться, открывать, творить. А это никогда не было легким делом, и...

Постойте! Впередсмотрящие все разом замахали руками.

— Видим! Видим!

Что увидели они?

Об этом вы узнаете в следующем номере «Костра».

Хороший месяц январь

Слушайте поступь революции!

Двенадцать месяцев в году, и каждый хорош по-своему.

И есть в каждом месяце даты, особенно дорогие нам, особенно праздничные.

Мы хотим, чтобы вы помнили эти даты.

Революция идет по земле! Она идет не первый день и не первое столетие!..

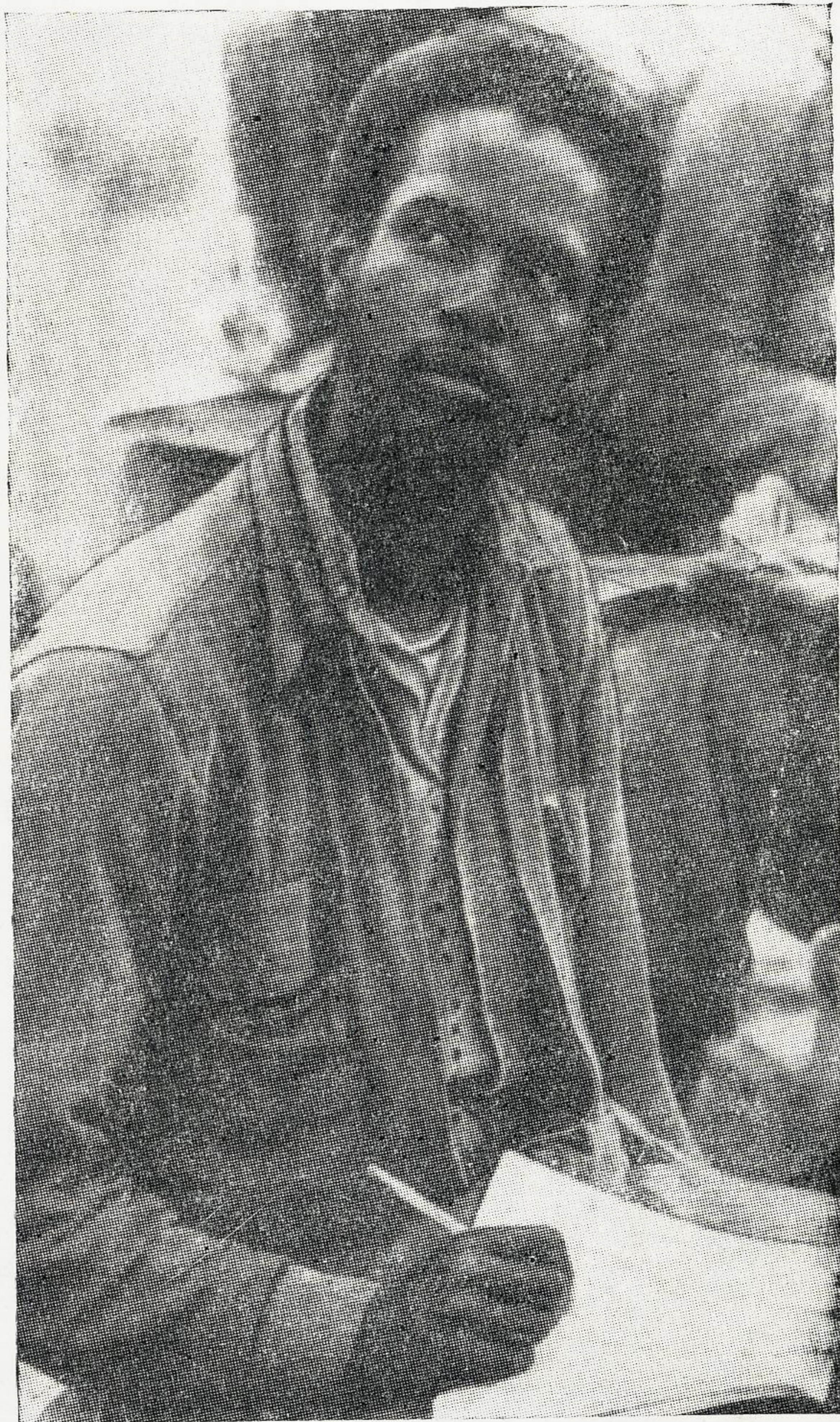
Четыре года назад, в хорошем месяце январе 1959 года, народ Кубы взял власть в свои руки.

„Патриа о муэрте!“ — „Родина — или смерть!“ „Мы победим!“

КУБА

В. Фетисов

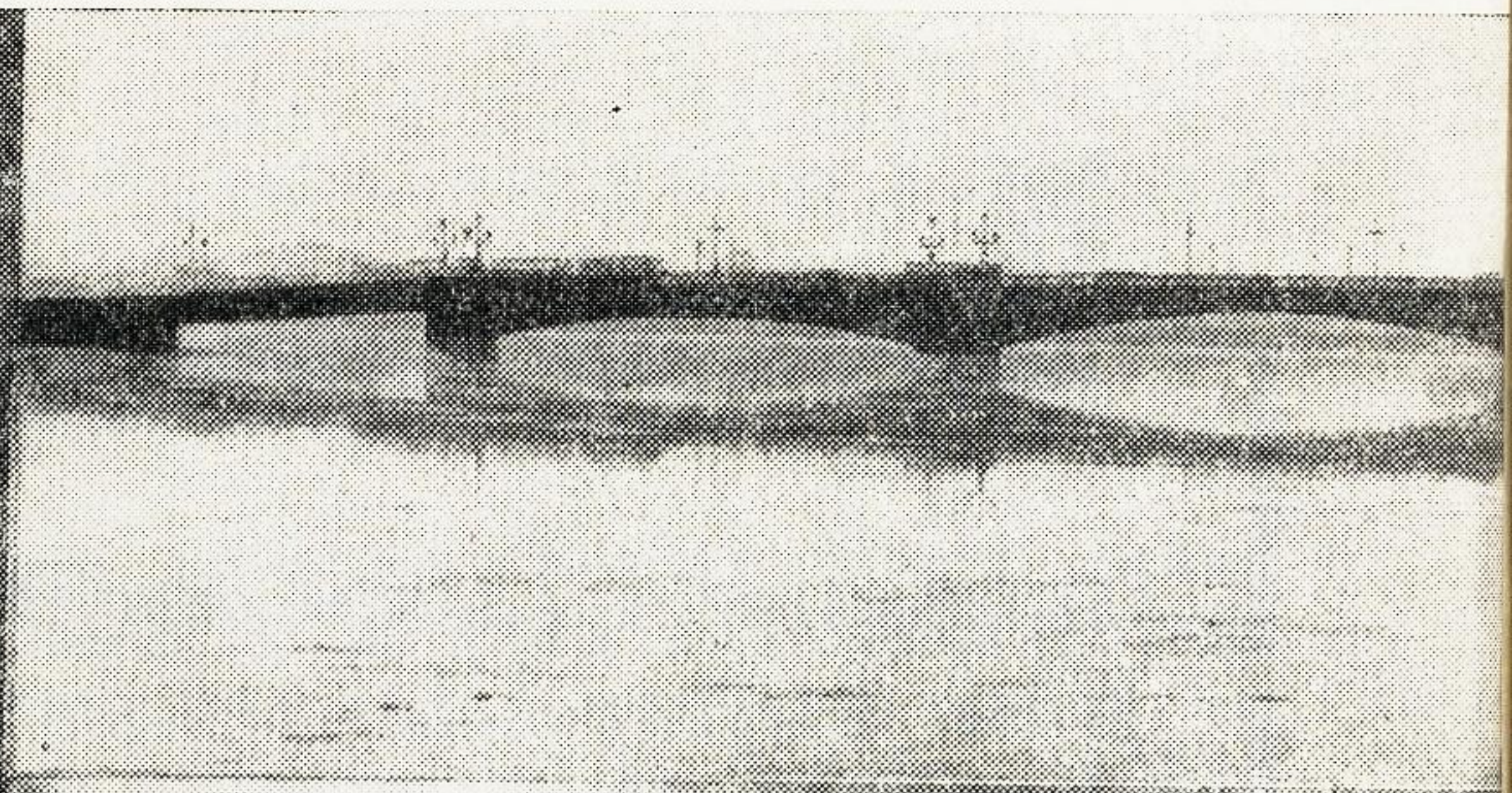
Было.	Новая Куба —
Но бурей	иная!
смыло.	Вот она,
Были	Куба,
потоки пота.	какая:
Были	институты,
рубцы на теле.	школы,
Кубу	клубы
купили	в городах
оптом.	и селах
Цепь	Кубы!
на нее	Куба —
надели.	пестрая Гавана!
Гнали	Небо
ее работать —	вечно голубое!
порохом!..	Куба —
Плетью!..	песня и гитара
Страхом!..	под немолчный
С Кубы	плеск прибоя!
сдирали	С Кубы
подать —	изгнанные
фрукты,	звери
сигары.	лезут в окна,
сахар...	лезут в двери...

Но —
повадки волчьих знай,
люди Кубы
начеку!
Парни Кубы
пляшут румбу
с револьвером
на боку!
У красавиц
пальцы в кольцах,
пояса красавиц —
в кольтах!
У рабочих —
вид орлиный!
От зари
и до зари

за плечами —
карабины,
за ремнями —
буквари!
Губы Кубы
гневно сжаты.
Люди Кубы
все солдаты.
На замке
ее границы, —
не взломать,
не отпереть!
В сердце
каждого кубинца
клятва:
Родина иль смерть!

ПОД НЕВОЙ

Туннель, залитый цепью огней, растворялся в тумане. Свет ламп был очень ярким, но каким-то дымчатым во влажном воздухе. Кольца тубингов бесчисленными квадратами убегали вдаль.

— Отправимся к проходческому щиту, — сказал мастер.

На ходу он рассказывал: «Сооружение пришлось рассчитывать на давление всей массы грунта, расположенной над туннелем, плюс вода...»

— Почему вода?

— Так вы не понимаете, где находитесь? — сказал таинственно проводжатель. — Ну-ка, тише! Слушайте!

Наступила тишина — гнетущая сияющая тишина подземелья. Несколько мгновений спустя мы уловили отдаленный гул над собой.

— Догадайтесь, что это такое? — интриговал мастер. — Ни за что не догадаетесь. Это же трамвай.

— Так там улица?

— Нет, вода.

— А как же трамвай?

— Он идет по Кировскому мосту. Над нашими головами мощный слой глины, вода, быки моста — и трамвай.

Наш путь кончился сложным нагромождением металла, труб и блестящих поршней. Машина как раз не работала, и можно было осмотреть диски с резцами, расположенные по всей поверхности круглого металлического щита.

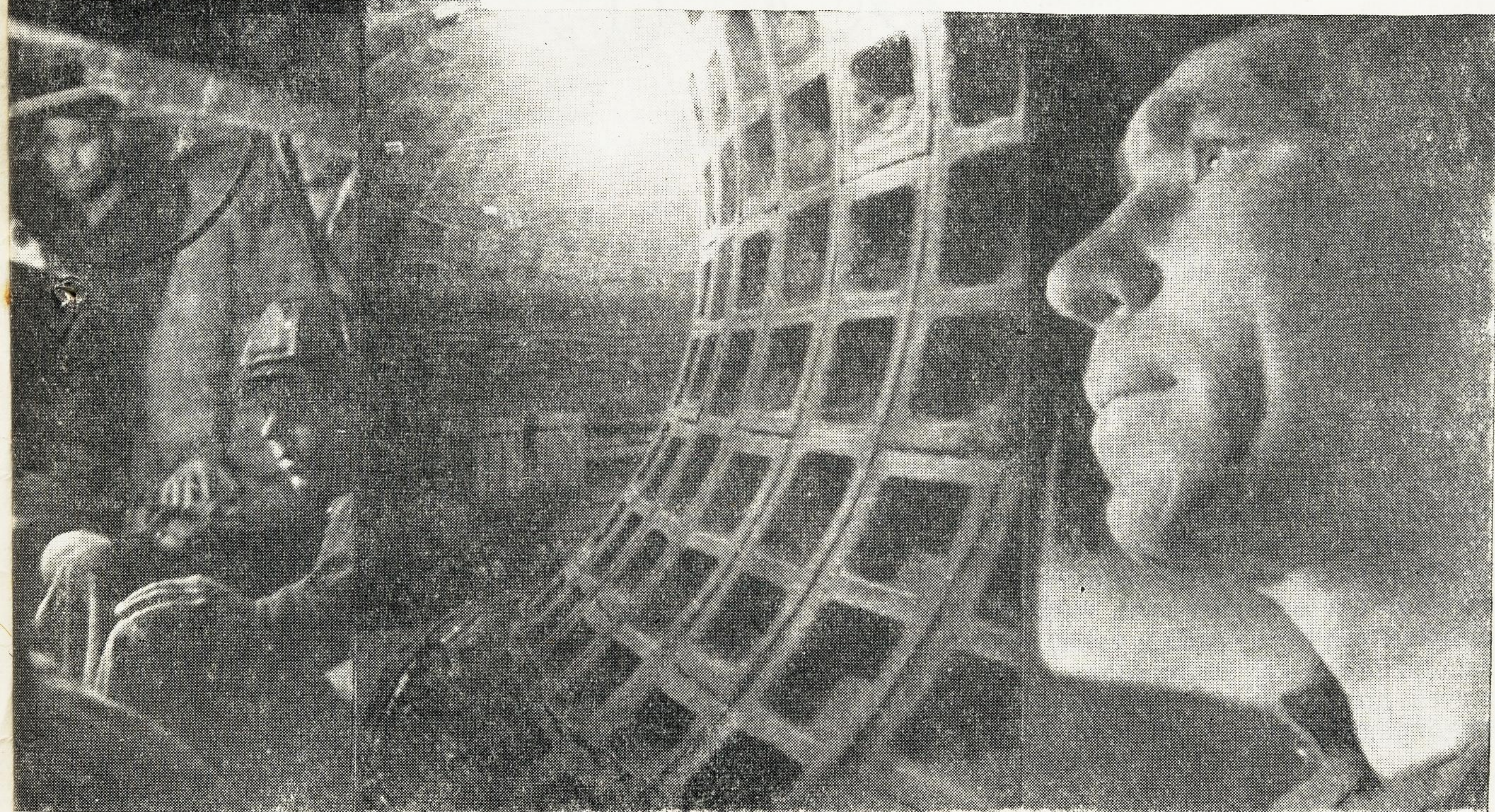
Хозяева удивительной машины стали объяснять, как действует щит, как ведет он проходку.

А я рассматривал их спокойные, сильные лица, лица создателей, не привыкших отступать нигде — ни под землей, ни под водой, ни в космосе.

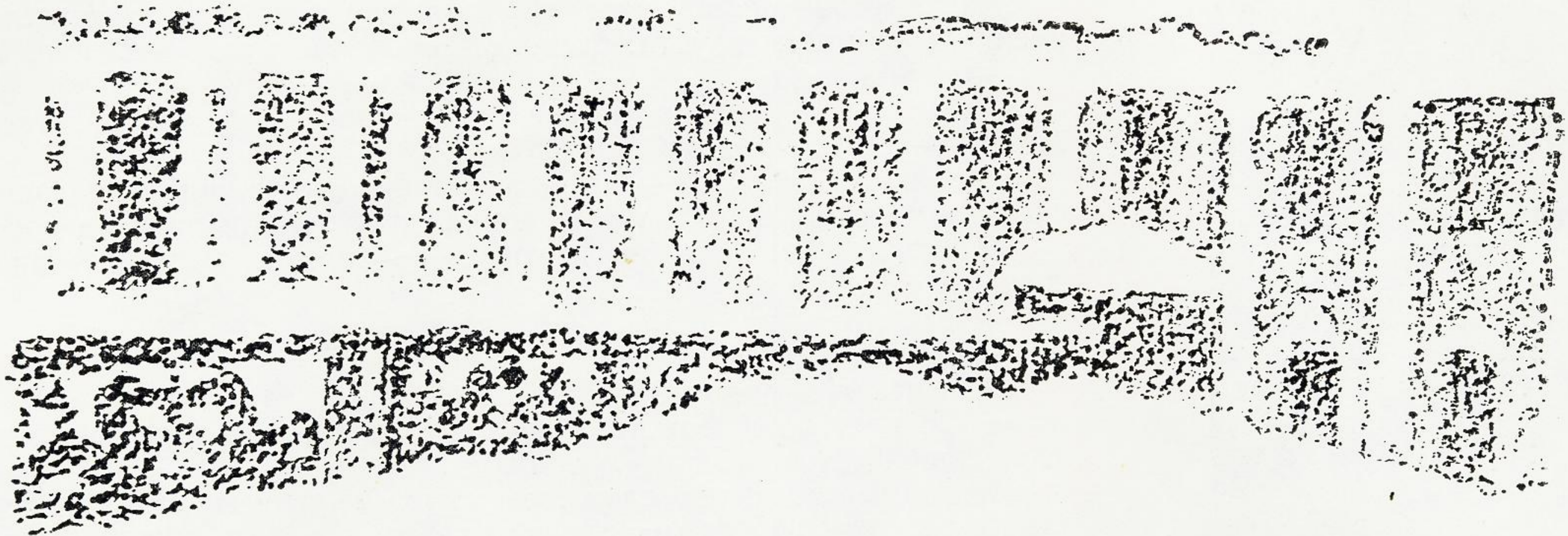
...На улице ленинградский дождичек. Вскочив в трамвай, едешь через Неву. Темнеет, огни набережных пляшут в быстрых водах огромной реки.

Где-то там, под рекой, прислушиваясь к шуму трамвая, продолжают свой трудный путь метростроевцы...

Фото и текст Ю. Цехновицера

Елка

Рассказ

Н. Ходза

Рисунки А. Пахомова

Обстрел застал Генку почти у дома. Снаряды рвались где-то совсем близко, и чистый морозный воздух наполнялся тошнотворным запахом гари. Запах щипал горло, ел глаза, забивался в ноздри.

После первого разрыва уличные репродукторы разом, со всех сторон, начали торопливо выкрикивать:

«...Говорит штаб местной противовоздушной обороны! Район подвергается артиллерийскому обстрелу! Движение по улицам прекратить! Населению немедленно укрыться!»

Диктор умолк, и лихорадочно застучал метроном. Он отбивал доли секунд, и все, кто слышал его стук, знали: снова враги терзают застывший в молчании город, снова где-то рушатся дома, падают раненые, и дружинники подбирают убитых.

Обстрел не произвел на Генку никакого впечатления. К воздушным тревогам он уже привык. Он даже не ускорил шага. Правда, идти быстрее Генка все равно не мог. Чтобы ходить, нужна сила. Это открытие двенадцатилетний Генка сделал еще три месяца назад, в октябре сорок первого года. Раньше ему казалось, что ноги носят людей сами. Встал — и иди, куда хочешь. Можешь идти не торопясь, а можешь так шагать, что все прохожие останутся позади. Так было совсем недавно... А теперь каждый шаг требовал столько усилий!

В больших отцовских валенках (до войны отец ходил в них на охоту) он шел не сгибая колен, почти не отрывая ног от земли. Идти так было легче... гораздо легче...

«Движение по улицам прекращается!»

Генка невесело усмехнулся. Какое движение? Трамваи и троллейбусы стоят, занесенные снегом, стоят среди улиц, покореженные, с пробоинами, без стекол. Горестно свисают над ними заиндигевшие провода. Автобусы тоже не ходят... И людей почти не видно. Вот и сейчас на всей улице только он и какой-то прохожий, замотанный в женскую шаль. Прохожий идет в булочную. Идет, прижимаясь к стене дома. Во время обстрела многие прижимаются к стенам...

Из ворот Генкиного дома вышла дворник — тетя Дуня. В огромных валенках, в черном лохматом тулупе, она тоже направилась к булочной. До чего же теперь все одинаково ходят! Точно передразнивают друг друга! Голод отнял у людей даже походку. До войны у каждого человека была своя походка. Не глядя, на слух, по одной походке, Генка мог определить каждого, кто проходил мимо его комнаты. Потому что каждый из жильцов квартиры ходил по своему. Теперь же и старики, и молодые, и женщины, и мужчины — все ходят одинаково: не сгибая колен, медленно шаркая, оставляя за собой борозду в рыхлом, слепящем снеге...

Генка вошел в подъезд, поднялся на площадку и стал считать до двадцати. Двадцать секунд отдыха. Теперь он всегда так делал: останавливался на каждом этаже и считал до двадцати. Иногда Генке казалось, что ему так и не добраться до четвертого этажа. Тогда он начинал фантазировать. Он придумывал самое невероятное, самое несбыточное. Например, что отец прислал им с фронта буханку хлеба! Целую буханку черного солдатского хлеба на двоих — ему и матери! Стоило только представить это, и путь до четвертого этажа становился гораздо короче...

Но сегодня подниматься было легче. Потому что в сумке его противогаза лежал бумажный лоскутик с двумя отпечатанными на машинке словами: «ЗАВТРАК. ЧАЙ».

Не заходя домой, он постучал в соседнюю квартиру. Здесь жил его друг и одноклассник Тимка. На стук никто не отозвался. Он постучал снова и, прислонившись спиной к двери, стал ждать. Где-то рвались снаряды, из уличных репродукторов неся бешеный перестук метрономов, но Генка думал сейчас только о талончике, на котором стояло два таких прекрасных слова: «ЗАВТРАК. ЧАЙ».

Замок, наконец, щелкнул, кто-то открыл дверь и, не спрашивая ни о чем, зашаркал прочь.

После яркого уличного света, Генка пробирався по длинному черному коридору ощупью, точно слепой. Несколько раз он наткнулся на

какие-то ведра и узлы, но, в конце концов, все-таки добрался до Тимки.

В комнате оказалось не намного светлее, чем в коридоре. Вместо стекол на окнах была набита фанера, и свет в комнату проникал только через квадрат застекленной форточки.

— Ты дома? — спросил негромко Генка.

Из угла, где стоял диван, послышался слабый голос:

— Я здесь... Ты был в школе?

— Был...

— Зачем вызывали? Эвакуироваться?.. Не поеду...

— Ничего не эвакуироваться. Ты почему не пришел?

Глаза Генки постепенно привыкали к полумраку комнаты. Тимка, лежал на диване, укрытый двумя одеялами. На голове его была шапка-ушанка, на руках — шерстяные перчатки. Должно быть, он не расслышал Генкиного ответа и повторил снова:

— Я не поеду...

— Заладил!.. Тебе одно, ты — другое!..

Генка подошел к «буржуйке», снял рукавицы и пощупал трубу. Труба была ледяной. На «буржуйке» стояла жестяная кружка с замерзшей водой и набитая снегом кастрюля. Рядом, на полу, валялись разорванные книги, несколько ножек от венских стульев и тяжелый топор.

— У тебя — как на улице, — сказал Генка. — Тоже, поди, двадцать девять градусов... Почему не топишь?

— Нечем... Все уже сожгли...

— А ножки от стульев?

— Берегу... Последние... Придет мать, тогда и затоплю... Она в госпитале... у отца...

— Ладно... Обойдемся без ножек, — сказал Генка.

Он поднял топор и прошел за шкаф, в дальний угол комнаты. Через несколько секунд Тимка услышал какой-то треск.

— Чего делаешь? — спросил он безразличным голосом.

— Что надо, то и делаю...

Наступило молчание. Тишина комнаты нарушалась только частым тиканьем метронома да треском из-за шкафа.

Казалось, Тимка забыл о присутствии товарища. Он лежал с закрытыми глазами и молчал. Не заговаривал больше и Генка. Вскоре треск за шкафом прекратился, оттуда вышел Генка и швырнул к буржуйке охапку паркетных плашек.

Тимка открыл глаза.

— Управхоз заругается... — сказал он вяло.

— Умер управхоз... вчера...

Генка сунул паркетины в печь, вырвал из книги страницы и начал скручивать их в тугие жгуты.

— Скрученные дольше горят, — сказал он. — Меня мама научила. Мы теперь всегда так кипятим чайник...

Тимка молчал. Генка только сейчас заметил, как он изменился. Отекшее лицо Тимки стало землисто-серым, губы превратились в тонкие бесцветные полоски. В начале декабря Генка видел на улице труп. Истощенный голодом человек упал и не мог уже подняться. Через несколько минут он умер. Лицо его было вот такое же, землисто-серое, и на лице этом с трудом можно было различить тонкие полоски губ...

— Сейчас тебе, Тим, будет жарко! Как в аду! — сказал наигранно веселым голосом Генка. — Вот увидишь!

Он чиркнул спичку, поджег бумажный жгут и сунул его в топку.

— Кружка с водой закипит через пять минут. Приготовьтесь, сэр, хлебать стерильный кипяток.

Топка «буржуйки» была открыта, и по стенам полутемной комнаты, точно розовые облака, проносились тени. Как только жгут догорал, Генка подкладывал новый, и тогда тени суматошливо мельтешили по стенам и потолку.

Бодрый тон Генки, потрескивание в печурке сухих плашек вывели Тимку из дремотного состояния.

— Зачем вызывали в школу? — спросил он.

— Елка будет сегодня... Во Дворце пионеров...

— Не пойду...

— Там котлету будут давать... с гарниром...

— Врешь! — Тимка приподнял голову с подушки. — Врешь!

— Ей-богу! Каждому дали приглашение и талончик. На талончике написано: «ЗАВТРАК» и «ЧАЙ». Воспиталка сказала — к чаю конфету дадут...

Тимка вскочил с дивана.

— Ты почему сразу не сказал? Я пойду... сейчас пойду... пусть мне тоже дают...

— Не надо тебе ходить... Билет в сумке... выпросил для тебя...

— Дали? Ты правду?.. — В голосе Тимки звучало недоверие.

— Упросил... Сказал, что ты ушел в госпиталь навещать отца.

— Где талон? Когда идти?

— Сегодня... Через два часа начало...

— Через два часа? Надо сейчас же выходить... а то опоздаем. Давай талон!

Генка стал рыться в сумке. Тимка напряженно следил за каждым его движением.

— Где же он? Где? Куда ты его дел?!

— Сейчас... сейчас... — растерянно бормотал Генка... — Потерять я не мог...

И вдруг Тимка закричал тонким пронзительным голосом:

— Потерял! Ты потерял! Отдавай свой! — Он вскочил на ноги, но тут же в изнеможении опустился на диван и, глядя с ненавистью на Генку, едва слышно прошептал:

— Нет... ты не потерял... Ты сам хочешь все съесть... на мой талон... Отдай! Сейчас же отдай!

Генка испуганно смотрел на своего друга.

— Что ты, Тим?!.. погоди... Сейчас... Я не мог потерять... Они лежали вместе...

Он стянул варежки, подошел к форточке и снова начал рыться в сумке. Тимка не спускал с него глаз.

— Вот они! Получай свой, — хрипло сказал Генка. Только теперь он понял по-настоящему, в чем заподозрил его Тимка, лучший друг, Тимка.

— Прощай... Я пошел... — сгорбившись, по-стариковски шаркая валенками, он направился к двери.

— Постой... Не уходи...

Генка обернулся и хмуро взглянул на друга.

— Это от голода... не сердись... — забормотал Тимка. — Я уже давно съел весь хлеб... За два дня вперед... Двести пятьдесят граммов! Я вчера ничего не ел... и сегодня ничего не ел...

Генка испугался. Он знал, как страшно позволить голоду взять верх над волей. Суточную норму — сто двадцать пять граммов хлеба нужно было съесть в три приема: утром, в обед и перед сном. И тот, кто не выдерживал, кто съедал сразу весь свой паек, тот умирал скорее других.

— Как же так, как же так? — растерянно повторял Генка. — Ты же знаешь... Съесть сразу двести пятьдесят граммов!

По немытому лицу Тимки текли слезы. Медленно, останавливаясь после каждых двух-трех слов, он заговорил:

— Проснулся вчера ночью... Метроном стучит часто... Опять бомбежка... стервятники гудят... бьют зенитки... Потом бомбы завыли... рвутся где-то... Сначала далеко рвались... А потом ближе... ближе... Дом наш, как мячик, подскакивал...

— Знаю. Я в ту ночь на крыше дежурил...

— Дома никого нет... Мать в госпитале... у отца дежурит. Совсем рядом бомба разорвалась... Я подумал... сейчас в наш дом прямое попадание...

— Что ты мне про бомбы! Скажи, почему весь хлеб съел, балда!

— Я же говорю... Думал, сейчас меня убьет... Меня убьет, а хлеб мой останется... А я умру голодный... А хлеб останется. И тогда я все съел... Весь кусок... Чтобы не умереть голодным...

Генка слушал друга и готов был заплакать

сам. Как часто, во время страшных ночных бомбежек, он думал о том же: «надо съесть весь хлеб, пока меня не убили...»

Он подошел к «буржуйке», снял жестяную кружку и подал Тимке.

— Ладно! Выпрямляйся, барабанщик! Выпей и пошли! После котлеты козлом запрыгаешь!

Тимка плотно обхватил ладонями кружку с кипятком. Кружка грела пальцы, которым было холодно даже в шерстяных перчатках. Медленно, растягивая удовольствие, он пил маленькими глоточками кипяток. Допив до конца, Тимка поднялся с дивана.

— Пойдем! — сказал он решительно. — Сейчас надену сумку и пойдем...

Он потянулся к вешалке, где висел противогаз, и вдруг вцепился в спинку дивана.

— Голова кружится...

— Пройдет, — сказал жестко Генка. — Будешь копать, — нам ничего не останется.

— Я! Сейчас... я сейчас... — Тимка снова потянулся к вешалке и, снова пошатнувшись, упал на диван.

— Не могу... Не могу... Я умру сегодня...

— Глупости! — злобно выкрикнул Генка. — Если все умрут, кто будет защищать Ленинград? Вставай, вставай, барабанщик!

— Не могу... Возьми мой талон... принесишь... принесешь мне... Только ты скорее.

Он протягивал Генке талон и смотрел на него умоляющими глазами.

— Принесешь, да? Тогда я не умру... не умру...

— Ясно, не умрешь! Все принесу! И котлету, и гарнир, и хлеб, и конфету!

— Спасибо... Возьми в моем противогазе банку... из-под кофе... В нее много входит...

Генка положил в свою сумку высокую банку, подошел к печурке, сунул в нее остатки бумажных жгутов, подбросил плашек и, подняв воротник пальто, вышел из комнаты.

* * *

Путь от Пушкинской до Дворца пионеров занимал недавно у Генки не более восьми минут. По часам. Однажды, на спор с Тимкой, он прошел его за пять минут. Тимка проиграл ему тогда марку герцогства Люксембург. Теперь эта дорога казалась ему бесконечной.

Чтобы легче было идти, он стал думать о елке: какой она будет сегодня? Неужели такая же, как в прошлом году? До самого потолка? На макушке — рубиновая звезда? И вся сверху донизу перевита электрическими гирляндами? Впрочем, какие теперь гирлянды? В городе же нет электричества!.. И елки до потолка не может быть... Кто ее установит, такую громадину?!..

А вдруг на елке будут висеть пряники или мандарины?.. На прошлой елке в школе висели конфеты в серебряных и золотых бумажках....

Едва он подумал об этом, как голод обрушился на него с необоримой силой. «Есть!

Есть! Я хочу есть! — кричало все в Генке. — Не надо мандаринов! Дайте мне хлеба! Хлеба! Хлеба!»

Приступ голода заставил его остановиться, — ноги отказывались идти дальше. Генка испугался. Он понял, что голод его побеждает. «Не думай о еде! Не думай о еде!» — приказывал он себе, шагая по снежной целине Невского. Надо думать о другом. Почему нет писем от отца? Последнее его письмо Генка помнит наизусть: «Все вы, ленинградцы, герои, — писал отец. — И ты — герой. Напиши мне о своих подвигах».

Совершить подвиг — была заветная мечта Генки. Он не сомневался, что отец его вернется с войны героем. Иначе и быть не может! Но совершить подвиг в бою не так трудно. А как совершить подвиг в блокадном Ленинграде? Хорошо, если ему удастся напасть на след диверсанта! Но у него, у Генки, нет никакого оружия. Даже финки нет! Правда, тетя Дуня — дворничиха назвала его героем, когда он обезвредил две зажигалки. Но разве это подвиг — столкнуть с крыши две вонючих зажигалки?!

Нет, видно, никогда не совершить ему настоящего подвига...

Он прошел мимо горящего дома. Дом горел уже третий день, но никто не тушил его: в городе не было воды.

Наконец показался Дворец пионеров. Впереди Генка заметил двух подростков. Должно быть, они тоже шли на елку. Генка не мог понять, кто они, — мальчики или девочки. А может быть, мальчик и девочка? Ничего не понять! У обоих на голове шапки-ушанки, на ногах валенки не по росту, воротники пальто подняты, через плечо — противогазные сумки. Они отличались друг от друга только ростом. Один — коротышка, другой — долговязый.

Генке казалось, что ребята идут очень медленно. Он захотел догнать их. Но, удивительное дело, как он ни старался, расстояние между ними оставалось тем же. Тогда Генка понял, что он идет так же медленно, как и они.

На Аничковом мосту Долговязый поскользнулся и упал на спину. Коротышка пытался поднять его, но ничего не получалось, не хватало сил. Издали можно было подумать, что ребяташки дурачатся.

— Помоги, — сказал Коротышка, когда Генка поравнялся с ними...

По голосу Генка догадался: Коротышка — девочка. Вдвоем они подняли Долговязого, и тот, оказавшись на ногах, произнес только одну фразу:

— Скорее. Без нас все съедят...

Остаток пути они прошли молча. Лишь в холодном вестибюле Дворца пионеров Долговязый мечтательно произнес:

— Котлету дадут... И чай с конфетой...

...Елка стояла в зале второго этажа. Собралось уже много ребят, но никто не бегал, не шумел, не смеялся. В пальто, валенках, шапках, школьники молча толпились вокруг елки. Елка была большая, но верхняя часть ее оказалась неукрашенной. Только у самой вершины висела большая прозрачная сосулька. И она не таяла.

В залу вошел гармонист в ватнике и перчатках. На голове его красовалась потертая папаха.

— Что будем петь, красавцы-молодцы? — спросил он неестественно веселым голосом. И не дожидаясь ответа растянул мехи, притопнул ногой и выкрикнул:

— И-и-и два! Начали!

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла...

«Дурак! Какую чепуху поет!» — раздраженно подумал Генка.

Никто не подхватил песню, никто даже не посмотрел на затейника. Глаза ребят были устремлены на елку. Они искали «съедобные» украшения. Поиски были напрасны. Всюду глаз наткнулся на сверкающие шары и шарики, на картонные игрушки, на ватных балерин и зверят...

Баянист доиграл песню до конца и без всякой паузы, сразу же, заиграл новую. Эта была любимая теперь песня Генки. Сам не замечая того, он стал про себя, неслышно, подтягивать гармонисту:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною...

Рядом с ним стояли такие же голодные, оочевневшие ребята и тоже шевелили синими, обескровленными губами.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Умолк баян, перестали шевелиться губы ребят.

— А теперь — вниз, в столовую, — выкрикнул затейник. — Закусите, чем бог послал! Шевелитесь, красавцы-молодцы!

Этой минуты ждали все, ждали напряженно, нетерпеливо. Но никто после слов баяниста не вскочил, не побежал к лестнице, не из-

дал радостного возгласа. Тем же замедленным шагом ребята спустились по широкой лестнице, прошли в небольшую столовую и сели за столы. В столовой было теплее, чем в зале. «Здесь бы сосулька оттаяла», — подумал почему-то Генка.

Ребята сдернули рукавицы и опустили воротники. Некоторые даже расстегнули пальто и сняли шапки. И каждый держал в руках драгоценный талончик с надписью: «Завтрак. Чай».

Из боковых дверей появились три официантки. Они несли подносы, уставленные маленькими тарелками. На каждой тарелке лежала котлета, немного ячневой каши и тоненький ломтик черного хлеба. Появилась еще одна официантка. На ее подносе стояли кружки с чаем и лежали ириски.

Краснощекая, с блестящими глазами официантка, двигалась легко, и голос у нее был громкий и властный.

— Талоны приготовили? Начинаем раздавать!

Она поставила поднос почти рядом с Генкой, и запах жареных котлет мгновенно наполнил всю комнату. Генка с наслаждением втягивал в себя волшебный аромат, и глаза его в эти минуты ничего, кроме котлет, не видели.

— Мне на двоих, — сказал он и протянул краснощекой официантке два талончика.

— Еще чего! — строго сказала официантка. — Каждому одну котлету, один чай, одну ириску!

Сунув оба талона в карман ватника, она поставила перед Генкой тарелку с котлетой, ириску и кружку теплого чая.

У Генки перехватило дыхание.

— Это же не мое, это Тимкино, — выдавил он из себя.

— Сам же признаешь, что не твое! А еще, наверное, пионер! Стыдись! — укоризненно сказала официантка и удалилась, громко стуча каблуками аккуратных сапожек.

Генка тупо смотрел ей вслед и почему-то думал, что вот сейчас она обернется, скажет, что пошутила и поставит на стол еще одну тарелку с котлетой. «Ну, конечно, так и будет, иначе не может быть, не может».

Но официантка не возвращалась. Соседние ребята давно уже принялись за еду. Они ели молча, медленно, кладя в рот крошечные кусочки пищи. Все старались продлить, бесконечно продлить это наслаждение.

Наконец до сознания Генки дошел весь ужас случившегося. Произошло самое страшное, что пришлось ему испытать за все шесть месяцев войны. Это был точно дурной сон, от которого невозможно проснуться. Генка знал,

что делать, когда враги бросают на город зажигалки, знал, как оказать первую помощь раненому, он не пугался мертвых и не терялся при самых жестоких артиллерийских обстрелах. Но сейчас он чувствовал себя беззащитным, несчастным, беспомощным...

Ребята вокруг сосредоточенно ели. Генка взглянул на свою тарелку и при виде котлеты, политой янтарным жиром, на какую-то минуту забыл обо всем, что произошло. С новой яростью им овладело одно только чувство — голод!

Он подцепил на кончик чайной ложки комочек ячневой каши, сразу же проглотил его и потянулся за новой порцией.

«Какой я дурак, какой я дурак, — думал с отчаянием Генка. — Я мог есть ее каждый день, сколько хочу, хоть котел! Всякую кашу! Пшеничную! Рисовую! Гречневую! Гороховую! Овсянку! Мучку! Ячневую! Мог есть с маслом, с молоком, с сахаром, с вареньем, с медом! А я не ел!.. Не ел! И котлет не любил!»

Он дотронулся ложкой до котлеты и вдруг вспомнил отекавшее лицо Тимки, его серые губы, его запавшие глаза...

Генкин сосед, покончив с едой, заложил за щеку ириску и смачно прихлебывал чай. Он заметил нетронутую котлету на генкиной тарелке и сказал со злобой:

— Сытый... Зачем пришел?

Но Генка не слышал его слов. Совсем другие слова слышались ему сейчас:

— Принесешь, да? Тогда я не умру... Не умру...

В комнате вновь появилась краснощекая официантка.

— Кончай, ребяташки! — бойко прокричала она. — Сейчас другие придут! Все хотят есть! Точно!

Не отрывая глаз от котлеты, Генка расстегнул сумку и вытащил оттуда кофейную банку.

* * *

Он возвращался домой. По-прежнему горел дом, по-прежнему никто не тушил его. Впрочем, Генка сейчас ничего не замечал, он все время думал о несъеденной котлете и ячневой каше. Поймав себя на этих мыслях, он рассердился. «Опять я об еде! Нельзя, нельзя о ней думать! Надо о другом».

И он стал думать о подвиге. Вот идет штыковой бой. И он, Генка, врывается в немецкий блиндаж. На него бросаются два эсэсовца. Генка срезает их очередью из автомата. И тут он замечает третьего фашиста. Фашист стреляет. Мимо! «Хенде хох!» — кричит Генка и наставляет на фашиста автомат. Гитлеровец поднимает вверх руки, и Генка благополучно приводит немца в штаб.

Это был испытанный прием: когда Генка думал о подвигах, он переставал думать о еде. Но на этот раз ничего не получилось. Голод не оставлял его, и идти становилось труднее с каждым шагом. «Вдруг я не дойду до дому? — ужаснулся он. — Меня подберут и отвезут в госпиталь. А Тимка ничего не будет знать. И подумает, что я съел его котлету...».

У самого дома Генка увидел дворника.

— Тетя Дуня, помогите мне подняться, — сказал он, чувствуя, как кружится голова.

— Айда, герой, под ручку! — произнесла без улыбки тетя Дуня.

Она проводила его до Тимкиной квартиры и, ничего не сказав, тяжело и медленно ступая, начала спускаться вниз.

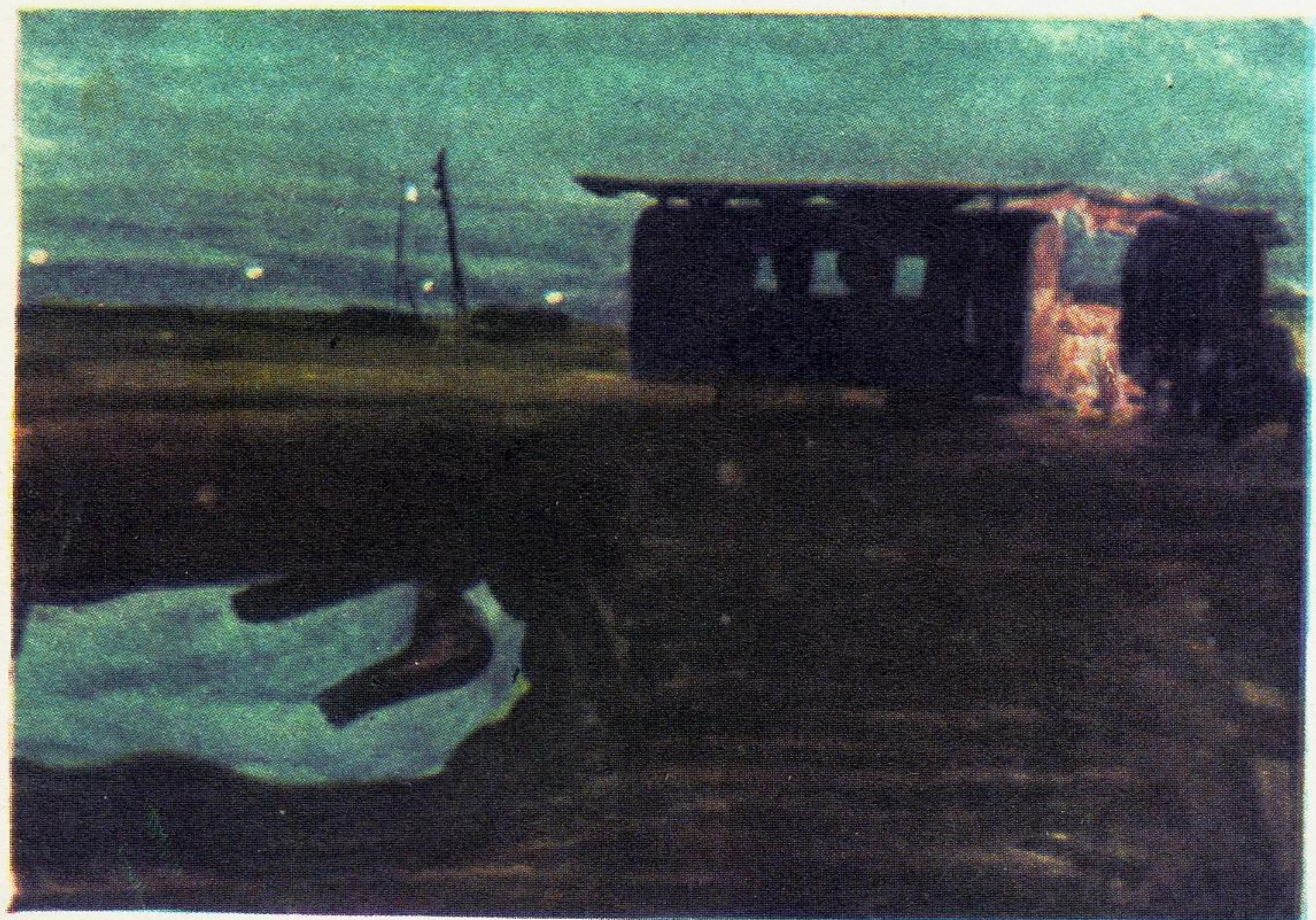

НА ТАКОМ МЫ ПОЛЕТИМ

ВОТ ТЕПЕРЬ ПРОХЛАДНО...

ПОСЛЕ СМЕНЫ В ДУШ

Рисунки А. Сколозубова

А У НАС В ПУСТЫНЕ ГАЗ!

Рассказали
Б. Власов, А. Сколзубов

Ехали мы ехали.

Сначала мы летели на самолете. Потом мчались поездом. Добрались до места, где рельсы кончаются, и пересели на попутные машины.

Дальше так стало: на четыре стороны белая корка, размолотят ее колеса и получается мелкая глина, как пудра. Идет грузовик в пыльном облаке и сам себе гудит.

Вообще здесь в одиночку не принято ездить. До сих пор помнят, как кто-то когда-то заплутался, принял влево, пилил-пилил двое суток и прикатил аж на берег Каспия! К самому форту Шевченко!

Нам не нужно к Шевченко. Нам бы на компрессорную станцию номер семь.

Вон она показалась на горизонте — домишки и, словно игла, антенна.

Когда газопровод Газли—Урал вступит в строй, через каждые полторы сотни километров будут такие станции. Их дело — держать в трубах давление, подгонять газ в пути.

А пока что строительство еще не конечно, и в домиках-вагончиках живут монтажники, сварщики, трактористы.

Нелегко им приходится.

И разряд у каждого высокий, и механизмов много, и в домиках — электричество, вода, паровое отопление для зимы.

А все равно нелегко.

Во-первых, солнце.

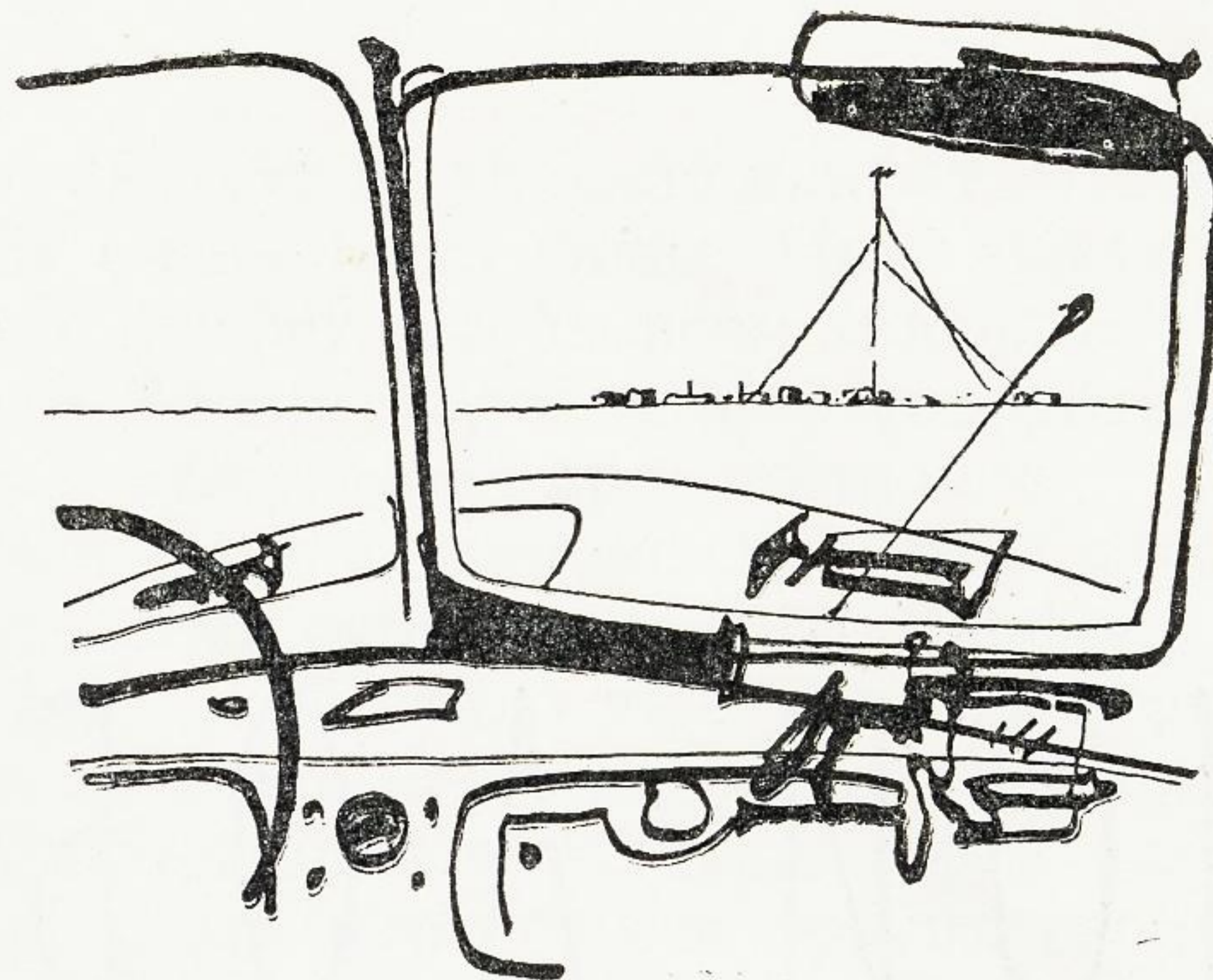
Столовая открывается в шесть утра, и уже очередь: спешат успеть до жары. Позже кусок в горло не полезет. Позагораешь час — кожа сходит неделю.

Во-вторых, пыль. Не спасают ни очки, ни маски.

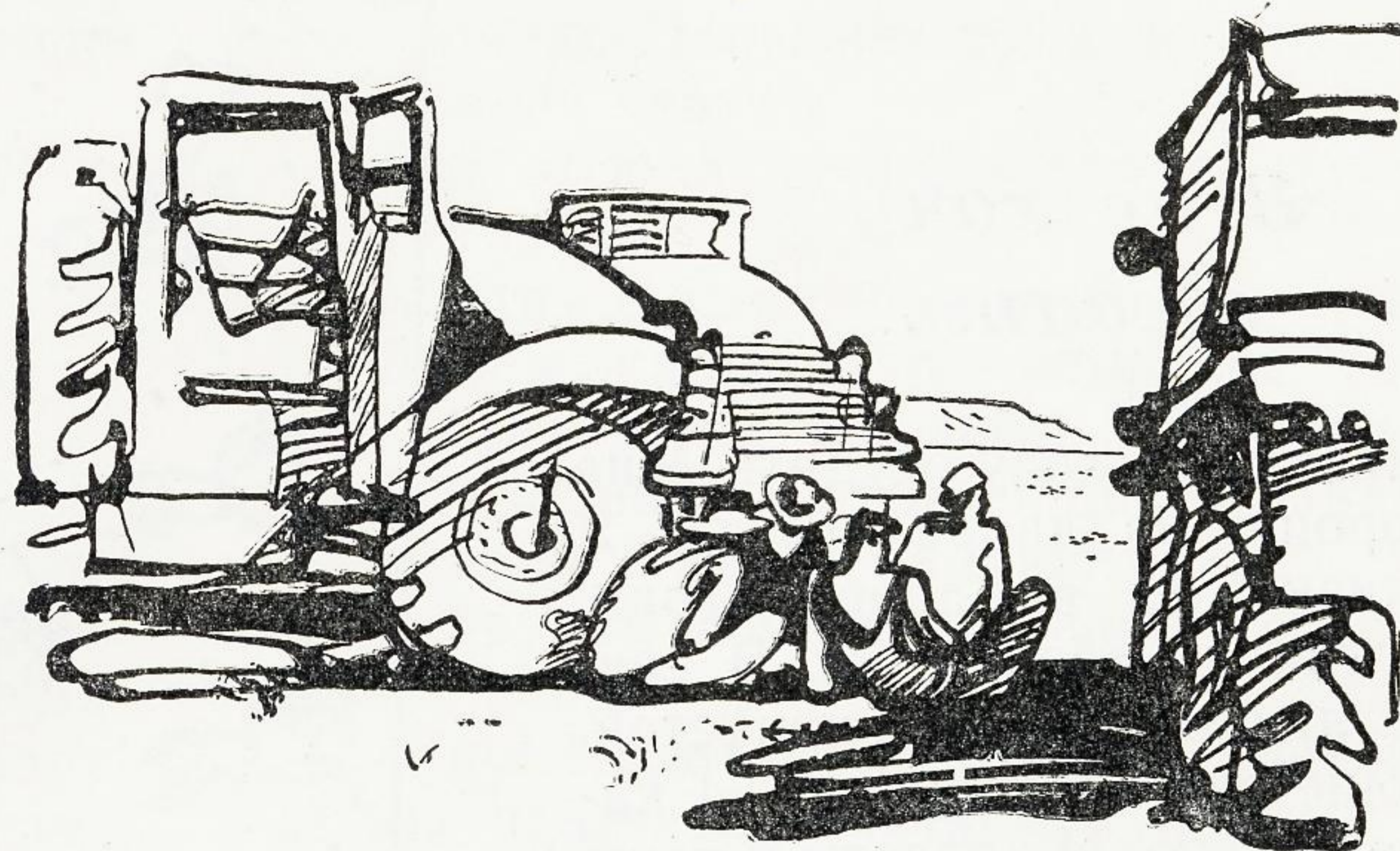
Возвратятся парни со смены, долго моются под душем — такие все коричневые, как индейцы. И выпивают за ужином по десять кружек компота сразу.

Мы тоже старались не отставать.

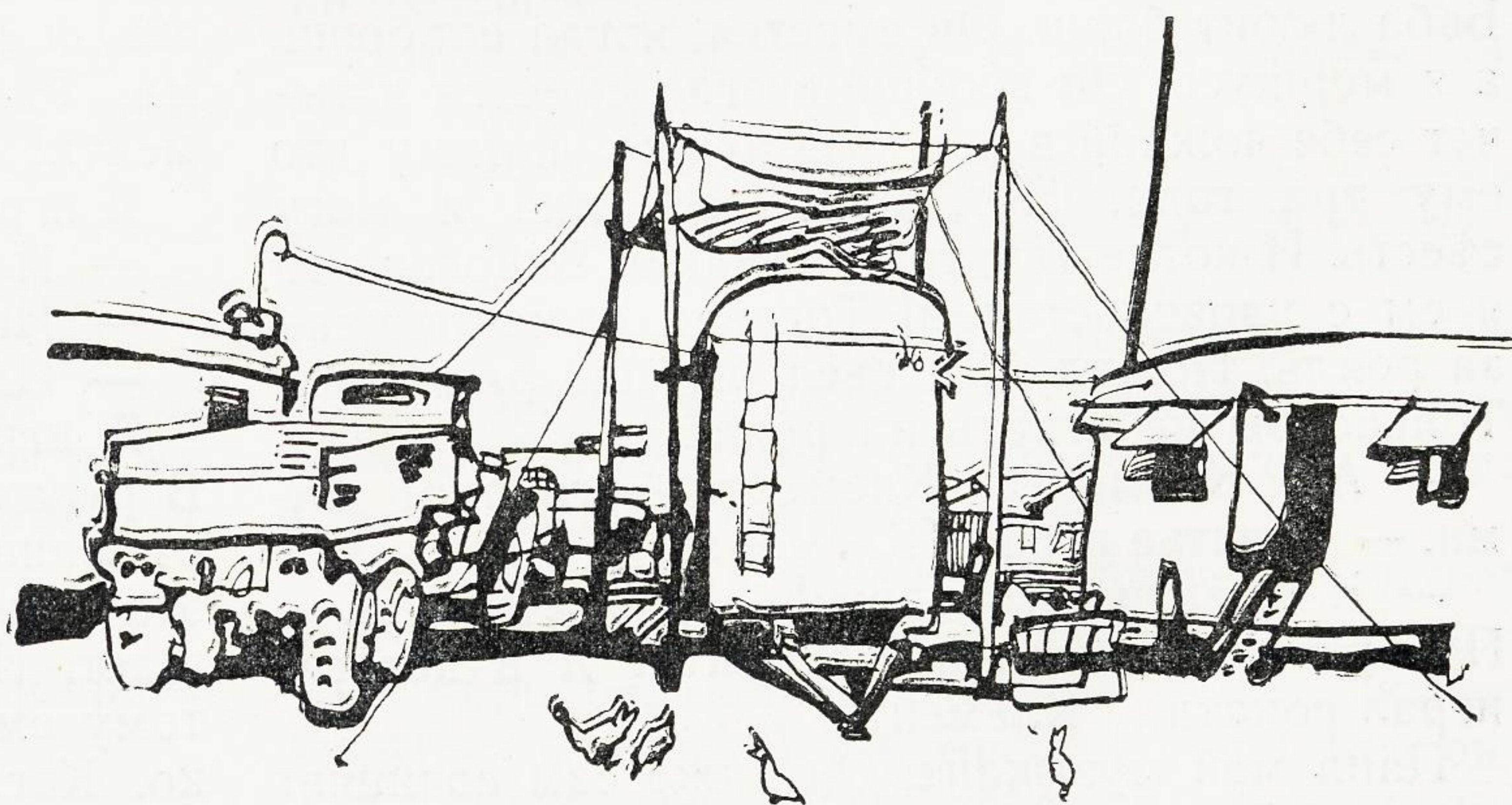
Мы тоже терпели и не жаловались на жару и пыль, слушали рассказы о будущем газопроводе, всюду лазали и глядели во все глаза. А что видели — рисовали.

ДО КОМПРЕССОРНОЙ СТАНЦИИ
ЕЩЕ ТРИ КИЛОМЕТРА

КАРАВАНЩИКИ ЗАВТРАКАЮТ

ТЕНИ НЕТ!

Рисунки Б. Власова

МОЙ ДОБРЫЙ ПАПА

Повесть

Виктор Голявкин

Рисунки автора

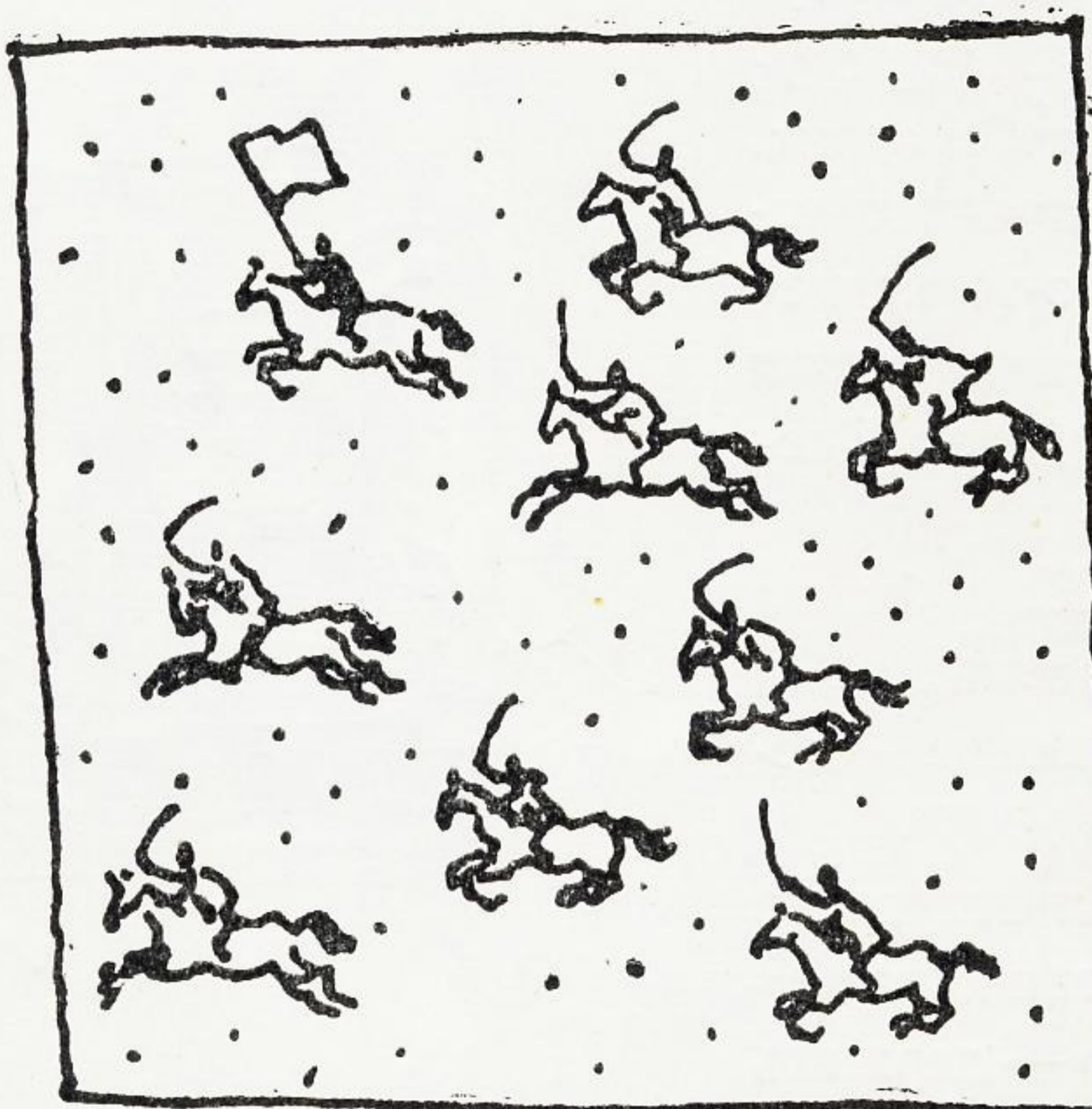
Я не хочу обедать

Я никогда не хочу обедать. Мне так хорошо во дворе играть! Я всю жизнь бы во дворе играл. И никогда не обедал бы. Я совсем не люблю борщ с капустой. И вообще суп я не люблю. И кашу я не люблю. И котлеты я тоже не очень люблю. Я люблю абрикосы! Но вот мама зовет меня есть борщ, мне приходится все бросать, недостроенный дом из песка, и Раиса, Рамиса, Рафиса, Расима — моих друзей, братьев Измайловых. Мой брат Боба любит борщ. Он смеется, когда ест борщ, а я морщусь. Он вообще всегда смеется и тычет себе ложкой в нос вместо рта, потому что ему три года. Нет, борщ все-таки я могу съесть. И котлеты я тоже съедаю. Виноград-то я ем с удовольствием! Тогда и сажают меня за рояль. Пожалуй, я съел бы еще раз борщ. Только бы не играть на рояле.

— Ах, Клементи, Клементи, — говорит мама. — Счастье играть Клементи!

— Клементи, Клементи! — говорит папа. — Прекрасная сонатина Клементи! Я в детстве играл сонатину Клементи.

Папа мой музыкант. Он даже сам сочиняет музыку. Зато раньше он был военный. Он был командиром конников. Он скакал на коне совсем рядом с Чапаевым. Он носил со звездой папаху. Я видел папину шашку. Она здесь, у нас в сундуке. Эта шашка такая огромная! И такая тяжелая! Ее даже трудно в руках

держат. Не то что махать во все стороны. Эх, был бы папа военный! Весь в ремнях. Кобура на боку. На другом боку шашка. Звезда на фуражке. Папа ездил бы на ко-

не. А я шел бы с ним рядом. Все мне бы завидовали! Вон, смотрите, какой Петин папа!

Но папа любит Клементи.

А я не люблю. Я люблю строить дом из песка, и друзей люблю, четырех братьев: Расима, Рафиса, Раиса, Рамиса. Что мне Клементи!

Я играю. И спрашиваю:

— Не хватит?

— Играй еще, — говорит мама.

— Играй, играй, — говорит папа.

Я играю, а брат сидит на полу и смеется. В руках у него заводная машина. Он оторвал от машины колеса. И катает их по полу. И это ему очень нравится. Никто ему не мешает. Не заставляет играть на рояле. И потому ему очень весело. Плачет он очень редко. Когда у него что-нибудь отнимают. Или когда его стригут. Он совершенно не любит стричься. Он так и ходил бы всю жизнь лохматый. На это он не обращает внимания. В общем, ему хорошо, а мне плохо.

Папа с мамой слушают, как я играю. Брат катает по полу колесики. За окном кричат че-

тыре брата. Они кричат разными голосами. Я вижу в окно: они машут руками. Они зовут меня. Им одним скучно.

— Ну, все, — говорю я, — все сыграл.

— Еще разик, — просит папа.

— Больше не буду, — говорю я.

— Ну, пожалуйста, — говорит мама.

— Не буду, — говорю я, — не буду!

— Ты смотри мне! — говорит папа.

Я пробую встать. Убираю ноты.

— Я сотру тебя в порошок! — кричит папа.

— Не надо так, — говорит мама.

Папа волнуется:

— Я учился... я играл в день по пять-шесть часов, сразу после гражданской войны. Я трудился! А он?.. Я его в порошок сотру!

Но я-то знал! Он меня не сотрет в порошок. Он так всегда говорит, когда злится. Он даже маме так говорил. Как может он нас в порошок стереть? Тем более, что он наш папа.

— Не буду играть, — говорю я, — и все!

— Посмотрим, — говорит папа.

— Пожалуйста, — говорю я.

— Посмотрим, — говорит папа.

В третий раз я играю Клементи.

Наконец-то меня отпускают! Мой брат Боба идет за мной. Он растерял все колесики, и ему теперь скучно.

На дворе меня ждут четыре брата. Они машут руками, кричат. Мой дом из песка разрушен. Весь труд мой пропал даром. И все из-за борща и Клементи! Дом разрушил Рафис — младший брат. Он плачет — братья его побили. Мне очень жалко дом. Но Рафис малыш. И его уже братья побили. Нечего делать! И я говорю:

— Ничего. Новый дом построим.

Я веду всех в магазин к дяде Гоше. Дядя Гоша — папин знакомый. Он нам всё отпускает в долг. Он записывает на листке наш долг, а потом папа платит ему. Так хорошо! Папа так и сказал: отпускай им всё. Что они захотят. Сколько им угодно.

Вот приходим мы в магазин. Дядя Гоша нам отпускает конфеты. Мы можем есть их, сколько хотим. Потом папа за все заплатит.

Раис говорит:

— Я уже все съел.

Мы опять идем к дяде Гоше. И набираем еще конфет. Он говорит:

— Не много ли? Приходите еще.

— Непременно придем, — говорим мы.

Во дворе нас окружают ребята. Мы раздаем всем конфеты. Нам не хватает на всех конфет. Например, Керим без конфет, Маша Никонова и Сашок.

Мы опять идем к дяде Гоше.

— Пожалуйста, — просим мы, — извините.

Но нам тут не хватило конфет. Что же делать? Мы очень расстроены. Нам нужно еще чуть-чуть конфет. Чтобы всем хватило.

— Зачем чуть-чуть! — говорит дядя Гоша. — Берите! И приходите еще.

Он дает нам конфет, и все довольны. Теперь всем ребятам хватило конфет.

На улице стало уже темнеть. Фонари зажглись. Скоро небо все будет в звездах. Такое в нашем городе небо. Наш город самый красивый. Хотя я не был в других городах. В нашем городе есть бульвар. Там море, корабли и лодки. И виден остров вдали. И нефтяные вышки в море. Я пошел бы сейчас на бульвар, но вы слышите? Мама зовет нас к ужину.

И я иду ужинать. Так целый день. Целый день должен я есть!

Я съел ужин, но это не все. Меня сноваведут к роялю. Папы нет дома, и я говорю:

— С меня хватит.

— Вот отсюда начни, — просит мама, — вот с этой строчки.

— Хватит с меня, — говорю я, — и все!

— Будем ждать папу, — говорит мама.

Приходит папа. Он весел. Он держит два больших ящика. В этих ящиках мандарины.

— В июне и вдруг мандарины?!

— С трудом достал, — говорит отец. Он открывает ящики.

— А ну! Налетайте! Ребятки! Хватайте!

И мы налетаем, хватаем, смеемся. И папа смеется вместе с нами. И ест мандарины. И говорит:

— Позовите всех.

Я зову братьев Раиса, Рафиса, Расима, Рамиса. И мы угощаем их мандаринами. И ящики быстро пустеют.

Потом братья уходят. И мама уносит пустые ящики. И говорит папе:

— Как с деньгами? Сумеем ли мы все же съездить на дачу? Хотелось бы. Лето уже проходит.

Я вижу, папа задумался. Он говорит:

— Может, мы сумеем. Но, может быть, и не сумеем. Но если мы даже и не поедem, то не беда — жизнь и так прекрасна!

Но я-то знаю. На даче прекрасней! Там нет рояля. Там гранаты, айва, виноград, инжир... Там море без конца и краю. Я так люблю купаться в море! Я так хочу на дачу! Там рядом станция. Там гудят паровозы. Там проходят разные поезда. А когда машешь, — тебе тоже машут из окон вагонов. И еще там горячий песок, утки, курицы, мельницы, ослики...

Потом я засыпаю на стуле.

Сквозь сон слышу я голоса, все про дачу, про море, про лето...

А утром я просыпаюсь в кровати.

Соседи

Фатьма Ханум — это тетя Фатьма, мама братьев Рамиса, Рафиса, Расима, Раиса. Как видит меня, каждый раз говорит: «Ах, Петька, Петька, совсем большой!» Она помнит, когда я был маленький. И теперь удивляется, что я большой. Вот и сейчас, вышел я в коридор, а она говорит:

— Очень быстро растешь!

— Все растут одинаково, — говорю я.

— Расти, расти, — говорит она.

— Вас мама ждет, — соврал я.

Мама любит беседовать с Фатьмой Ханум. А Фатьма Ханум с моей мамой. Они могут часами беседовать.

— Тетя Фатьма, пойдите к нам!

В который раз мама рассказывает! О том, как я потерялся. Они смеются. Но я не смеюсь. Что мне смеяться! Я это много раз слышал. Раз сто или двести. Очень странные взрослые люди! Рассказывают одно и то же. Разве со мной так бывает? Каждый день у меня куча новостей. Что мне вспоминать что-то старое? Когда кругом одни новости!

Я слышу их разговор.

Мама: Когда он у меня родился, у него глаза были синие. А потом они стали совсем не синие. Какие-то серые. Так обидно! Вот ведь как бывает!

Фатьма Ханум: Быстро растет...

Мама: Да, да, да, вот я и говорю... А когда он был маленьким, он был маленьким — вот таким.., он тогда отправился гулять, он открыл сам дверь, вышел на улицу, он прошел тогда весь город, вот так наискосок весь город и остановился в скверике, как сейчас помню, была суббота, играл оркестр и под оркестр плясали взрослые. Ему это так понравилось! Он стал вместе со всеми плясать, его и нашли в таком виде: вот так — руки в бока и пляшет!

Фатьма Ханум: Очень веселый ребенок!

Мама: Горе мне с ним.

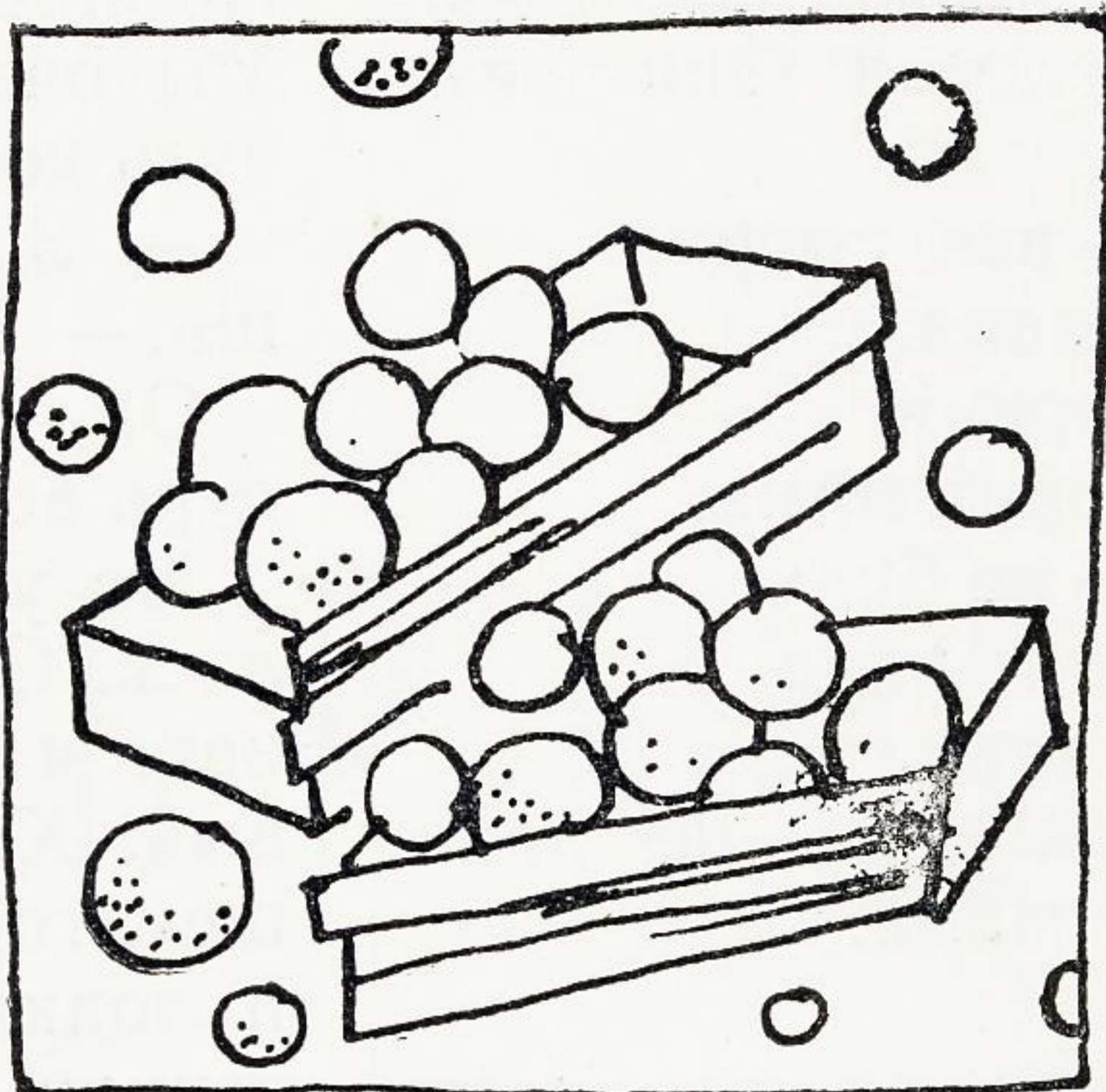
Фатьма Ханум: У меня четыре.

Мама: Я и забыла!

Они смеются. Но я не смеюсь. Ничего тут нет смешного.

Тетя Фатьма говорит мне:

— А ну расскажи, как ты там танцевал?

— Я маленький был, — говорю, — не помню.

— Очень быстро растешь, — говорит она.

— Сыграй-ка Клементи, — просит мама.

Но я не хочу играть Клементи.

— Твой папа учился, — говорит мама. — Сразу после гражданской войны... Он играл по семь-восемь часов...

— Это я знаю, — говорю я.

— Ну, хорошо, — говорит мама, — ну, хорошо, тогда спой Фатьме песню.

Мама играет, а я пою:

— Солнышко ясное,

Наша жизнь прекрасная!

Я пою с удовольствием. Я ору.

— Подожди, подожди! — кричит мама, — сначала начнем, три, четыре!

— Солнышко ясное,

Наша жизнь прекрасная!

Я пою во все горло.

— Нельзя ли потише? — просит мама. — Я даже не слышу рояля.

— Конечно, можно, — говорю я, — но тогда какой смысл?

— Сначала, сначала! — кричит мама, — нас ждет Фатьма!

Хорошо, что в дверь постучали. Это старик Ливерпуль. Я сразу узнал. Только он так стучит. Он, когда пьяный, стучит тихо-тихо. Почти что неслышно.

Он крутит перед лицом руками. Как будто делает мельницу.

— А где Володя? — говорит он.

— Он не пришел еще, — говорит мама.

— Он мне страшно нужен...

— Но его нет.

— Я хотел угостить его...

— Вы же знаете, что он не пьет.

— Я знаю, но вдруг... он ведь мой сосед... он мне страшно нужен...

— Ливерпуль, Ливерпуль, — вздыхает мама.

— Здравьете! — говорит он Фатьме Ханум.

— Здравствуйте, — говорю я.

— Здравствуй, старик, — говорит он мне.

— Я не старик, — обижаюсь я.

— Это не важно, — говорит он.

— Как же неважно? — говорю я.

— Извините, — говорит он.
— Пожалуйста, — говорит мама.
— Я должен вам денег, — говорит он, — не могли бы вы мне одолжить еще?

Мама дает ему бумажку.

— Я вам верну, — говорит Ливерпуль.

— Конечно, конечно, — говорит мама.

И старик Ливерпуль уходит.

У Ливерпуля тонюсенький детский голос, бородка крючком и лысая голова. Это мама прозвала его Ливерпулем, хотя он имел другое имя. Он, кажется, был из Перу, каким-то случаем попал в Россию и навсегда остался здесь жить.

Не люблю я, когда он пьяный. Он тогда

машет руками, качается. Слово вот-вот упадет. Стариком вдруг назвал меня. Вот еще новость!

Мама беседует с Фатьмой Ханум. Я смотрю в окно. Вижу брата. Он строит дом из песка.

— Что ты торчишь тут? — говорит мама.

— Так, ничего, — отвечаю я.

Я жду папу. Вот сейчас выйдет он из-за угла. У него полны руки гостинцев. Чего только нет там! И мандарины, большие оранжевые мандарины!

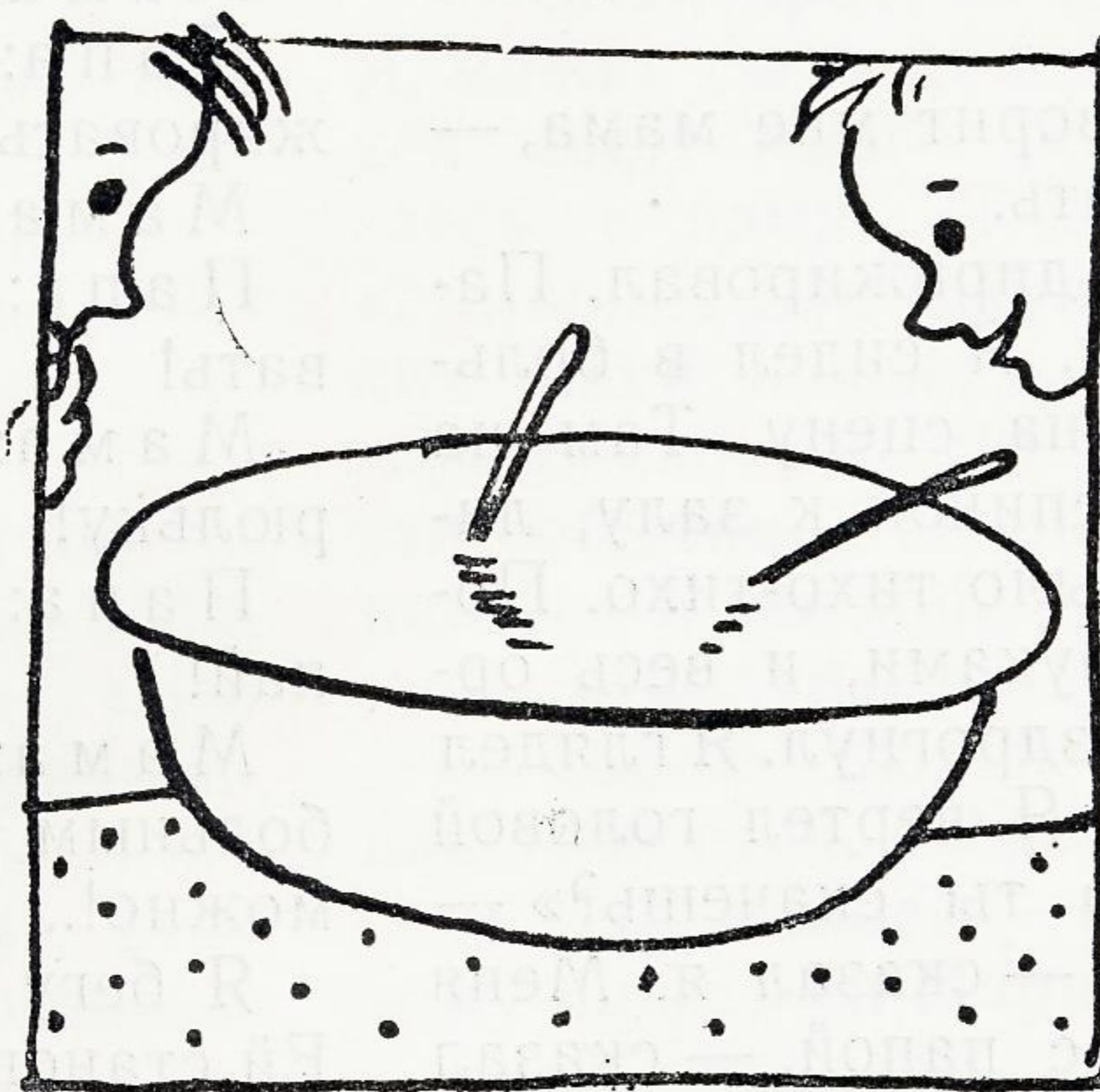
А папы все нету. Всегда так. Всегда его нету, когда его жду. Но стоит мне отойти от окна, — он появится.

На балконе

Я иду на балкон. Вижу девочку с бантом. Она живет вон в том парадном. Ей можно свистнуть. Она глянет вверх. И увидит меня. Это мне и нужно. «Привет, — скажу я, — тра-ляля, три-ли-ли!» Она скажет — «Дурак!» или что-то другое. И дальше пойдет. Как ни в чем не бывало. Как будто бы я не дразнил ее. Тоже мне! Что мне бант! Будто я ее жду! Я жду папу. Он мне принесет гостинцев. Он будет рассказывать мне про войну. И про разное старое время. Папа знает столько историй! Никто лучше не может рассказывать. Я все слушал и слушал бы!

Папа знает про все на свете. Но иногда он не хочет рассказывать. Он тогда грустный и все говорит: «Нет, не то написал я, не то, не ту музыку... Но ты-то! (это он мне говорит). Ты-то уж не подведешь, я надеюсь?» Мне не хочется папу обидеть. Он хочет, чтоб я композитором стал. Я молчу. Что мне музыка? Он понимает. «Это печально, — говорит он. — Ты даже представить себе не можешь, как это печально!» Почему это печально, когда мне совсем не печально? Ведь папа мне не желает плохого. Тогда почему так? «Кем ты будешь?» — говорит он. «Полководцем», — говорю я. «Опять война?» — папа мой недоволен. А сам воевал. Сам скакал на коне, стрелял из пулемета...

Папа мой очень добрый. Мы с братом одна-

жды сказали папе: «Купи нам мороженое. Но побольше. Чтобы мы наелись». «Вот тебе таз, — сказал папа, — беги за мороженым». Мама сказала: «Они ведь простудятся!»

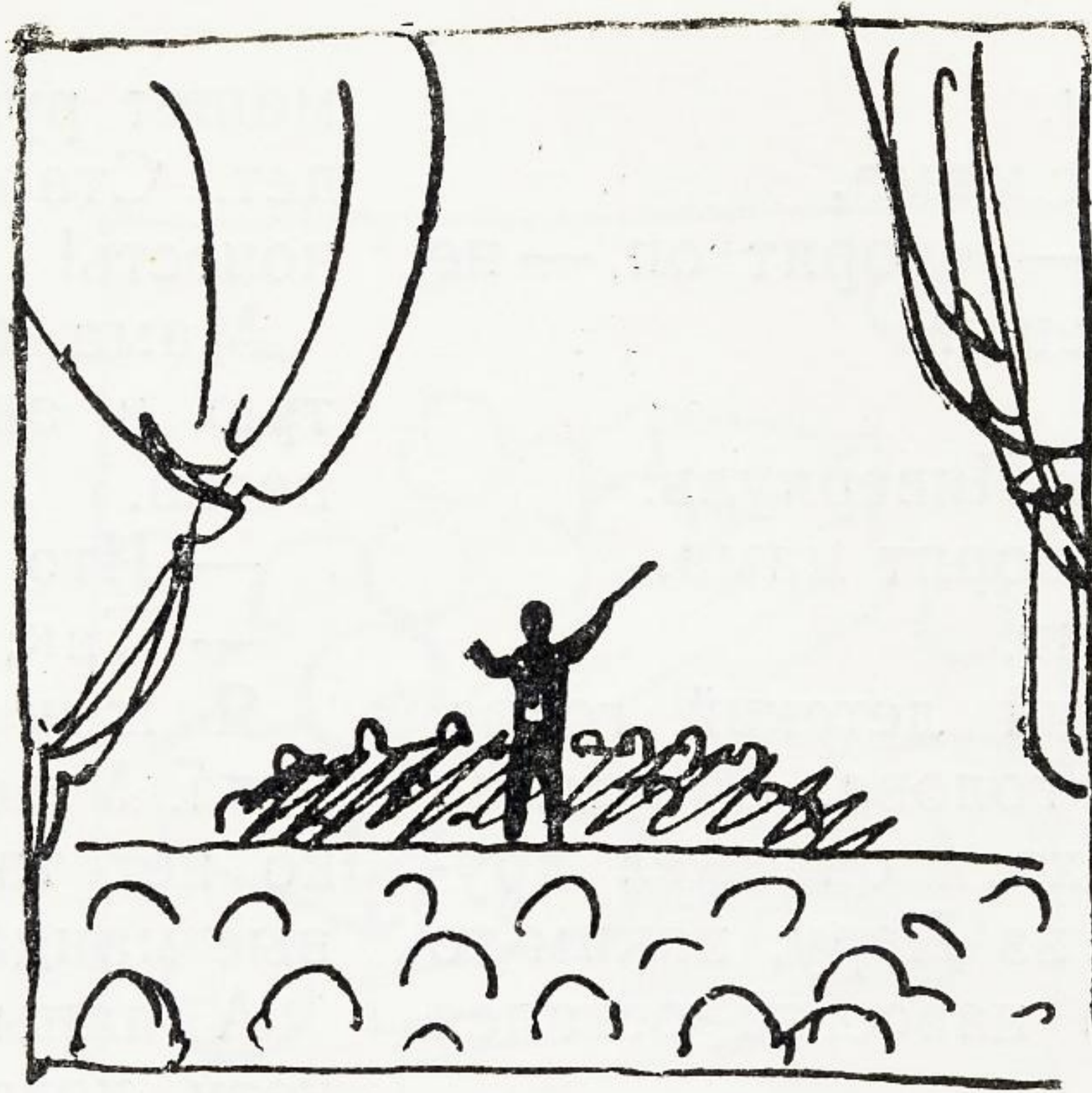
«Сейчас лето, — ответил папа, — с чего бы им простудиться!» «Но горло, горло!» — сказала мама. Папа сказал: «У всех горло. Однако мороженое все едят». «Но не в таком количестве!» — сказала мама. «Пусть едят, сколько хотят. При чем тут количество! Больше они не съедят, чем смогут!» Так сказал папа. И мы взяли таз и пошли за мороженым. И принесли целый таз. Мы поставили таз на стол. Из окон светило солнце. Мороженое стало таять. Папа сказал: «Вот что значит лето!» Велел нам взять ложки и сесть за стол. Мы все сели за стол — я, папа, мама, Боба. Мы с Бобой были в восторге! Мороженое течет по лицу, по рубашкам. У нас такой добрый папа! Он столько купил нам мороженого, что теперь нам не скоро захочется...

Двадцать деревьев посадил папа на нашей улице. Сейчас они выросли. Огромное дерево перед балконом. Если я потянусь, я достану ветки.

Я жду папу. Сейчас он появится. Мне трудно глядеть сквозь ветки. Они закрывают улицу. Но я нагибаюсь и вижу всю улицу.

Мой папа идет дирижировать

Я слышу в комнате папин голос. Он дома, а я все торчу на балконе!

А на столе-то! Печенье, конфеты, две банки варенья, два торта, две банки компота, замечательная любительская колбаса, ветчина и яблоки, еще две какие-то коробки и другие вкусные вещи. Просто целый магазин!

— Вот так да! — говорю. — Как ты здесь очутился?

— Отстань от отца, — говорит мне мама, — он сегодня идет дирижировать.

Я видел однажды, как он дирижировал. Папа тогда взял меня с собой. Я сидел в большом зале. Все глядели на сцену. Там на сцене был папа. Он стоял спиной к залу, лицом к оркестру. И кругом было тихо-тихо. Потом папа взмахнул вверх руками, и весь оркестр как грянет! Я даже вздрогнул. Я глядел на люстры, на всех людей. Я вертел головой и все время вставал. «Что ты скачешь?» — сказали мне. «Я не скачу», — сказал я. Меня вывели силой из зала. «Я с папой», — сказал я, — он там дирижирует». «А ты не врешь?» «Что мне врать, — сказал я, — там мой папа». Меня привели прямо к папе. Спросили: «Ваш сын?». Мой папа был мокрый от пота. И волосы папины были мокрые. Я смотрел на него и не мог понять: почему папа мокрый? Папа снял пиджак. Вся рубашка была тоже мокрой. Как будто его водой облили. Он сказал: «Вот какая работа...» Я был так удивлен, что не знал, что ответить. Все время твердил: «пошли, пошли»... и тянул папу за руку.

Громко плачет сейчас мой брат Боба. Он хочет, чтоб папа его взял с собой. Но папа его брать не хочет. Папа уже брал меня. С него хватит.

Папа: Я сегодня иду дирижировать!

Мама: Да, но эти заплатки...

Папа: Какие заплатки?

Мама: Ты забыл? Твои брюки с заплатками.

Папа: Я ведь стою спиной к людям!

Мама: Я ни при чем. Ты прекрасно знаешь! Помешанный на своих мандаринах! Всю зиму таскал эти ящики! Люди думают, ты сумасшедший!

Папа: Кто думает? Ты мне его покажи!

Мама: Все думают! Что, тут одни мандарины? Зачем два приемника? Два патефона?

Папа: Но их же две? Пусть слушают музыку...

Мама: Очень им нужна твоя музыка!

Папа: Всем нужна музыка.

Мама: Но не в таком количестве!

Папа: Я ведь спешу... я сегодня иду дирижировать...

Мама: Ну так иди дирижируй!

Папа: Выходит, что я не могу дирижировать!

Мама: Хоть раз в жизни купил бы кастрюльку!

Папа: Зачем мне кастрюлька? Сама покупай!

Мама: А, значит, я виновата?.. С моим больным сердцем... с таким человеком... как можно!.. Дай, Петя, воды...

Я бегу за водой на кухню. Даю маме пить. Ей становится лучше.

Мама: Пусть все соседи скажут!

Папа: Я ведь иду дирижировать...

Мама: Пусть все соседи скажут!

Папа: Что скажут?

Мама: Пусть они скажут!

Папа вздыхает. Он говорит:

— Придется штаны одолжить у соседей.

Мама: Кто одолжит тебе свои штаны?

Папа: Ко мне все прекрасно относятся. Все, ровно все! Например, Ливерпуль... нет, лучше я пойду к Али, он ко мне неплохо относится...

Мама мне говорит:

— Петя, слышишь? Вот твой папаша! Не будь таким! Будь толковым. А то, вот, точно так же, пойдешь в заплатках... куда-нибудь там... дирижировать...

Я говорю:

— Я никуда не пойду дирижировать.

— Еще неизвестно, — говорит мама.

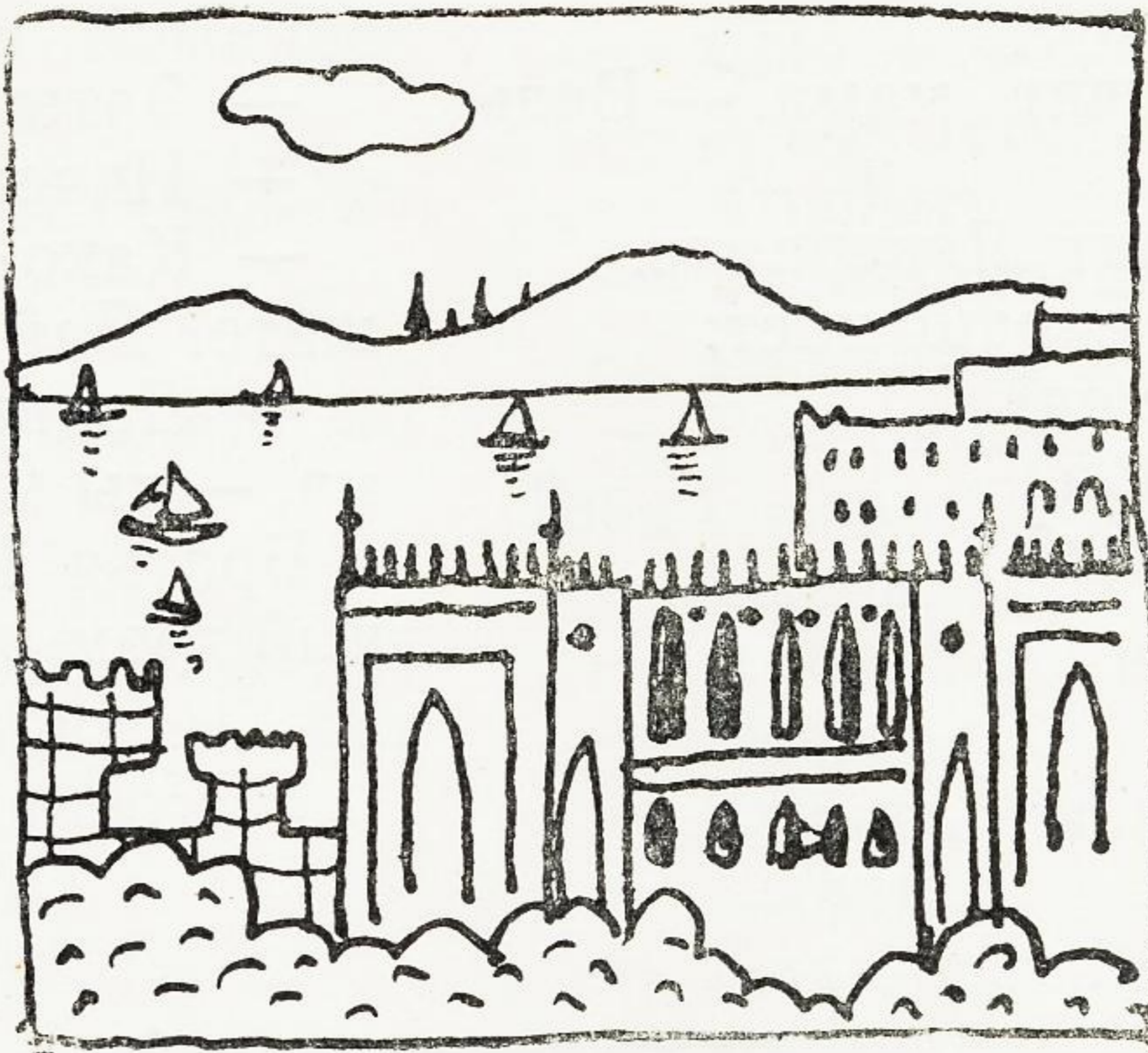
Папа мой говорит:

— Пойдем, Петя, со мной за штанами.

Мы идем с папой к дяде Али. Дядя Али — папа братьев Измайловых. Он только что пришел с работы. Я видел его с балкона. Он даже мне улыбнулся. Конечно, он папе даст штаны.

Папа там, а мы здесь

Я, мама, Боба, старик Ливерпуль, дядя Али, Фатма Ханум, Рафис, Расим, Раис, Рамис — все сидим у приемника. Сейчас папу объявят по радио. И заиграет оркестр. Хотя папы не будет видно, но мы-то знаем, он там на сцене, он дирижирует оркестром. Мы все думаем здесь о папе, а он думает там о нас. Хотя там ему некогда думать, но это ведь ничего не значит!

Папа мой выступает по радио. Такого еще никогда не бывало!

— Долго ждать, — говорит Ливерпуль.

— Сейчас, сейчас, — волнуется мама.

— Молодец Володя, — говорит Фатма.

В какой раз мама рассказывает:

— Я и не думала, он звонит вдруг по телефону, так и так, говорит, только что я узнал, меня будут транслировать. Я кричу: «Что транслировать?» Он отвечает: «Меня транслировать». Я говорю: «Каким образом?» Он говорит: «По радио». А я все не пойму, ведь впервые... потом только поняла, так волновалась!

— За такого человека, как Володя, — говорит Ливерпуль, — я с удовольствием выпил бы. За него я готов всегда выпить.

— Опять все про то! — возмущается мама.

— Нет, за успех, — говорит Ливерпуль. — Я за успех... Я не просто так...

— Да прекратите вы, — говорит мама.

— Тише, не мешайте нам!

— Сейчас начнется!

— Нету там ничего, — говорит мой брат Боба.

— Там твой папа, — говорит мама.

— Где же папа, раз там его нет?

— Суета сует, — говорит Ливерпуль.

— Вы опять пьяный? — говорю я.

— Тебя не касается, — говорит он.

— Так-то так, — говорю, — но все же...

— Понимаешь, это со мной бывает. Не то что бы каждый день. Но довольно часто. Я не скажу, что все это здорово. Наверное, это даже плохо...

— Отвратительно! — говорит мама.

— ...но тут, брат, ничего не поделаешь. Тут такое, брат, дело. Привык я — и все тут! Ну, ты не поймешь...

— Понимать-то нечего! — говорит мама.

— В общем-то это скверная штука. А главное, что бесполезная. Толку от этого нету. Ну, совершенно нет толку. Нисколечко... Трудно сказать, зачем я это делаю. Но я это

делаю. И никому не советую...

— Да прекратите вы! — говорит мама.

— ...ты, брат, не думай, что я несчастливый. Я, может быть, даже самый счастливый. Я видел свет, много разных людей, а теперь я здесь, с вами... Твой отец плывал на шхуне «Мария»... Это шхуна была, я вам скажу! Таких шхун поискать на свете! Твой отец там плывал юнгой. До великих событий. Потом эти события — он на коня. Командир эскадрона! Как в сказке!..

— Замолчите вы! — кричит мама.

— Таких людей, — говорит Ливерпуль, — как твой отец, очень мало на свете.

— Что такое? — вдруг говорит Али, — почему шкала на Париже?

— О! Париж! — говорит Ливерпуль. — Я там был...

— Почему шкала на Париже? — говорит дядя Али.

— О каком Париже вы говорите? — говорит мама.

— О самом французском, — говорит он.

— Ой! — кричит мама, — шкала на Париже! Приемник совсем на другой волне!

Мой брат Боба куда-то исчез. Конечно же, это его рук дело!

Каждый крутит приемник. Все ищут волну. Наконец-то! Мы слышим гром оркестра.

— Какая досада! — волнуется мама. — Володю уже объявили!

— Ура! — кричу я, — ура!

— Уррра!!! — кричат братья Измайловы.

— Какая досада, — говорит мама. — Как это можно! Ведь самое главное! — Маме обидно. Она ищет Бобу.

Боба лежит под кроватью. Он чувствует что-то неладное.

— А ну, выходи! — кричит мама. — Сейчас же!

Он не думает вылезать.

— Я жду! — кричит мама, — давай вылезай!

— Оставьте его, — говорит Ливерпуль,

— Я ему покажу! — кричит мама. — Ведь он ненормальный!

— Я спрошу его, — говорит Ливерпуль.

Он подходит к кровати и спрашивает:

— Ты вареные калоши не ел?

— Не ел..., — отвечает Боба.

— Тарелки в суп не крошил?

— Не крошил...

— Затылком ничего не видел?

— Ничего не видел...

— Какой же он ненормальный?! Вы слышите? Дай ему бог здоровья!

— Ливерпуль, Ливерпуль, — говорит мама, — вы мне ребенка калечите.

Братья Измайловы поют песню. Под мощный гром оркестра.

Воскресенье

В стену к нам постучали Измайловы. Мы всегда стучим к ним, а они стучат к нам. Это наша связь.

Я бегу к ним узнать, в чем дело.

Рамис, Рафис, Расим, Раис в белых рубашках, в панамках и в синих сандалиях. Дядя Али говорит:

— Как Володя? Не хочет ли он прогуляться с детьми? Такой вечер! Вот мы все готовы.

Мой папа спал. Но он встал сейчас же.

— Конечно! Конечно! — сказал он. — Немедленно! Мы идем прогуляться!

Это так неожиданно!

Я ищу свой костюмчик. Мой брат Боба плачет. Он сам не может одеться.

— В чем дело? — говорит мама.

— Скорей, — говорит папа, — вечер чудесный, Али ждет нас, дети ждут, я пойду умоюсь...

Мой папа идет умываться.

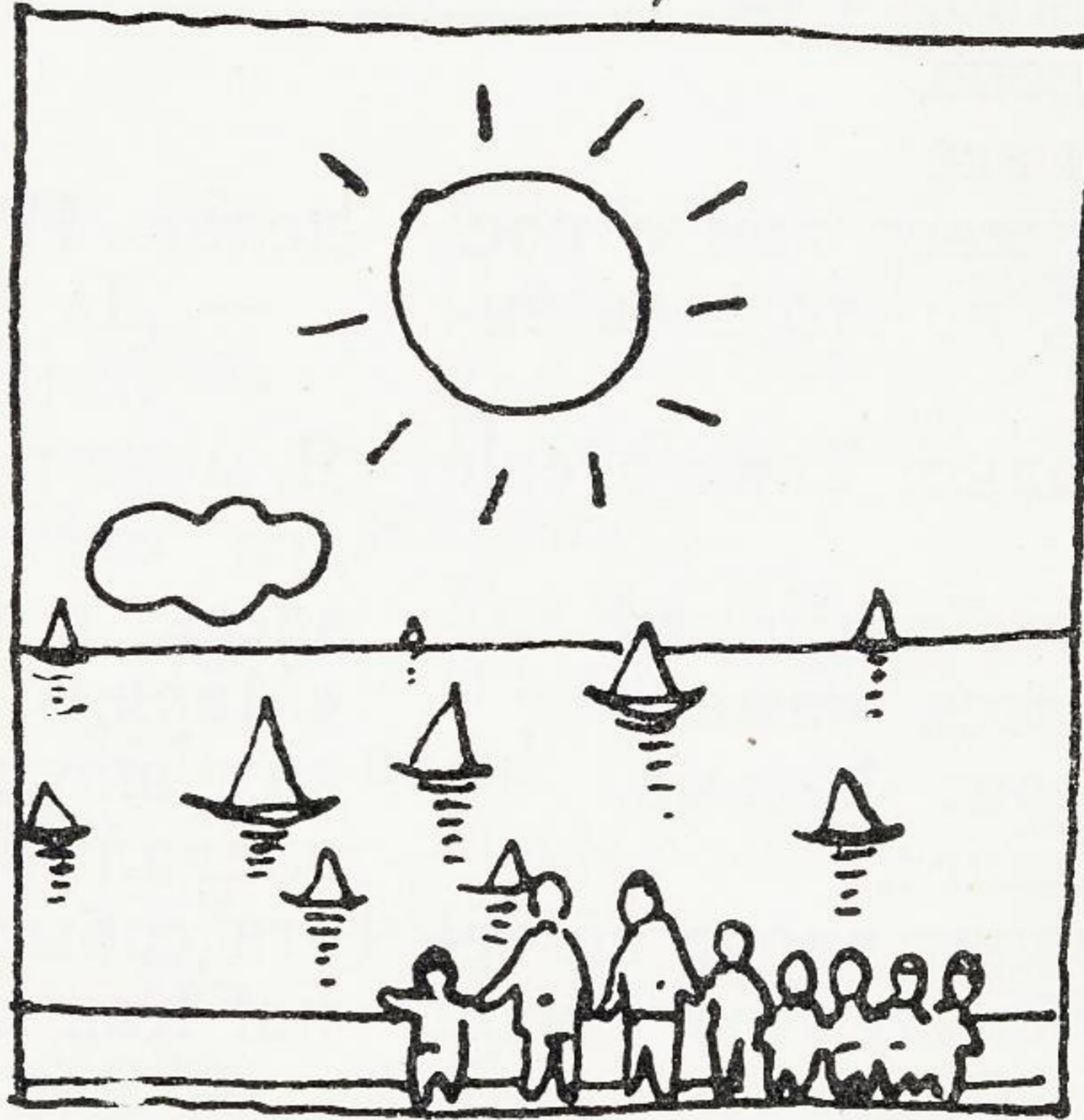
— Я не пойму, — говорит мама, — он же спал...

Папа мой одевается. Я одеваю Бобу.

— Сумасшедшие! — говорит мама.

Вот и тетя Фатьма. Она нас торопит. У них разговоры с мамой. Им гулять некогда. Им нужно поговорить. Все кругом им мешают. Всегда не дают разговаривать.

Мы идем на бульвар всей компанией. У нас замечательная компания! Разве лучше бывают компании? Четыре моих лучших друга — все в белых рубашках и синих сандалиях. Я в красных сандалиях, а Боба в коричневых. Боба несет заводной паровоз, а Рафис винтовку. У него замечательная винтовка. Ее сде-

лал дядя Али. Он все может сделать — стул, стол, табуретку... У нас прошлый год была елка огромная. Мы стали ставить ее — ну никак! — елка все время падает. «Крест на-

до, — говорит папа, — где я возьму его?» Мы опять ставили елку в бочонок, а елка все время падает. Входит дядя Али, говорит: «У вас доски есть?» Мы говорим: «Какие доски?» «Деревянные», — говорит он. Я принес две дощечки. А он говорит: «Толще есть?» Я говорю: «Толще есть». Он говорит: «Тащи их». Он берет эти доски, раз-два — и крест готов. Мы так удивились! Соседи у нас просто редкие. Мы к ним ходим. Они ходят к нам. Папа музыке учит Раиса, Рамиса, а Расим, Рафис еще маленькие. А то папа их тоже учил бы.

Мы идем на бульвар всей компанией.

А на бульваре народу! Море — как зеркало! Играет музыка. Папа держит меня крепко за руку, а я иду по барьеру. За барьером море. Там катают на катере.

— Кто со мной? — говорит папа. Он идет первым на пристань.

Мы садимся в катер. Мотор тарахтит, и мы едем. А я сижу с гармонистом. Он всю игрует. И поет просто здорово:

Любимый город может спать спокойно...

Я тоже пою, поют братья Измайловы. Все поют.

С моря город наш весь в огнях. Будто фейерверк. Очень красиво!

Только жалко, что мало катались.

— Еще хотим! — кричат братья Измайловы. Катер подходит к пристани.

Брат мой Боба схватился за поручни. Еле-еле его оторвали.

Он идет и ревет на весь бульвар.

— Прекрати, — кричит папа. — Мне это не нравится!

Мы заходим в тир.

Папа с дядей Али стреляют. А нам не дают. Мы стоим, смотрим, даже не просим. Мы знаем: нельзя мешать, раз люди целятся.

— Все в десятку, — говорит папа.

Они снова целятся, а мы смотрим.

— А где Боба? — говорит папа.

Мы выбегаем из тира. Папа даже забыл свою премию.

Возле тира толпа.

— Что случилось? — говорит папа.

— Да вот, мальчик тут потерялся. А где живет, не знает. То есть он номер дома помнит. А улицу он забыл.

— Где этот мальчик?

Да разве увидишь здесь мальчика! В такой толпе! Мы, конечно, его не видим. Зато слышим, как он говорит:

— Я забыл свою улицу...

Ну, конечно же, это Боба!

Ему говорят:

— Вспоминай, мальчик, это ведь важно.

— Сейчас, — говорит Боба, — вспомню...

Ему говорят:

— Ты не торопись. Вспоминай без волнения.

А он говорит:

— Я совсем не волнуюсь.

Ему говорят:

— Ты кушать хочешь?

— Хочу, — говорит Боба.

— Сыр хочешь?

— Сыр не хочу.

— А конфету?

— Конфету хочу.

— Тебя хорошо кормят?

— Плохо.

— Товарищи! Мальчика плохо кормят! Тебя очень плохо кормят?

— Очень.

— А чем тебя кормят?

— Всем.

— Значит, ты не бываешь голодным?

— Бываю.

— Как же ты бываешь голодным, если тебя всем кормят?

— А я не бываю голодным.

— Ты же сказал, что бываешь.

— А я нарочно.

— Зачем же ты нас обманываешь?

— Просто так.

— Ты всех обманываешь?

— Всех.

— Зачем же ты это делаешь?

— Просто так.

— Смотрите какой! Просто жуть! Ну и ребенок!

Тогда папа сказал чуть не целую речь. Он сказал:

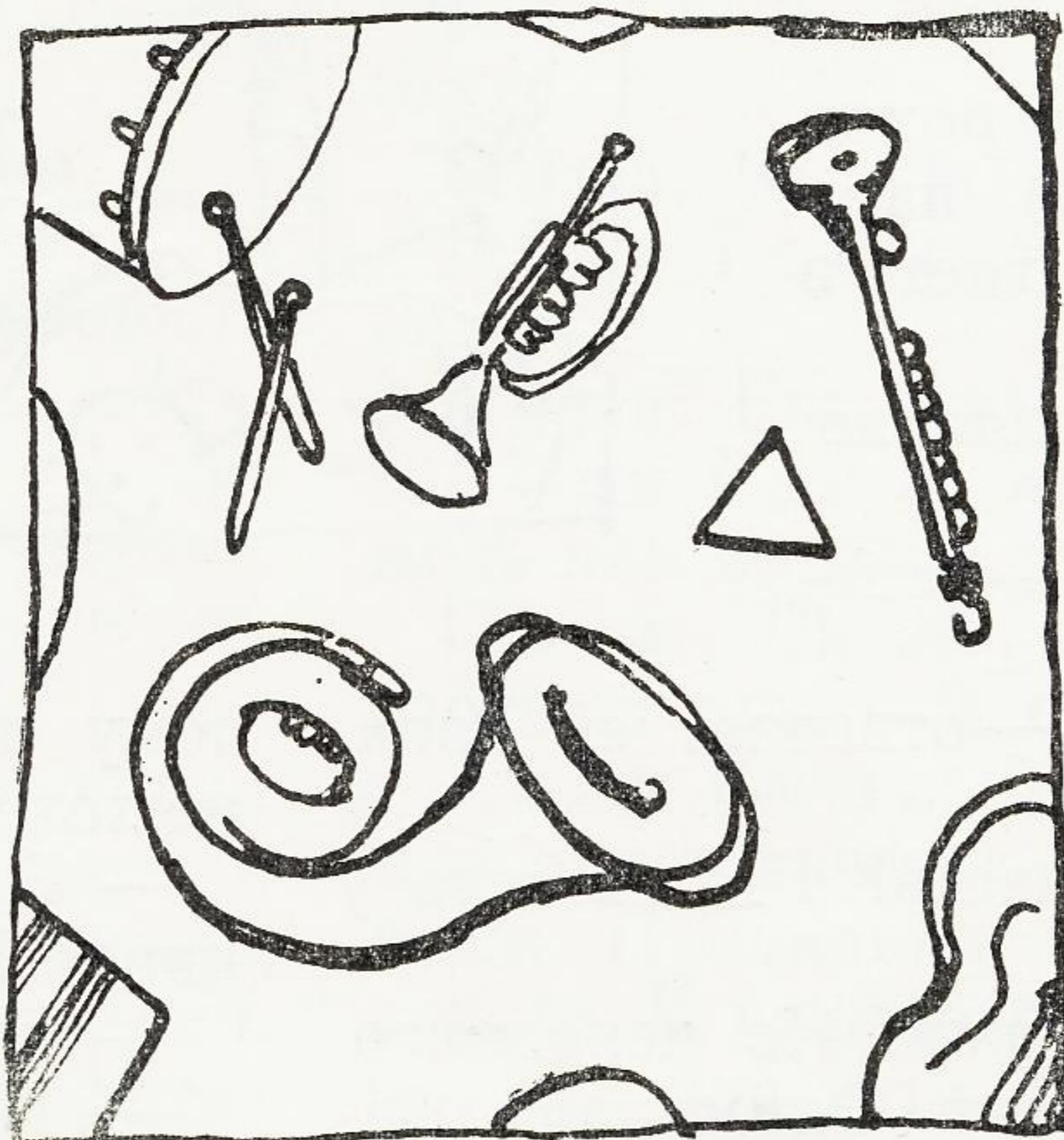
— Товарищи! Это мой сын. Он сбежал из тира. Давайте-ка мне его сюда! Я его отец. А болтает он здорово. Это уж верно. И где только он научился болтать! Просто диву даешься! Я вижу, он вам понравился. Но я вам его не оставлю. Раз уж он мой сын.

Тогда все расступились. Мой папа взял Бобу на плечи. Пожелал всем успехов в работе. И мы пошли домой.

А премия в тире осталась. Тут всё на свете забудешь!

Мой папа пишет музыку

Наш папа сегодня дома. Сегодня он не идет в музшколу, где он обычно преподает. Сегодня у папы свободный день. Сегодня он пишет музыку. В это время у нас дома тихо. Мы с мамой ходим на цыпочках. Брат мой Боба уходит к Измайловым.

Наш папа пишет музыку!

— Тру-ру-ру! — поет папа. — Та-та! Та-та-та!

Это правда, я не люблю Клементи. Не очень люблю я музыку.

Но когда папа вот так за роялем поет и играет, и пишет ноты, — мне кажется, он сочиняет марш. Музыку я не люблю, это верно. Я люблю разные песни. Те, что поют солдаты. И марши люблю, что гремят на парадах. Если папа бы мой написал такой марш! Я был бы очень доволен. Я папу просил об этом. Он мне обещал. Может быть, он сейчас пишет марш для солдат? Может быть, я увижу когда-нибудь целый полк — все с винтовками, в касках, раз-два! Раз-два! — все шагают под громкий папин марш! Как это было бы здорово!

— Ты пишешь марш? — говорю я папе.

— Марш? Какой марш?

— Самый военный, — говорю я.

— Убери его, — говорит папа.

— Марш отсюда, — говорит мама.

Я иду на балкон. Вижу девочку с бантом. Подумаешь, бант! Папа мой пишет музыку! Может быть, марш!

— Тру-ру-ру! — поет папа.

Ага, слышит, наверное! Пусть она знает. Все делает вид, что не слышит!

— Там-там! — стучит папа по крышке рояля.

Это нельзя не услышать.

Она поднимает голову. Но я смотрю в сторону. Пусть она знает!

— Бам! — папа стукнул по крышке рояля.

С такой силой, что я даже вздрогнул.

— Бам!!! Бам!!! Бам!!! — он стучит кулаком по крышке.

— Ага! Ну, каково?

А она только бантом махнула.

Тогда я разозлился и крикнул:

— Эй, ты! Нечего здесь проходить! Слышишь? Нечего!

Расстроенный, я ушел с балкона. Я вижу, и папа расстроенный. Он сидит, подперев рукой щеку. Такой весь печальный.

— Мама на кухне, — говорит он.

— Зачем мне мама?

— Тогда как хочешь. — говорит он.

Вот и мама. Она говорит:

— Брось ты это... Володя...

— Что бросить-то? — говорит папа.

— Эту твою... симфонию...

— Я же чувствую... тут вот не то... тут не то... а тут то!

— Ну и брось, раз все не то...

— Не все не то...

— Все равно.

— Как это так все равно?!

— Я-то тут ни при чем, — говорит ему мама.

— Ты ни при чем, это верно...

— И Петя ни при чем, и Боба.

— И Петя и Боба... — говорит папа.

Он смотрит на нас, а мы на него.

— Дайте мне отдохнуть, — просит папа.

Но ему не дают отдохнуть. К нам звонок. Это Олимпиада Васильевна. Со своим сыном Мишей. Папа будет с ним заниматься.

Олимпиада Васильевна и дядя Гоша

Миша кривляется, строит рожи, показывает всем язык. А папа сидит с ним рядом, считает в такт: раз-и, два-и, три-и...

Занимается папа бесплатно. Потому что знакомый.

— Вы золотой человек, — говорит Олимпиада Васильевна.

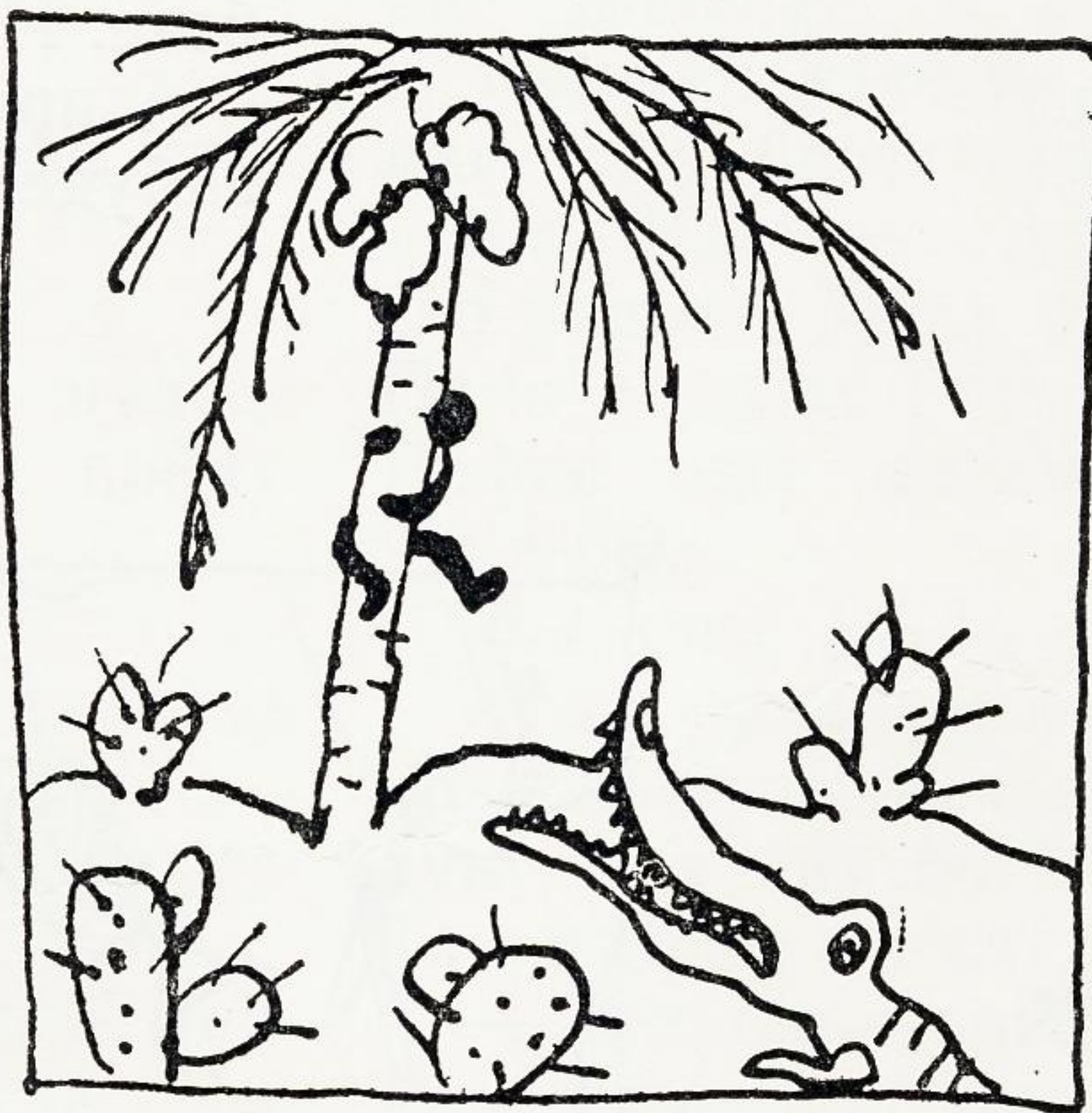
— Баловник он у вас, — отвечает ей папа.

Она кричит сыну в ухо:

— Где совесть? Где совесть? Где совесть у человека?

Он перестает строить рожи. Но ненадолго.

— Бессовестный! — кричит Олимпиада Васильевна.

— Они все такие. — говорит папа.

— Все бессовестные, — говорит Олимпиада Васильевна.

Почему, думал я, его учат музыке? Почему меня учат музыке? По-

чему всех кругом учат музыке? Если никто не хочет? Этого я понять не мог!

— Вот тут вам подарок, — говорит Олимпиада Васильевна.

— Бросьте вы это, — говорит папа.

— Нет, пожалуйста, я вас прошу.

— Я вас тоже прошу, — отвечал ей папа.

— Нет уж, вы позвольте...
Папа смеялся.
Мама моя говорила:
— Он странный. Вы не обращайтесь внимания.
— Я-то вижу, — вздыхала Олимпиада Васильевна. Она почему-то все время вздыхала. За ней приходил ее муж — дядя Гоша.
Миша тотчас же вскакивал и во всю глотку вопил:
— Конец!
Он хотел скорее домой.
Дядя Гоша ходил по комнате.
— Где сейчас моряки? — орал он. — Нет сейчас моряков! Это точно. Это ведь факт!
— Что факт? — спрашивал папа.
— Слушайте дальше. Не перебивайте. Вы знаете голубку «Куин Мери»?
— Не знаю, — говорит папа.
— Так вот, я плавал на этой голубке, на этой старой посудине. Под парусами, нет, на всех парах! Мы неслись, я вас скажу — как черти! Сто восемьдесят миль в час! Как вам это кажется? Как это поется: пятнадцать человек на сундук мертвеца, го-го-го! — так кажется? Чудесная песня! Мда... так вот, это было зрелище!
— Как интересно! — говорила мама.
— Я был в Африке, крокодилы так, можно сказать, и лезут, но наш брат, ему карты в руки... ребята с нашей калоши...
— Чего? — спрашивал я.
— Ты помолчи, — говорил он мне. — Так вот, значит, о чем это я? Да! Наш корабль возил опоссумов. Для разных там зоопарков. Вы видели опоссумов? Они вылезали из ящиков, гуляли по палубе, как матросы. Мы кормили их. Вместе с ними резвились... Это милейшие звери!
— Как они выглядят?
— Очень мило, чертовски мило, носик кнопкой, хвостик чудесный! А когда я был в Марселе...
— Вы были и там? — удивлялась мама.
— Я был везде! — отвечал дядя Гоша.
— Интересный вы человек! — говорила мама.
Он продолжал задумчиво:
— Я был в Лондоне... и в Амстердаме... Забыл, кстати, про опоссумов! — Они, черти, жрут шоколад, ха-ха-ха!
Смеялся он долго. Потом вдруг прекращал внезапно. И начинал говорить очень быстро:
— Каир, Стамбул, языки мне даются легко, всем обязан морю, поездки, лианы, магнолии, кактусы..., как-то сербский, немецкий, французский...

— Хватит, — просит мой папа. — Дальше не надо.
— Нет, почему же, я не устал.
— Я понял все, — говорил папа.
— Ну, хорошо, — соглашался он. — Дети ваши всегда пусть заходят. Прошу! Им нужны сласти. Конфеты и прочее.
— Спасибо, — говорил папа.
— Счет, как в банке!
— Спасибо, — говорил папа.
Олимпиада Васильевна не слушала. Она была на балконе. Она не слушала дядю Гошу. Ей было неинтересно.
Я смотрю, а папа такой усталый! У него глаза закрываются. Он хочет спать.
Дядя Гоша все ходит по комнате. Он бьет по шкафу ладонью:
— Как вы так живете!
Папа: Как?
Дядя Гоша: Ну, у вас, например, нет серванта.
Папа: Как нет, а это что?
Дядя Гоша: Вот этот старый ящик?
Папа: А что?
Дядя Гоша: Нет, я вас не пойму, ведь вам карты в руки!
Папа: И я не пойму.
Дядя Гоша: Я никогда не пойму, как так можно жить!
Папа: Как?
Дядя Гоша: Вот так.
Мама: Да, да, да... я ему говорила...
Дядя Гоша: Правда, тут роль играет хозяйка...
Мама: Я виновата?
Дядя Гоша: Я уж не знаю...
Мама: С моим больным сердцем...
Папа: Я вас прошу, прекратите!
Дядя Гоша: Ведь вам карты в руки... новейший сервант... я в одном доме видел... Я вам добра желаю. Я от души, так сказать. Мне-то ведь все равно. Но на вашем бы месте...
Папа: Что на нашем месте?
Дядя Гоша: Я купил бы отличный сервант.
Папа: Еще что?
Дядя Гоша: Купил бы отличную люстру. Ведь вам карты в руки!
Папа: Скажи, пожалуйста, почему мне карты в руки? Я совершенно не понял.
Дядя Гоша: Ведь ты музыкант. Так сказать, эстетически — музыкальное движение души. Правильно я говорю? Я, брат, все понимаю. Я вашего брата знаю. Культурный ты человек или нет? Ведь у тебя есть деньги. Ты тратишь их не туда. Понимаешь? Они не туда

идут, не туда! Ты подумай, ведь я для тебя, для твоей же пользы, ведь я тебе только добра желаю!

А папа спит. Он уже ничего не слышит. Так и не узнает он этого! Так и будет он тратить их не туда. Так и не купит серванта, мой папа. И люстру тоже не купит. Он спит. И ничего не слышит. А то, что слышал — забыл. Что же делать. Такой человек мой папа!

Наши гости уходят. Вздыхает Олимпиада Васильевна. А папа спит.

Я иду закрывать за ними дверь. Даю на прощанье щелчок Мише. Он кидается дать мне ответный щелчок. Но поздно. Я быстро захлопнул дверь.

— Красивая женщина, — говорит мама, — А Гоша такой романтичный.

А папа спит.

Старик Ливерпуль и папа

Папа курил свою трубку. Дым из трубки шел вверх к потолку. Старик Ливерпуль дул на чай и грыз сахар. У него все зубы целые. Мама спрашивает всякий раз: «И как это вы сохранили зубы?»

Он постукивает по зубам ногтями и говорит, что ел крабов, омаров и жолуди.

Папа мой говорит, что он тоже ел жолуди. Мама машет рукой и смеется. Не верит она в то, что папа ел жолуди.

— Дорогой Ливерпуль, — говорит мама, — что за чушь?

Они думали, что я сплю, но я не спал, а приоткрыл даже чуточку дверь, чтобы видеть их лица.

Старик Ливерпуль любит папу. Когда папа мой плавал юнгой (это было совсем давно), он был в краях Ливерпуля. И хотя это было давно, папа помнит, какие там были деревья, дома, даже небо...

Старик Ливерпуль: Да, да, да, точно такое небо!

Папа: Я же помню.

Мама: Гоша там тоже был.

Папа: Этот Гоша просто болтун.

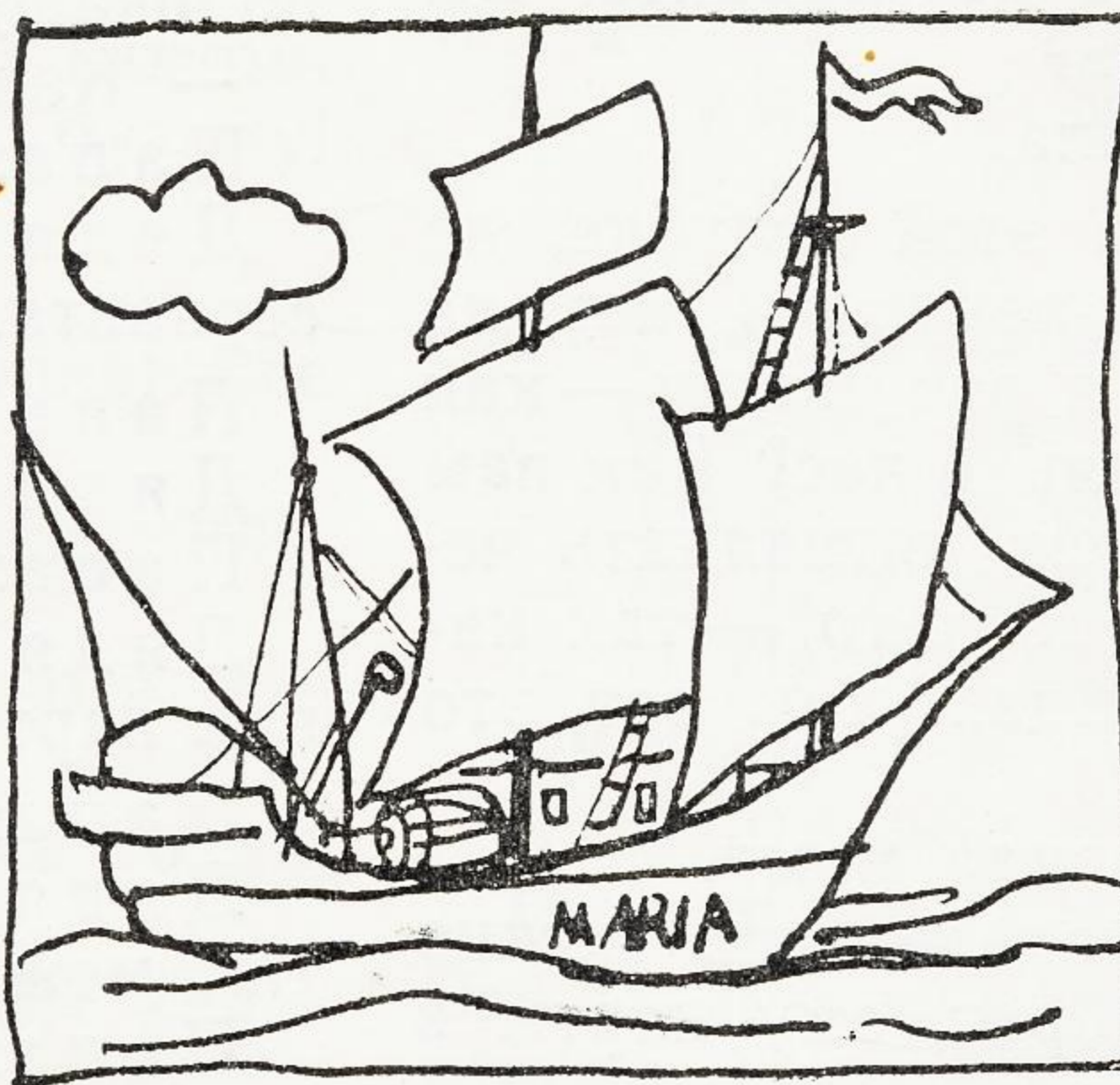
Мама: Ничего подобного.

Старик Ливерпуль: Где был Гоша?

Мама: Там, где и вы.

Папа: Никогда он там не был.

Мама: Как можно...

Папа: Я совсем забыл. Он там действительно был, успокойся.

Старик Ливерпуль: Был, и слава богу!

Мама: А я что говорю?

Папа: То же самое.

Мама: Ну так вот!

Все молча пьют чай. Только слышен хруст сахара.

Ливерпуль: В мире сейчас тревожно. А когда Гесс перелетел в Англию...

Папа: Это было давно. А вот Гитлер, это уже не Гесс...

Мама: У нас мир с фашистами.

Папа. Какой может быть мир с фашистами! В этот мир я мало верю.

Мама: Как это ты не веришь? Мир есть мир.

Папа: Что верно, то верно...

Почему в мире тревожно? Кто такой Гесс? И еще этот Гитлер... Все было так интересно! Но понять я не мог ничего.

Ворочается мой брат Боба. Он лежит рядом со мной в этой комнате. Он встает вдруг с кровати, идет к дверям. Приоткрыв дверь, говорит Ливерпулю:

— А вы можете съесть песок?

Все смеются. Боба бежит обратно.

Мама плотно закрыла двери. Теперь я ничего не вижу. Только кое-что слышу:

...«Мария» утонула в тысяча девятьсот семнадцатом...

...Если Гесс перелетел в Англию, то это значит...

...Черт его знает, что это значит, но факт тот, что он туда перелетел...

...Я слышу хруст сахара, вижу омаров в больших красных шапках, шхуну «Марию», Гесса, который летит в свою Англию, сыплет сверху песок на шхуну, и шхуна «Мария» тонет...

На дачу

Мы все-таки едем на дачу!

— В Москву бы поехать, — говорит папа.

— В какую Москву? — мама не понимает.

— Мы сошли бы в Москве на Казанском вокзале... Что, разве было бы плохо?

— К чему это все? — мама не понимает.

Мой папа в Москве родился. Он хочет в Москву. Он давно там не был. Он каждый год в Москву хочет. А мама не хочет. Она здесь родилась. Она любит дачу. И я люблю дачу. Кто дачу не любит! Я люблю и Москву. Кто Москву не любит! Но что же делать! На дачу мне тоже хочется.

Мы стоим возле машины на улице. Все наши вещи в кузове. Мама с Бобой сели в кабину. Папа все говорит про Москву. Это с ним бывает.

— Я спешу, — говорит шофер.

Мама вдруг говорит:

— Где подушка и чайник?

Я бегу за подушкой и чайником.

— Не забудь закрыть дверь! — кричит мама.

Подушка огромная. Трудно бежать. Я теряю крышку от чайника.

— Она где-то звякнула, — говорю я.

— Поищите ее! — кричит мама.

Нас провожает вся улица. Здесь, конечно, все братья Измайловы. И другие мальчишки. Они все бегут на лестницу. Ищут там нашу крышку. Шофер говорит:

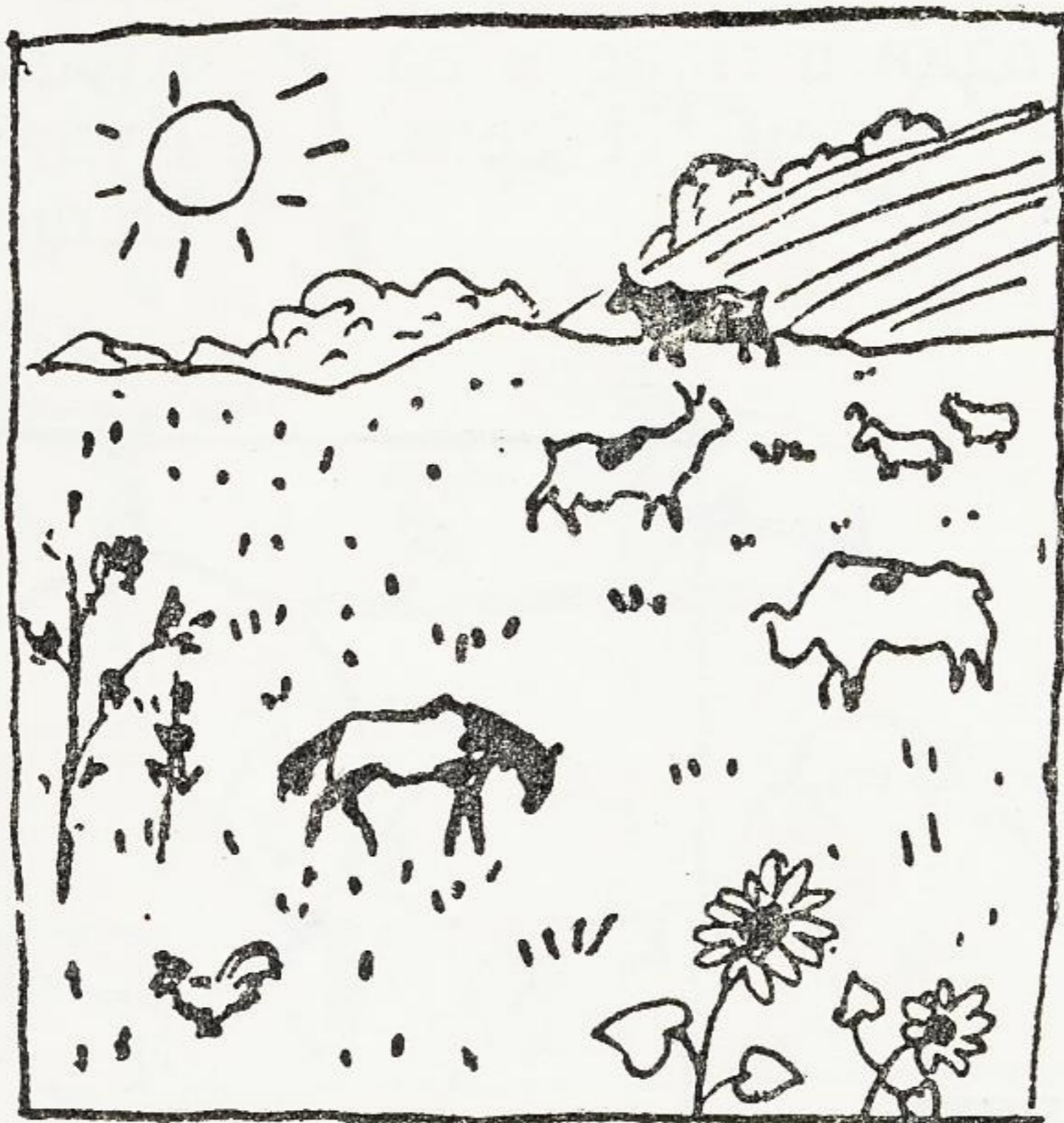
— Это мне надоело.

— Вы же видите, — говорит папа.

— Я то вижу, — говорит он.

— В чем же дело? — говорит папа.

Наконец крышка найдена, я лезу в кузов. Любой хочет ехать в кузове! Братья Измайловы едут завтра. Они едут в пионерлагерь.

Но их повезут в автобусе. Они не поедут в кузове.

— Отойдите! — кричу я. — Ведь это машина. А не какая-нибудь там повозка!

— Ой, — кричит па-

па, — ведро забыли!

Я бегу за ведром. Подаю ведро папе.

— Ничего не забыли? — кричит шофер.

К нам спешит Ливерпуль.

— Чуть-чуть не опоздал, — говорит он.

Старик Ливерпуль всем жмет руки.

Мы трогает с места.

Все мальчишки бегут за нами. Кричат что-то и машут руками. Один Ливерпуль остался. Он стоит, смотрит нам вслед...

А мы всю едем! Ветер свистит. Волосы у папы растрепались. И у меня растрепались волосы. Уже нашего дома не видно. И всех мальчишек, и Ливерпуля...

Папа вдруг посмотрел на меня — я на папу. И мы рассмеялись. Не оттого, что растрепаны волосы. А просто так. Не поэтому. Это здорово ехать на дачу, когда папа рядом, вот здесь на вещах, вы себе не представляете!

Жаль, что днем едем. Лучше бы ночью. Тогда наши фары горели бы. Но днем светло. Это тоже не плохо. Очень трудно сказать, что лучше!

Вдруг я вспомнил про девочку с бантом... Эх, был бы я пиратом! Вот так мчался бы я в своей шхуне... Бьют волны, и шхуна качается... Там вдали виден корабль... В нем едет девочка с бантом... Со мной целый отряд... Я беру в плен корабль... «Ах, это вы! — скажу я, — ну, что ж, здравствуйте!» «Ой! — вскрикнет она, — дайте мне воды...» Я скажу: «Я вас всех отпускаю. Плывайте себе на здоровье! Куда ваши глаза глядят...» Она

скажет: «Ой, вы такой благородный! Просто дальше уж некуда! Я остаюсь с вами. Я влюблена!» «Хорошо, — скажу я, — пожалуйста, как хотите...»

Стучит ведро о кастрюлю. Звенят ложки и вилки в мешке. Звенит крышка чайника.

Мы выезжаем из города. Я вижу вышки. Целый лес вышек. Где-то здесь должен быть дядя Али. Может быть, он меня видит.

Мы едем берегом моря. Лодки в море и на песке. И белые чайки над морем. И сети. И скалы.

Мы едем сквозь виноградники. Блестит дорога на солнце. А по бокам виноградники.

Мы едем совсем рядом с поездом. Мы мчимся, и поезд мчится — кто кого перегонит!

Едут навстречу нам машины. Мы едем навстречу машинам.

Идут навстречу нам люди. Мы едем навстречу людям.

Орет осел.

Кричат бараны и блеют козы.

Кудахчут куры, кричит петух.

Наша дача уже совсем рядом.

На даче

На даче у нас виноградники, инжировые деревья и айвовые деревья, а за деревьями и виноградниками море синее, а иногда зеленое, а когда дождь и ветер, серое. Вот какое это море! А песок под ногами горячий. Но к этому я привыкну. В прошлом году мне так жгло ноги — вы себе не представляете! А потом я привык и ходил себе сколько влезет. У нас на даче есть бык. Он в сарае. Его звать Алеша. Я видел его только в щелку сарая. Огромный бык. Рога — во! Говорят, очень злощный. Тетя Эля, хозяйка наша, рассказывала. Он сломал два забора, двоих забодал, много бед натворил. Бык страшнейший, ну просто жуть! Иногда он ревет протяжно. Тогда мне становится страшно. Я бегу от сарая подальше. Я хватаю палку и жду. Я готов его встретить отважно. Мы только вчера приехали, а тетя Эля уже нам сказала:

— Смотрите, наш бык опасен!

Мама сказала:

— Как опасен?

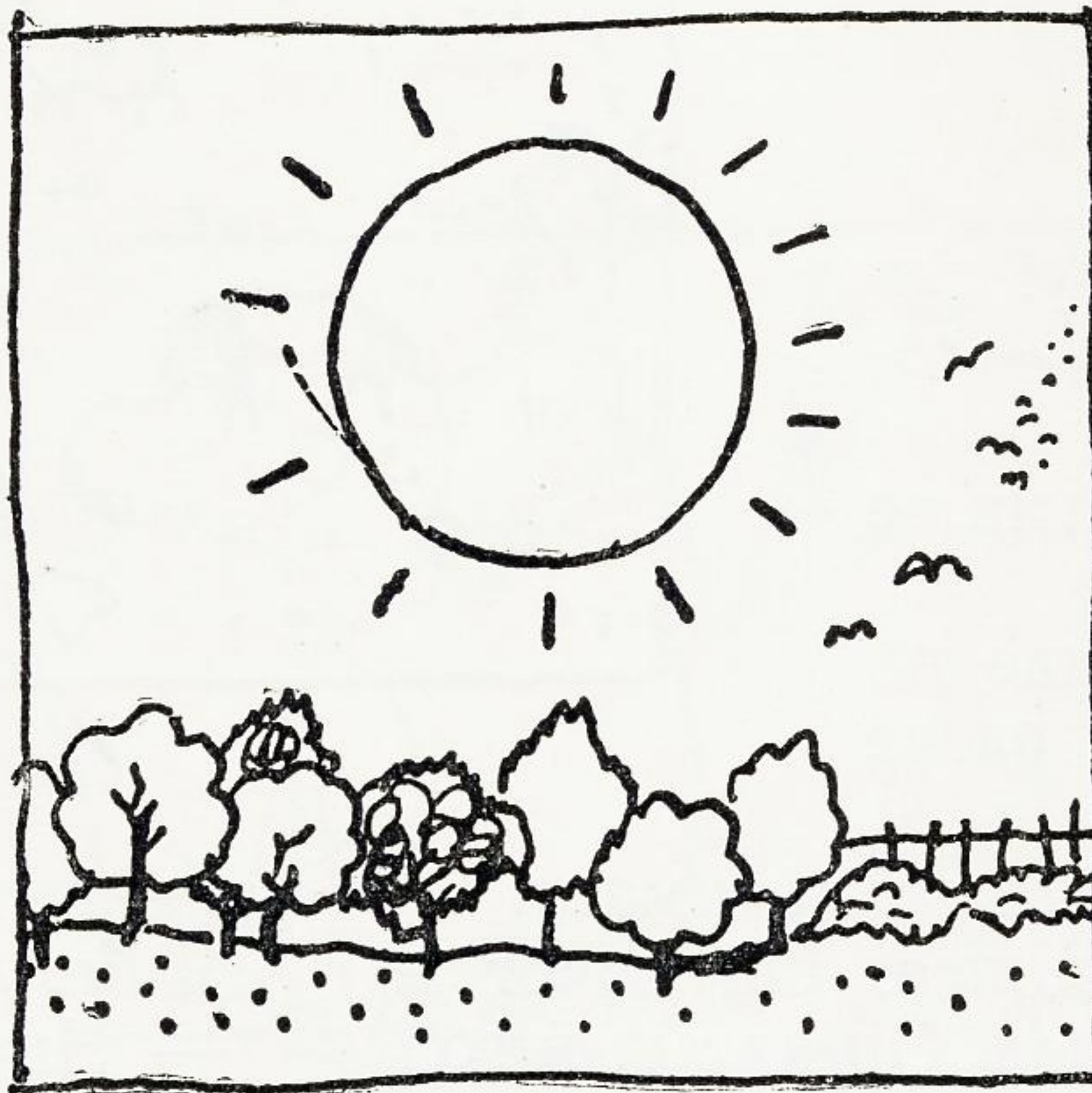
— Свирепый он. Не допускайте детей. Чтоб они дверь в сарай не открыли.

Мама сказала нам:

— Слышите?

Я-то дверь не открою. Вот Боба, он может. Что ему бык! Ему все равно. Станный он человек! Я не верю, что я был таким, как он. Хотя мне говорят, что я был таким.

Я сейчас стою в винограднике. Вижу поезд вдаль, белый дым. Слышу стук колес. Кричат, кружатся в небе птицы. А солнце-то словно костер горит. Вся голова моя теплая. Мне

бы в море сейчас! Но мама меня одного не пускает. Очень жаль, что тут нет со мной братьев Измайловых! Вот сидит на заборе мальчишка — весь черный. Нужно с ним по-

знакомиться. Непременно я загорю, как он. Что б мне это ни стоило!

Я стою в винограднике. Это здорово, что мы на даче! Скоро наш виноград поспеет. Мы будем есть его сколько хотим. Пока не наедемся. Папа меня так учил: «Ты берешь в руки кисть. Вот так, а другой рукой рвешь виноградины. И кладешь их в рот. Ты набираешь их полный рот. Как можно больше. Потом — раз! — надави все зубами. Ты понял? Вот как едят виноград!» Каждый год он повторял: «Погоди. Пусть он только поспеет. Я покажу тебе, как это делается. Пусть он только поспеет!» «Это замечательно!» — говорил я. «Еще бы! — говорил папа. — К тому же, ты можешь его сушить. Вон на той плоской крыше. Брезент расстели и суши. Зимой всех угостишь». Каждый год я собирался сушить. Но так и не сушил ни разу. В этот год я насушу два мешка или три или даже четыре...

Сейчас папа в городе, что же делать! У нашего папы работа. Он не может все время быть с нами. Приедет он только к вечеру. Я увижу издали поезд. Со всех ног я помчусь к калитке. Чтобы встретить его на дороге.

Я стою в винограднике. Скоро весь виноград поспеет, инжир поспеет, айва поспеет, гранаты поспеют... Я даже стих сочинил:

Солнце светит, и море сверкает,
И айва и инжир поспевают,
И растет, и растет виноград,
Как я рад! Как я рад! Как я рад!

Мама ищет меня по саду. Она держит
за руку Бобу. Вы слышите? Мама зовет
меня.

Я иду маме навстречу.

Мой папа и Алеша

Таким я не видел папу. И мама его не видела таким. Он шел странной походкой, весь в пыли, а в портфеле, в руках и во всех карманах — не сразу мы поняли, что это!

— Это редиска! — сказал я.

— Редиска?!

Зачем папе столько редиски?

Тут было чему удивиться!

Мы стоим на веранде и смотрим на папу.

Он нас тоже видит. Кричит нам:

— Я был на базаре!

Он очень веселый. Машет портфелем. Редиска летит во все стороны.

Мой папа был пьяный.

Мы это с мамой увидели.

— Что это значит? — кричит ему мама.

А папа! — он был таким веселым! — прошел весь двор, прямо к двери сарая, открыл эту дверь и позвал быка.

Мама так испугалась! Еще бы! Тети Эли нет дома, ее мужа нету, они оба в городе — что же делать?

— Иди-ка сюда, — зовет папа быка.

Бык не идет.

— Эй, Алеша! — кричит ему папа.

Бык выглядывает из дверей.

— Алеша! Кому говорю!

Тогда бык пошел прямо к папе.

Он идет прямо к папе, а папа кричит и ногой даже топнул, и снова редиска попадала.

Бык спокойно подходит к папе. А папа к земле нагнулся. И собирает редиску.

Бык ждет, когда он поднимется.

— Эх, Алеша, Алеша, — говорит папа.

— Уходи! — кричит мама, — скорей уходи! Пока он ест!

А папа, он даже не слышит. Он и не думает уходить.

— Ешь, ешь, — говорит он Алеше.

Алеша ест с удовольствием.

— Теперь прогуляемся, — говорит папа. Он берет за один рог быка и тащит его прогуляться. И бык идет следом за папой.

Папа делал круги по двору. Бык шел за ним и ел редиску.

— Люблю лето, — говорил папа, — замечательное здесь лето. И солнце здесь замечательное. Но в Москву все же хочется. Я там родился... Там тоже есть солнце... конечно... но не в таком количестве...

— Ты же пьяный! — кричит ему мама.

— Сейчас я приду! — отвечает папа.

Я хочу бежать к папе. Но мама меня крепко держит за майку.

— Что он делает!!! — кричит мама.

А папа не слышит. Он ходит по кругу. Бык ходит за ним. Ест редиску. И слушает папу:

— Охота в Москву... там зимой много снега... А летом? Ну... летом там тоже тепло. Ну, не так, как здесь... Это верно...

Бык смотрит на папу. Редиска вся кончилась.

— Нет, — говорит папа, — ты пойми, — солнце там тоже есть... но не в таком количестве...

Мне почему-то смешно даже стало. Что папа все повторяет? Любой поймет, даже бык. Что он все повторяет?

Бык как заорет! А папа его хлоп ладонью по шее. И бык замолчал.

— Тоже мне, — говорит папа, — вздумал орать! Мы все орать можем. Ты лучше послушай. Тебе человек говорит, так ты слушай... И не ори! Так и знай. Что орешь? Тоже мне разорался!

Бык внимательно смотрит на папу.

— Ну, что уставился? — говорит папа. — Не написал я хорошей музыки. А почему? Сам не знаю... Хотя мне всегда хотелось... И даже сейчас очень хочется. А солнце здесь есть, это верно... А там не в таком количестве...

Тут во двор входит дядя Багир, тетя Эля и кто-то еще.

— Вай! — говорит тетя Эля.

Дядя Багир кричит:

— Бык! Смотрите!

— А! — говорит папа, — это вы!

— Осторожно, — кричит ему дядя Багир.

— Чепуха, — говорит папа, — все чепуха... Он бросает портфель и идет прямо к нам. Бык рвет папин портфель. Летят ноты по ветру...

— Что с тобой? — моя мама плачет. Она первый раз видит папу таким. — Что с тобой сегодня!?

— Ничего, — говорит папа, — все Ливерпуль... Ливерпуль меня угостил... Он меня угостил. За успех... он не просто так...

— За какой успех?!

— Ну... как то есть? — сказал папа, — я за успех...

Папе вдруг стало плохо.

Очень маленькая глава

Я вышел в сад поглядеть виноград. Я-то знал, что он еще зеленый. Но я хотел ещё раз поглядеть. Вдруг я вижу, бежит по дороге мальчишка, вокруг пыль столбом и жара такая! — а он орет:

— Война! Война!
Мама тоже вышла из дому. Слышит это и мне говорит:

— Вот негодный мальчишка! Вчера тоже кричал: «Пожар! Пожар!» А никакого пожара не было.

Еще одна маленькая глава

Папе к вечеру стало лучше. Он пошел на вокзал прогуляться. Он всегда ходил на вокзал прогуляться. Уж очень любил он вокзалы! Сядет там где-нибудь на перроне и все сидит, отдыхает.

Вернулся он очень быстро. Мой папа вошел и сказал одно слово:

— Война!

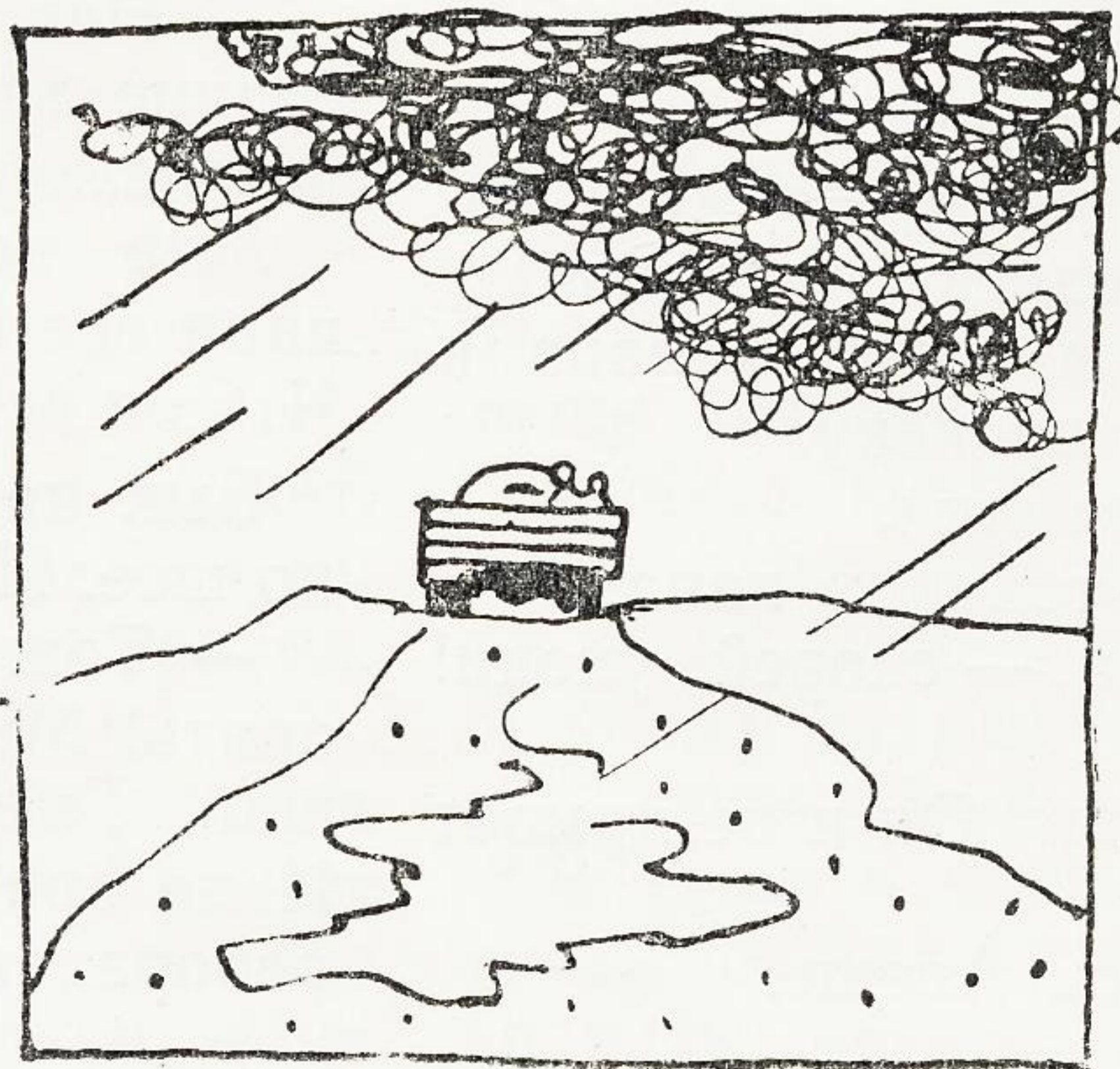
Он не любил говорить много слов. Такой был человек, мой папа!

Домой

Мы уезжаем с дачи.

Мне очень жалко дачу. Жалко мне виноград — он еще не поспел... Жалко мне расставаться с морем...

Но мы уезжаем. Завтра едет на фронт наш папа. Мы будем его провожать. А сейчас мы садимся

в машину. И едем в обратную сторону.

Мы едем по той же дороге. Опять еду я с папой в кузове. Но почему мне не весело? Мне даже не интересно. Хотя еду я в том

же кузове. И мне могут опять все завидовать...

— Дождь будет, — говорит папа.

— А как же мы?

— Так же, как и сейчас.

— Но ведь дождь...

— Ну и что же?

— Но мы ведь промокнем...

— Промокнем...

А небо уже совсем серое. И дождь пошел. Папа мой достает одеяло. И мы накрываемся. Мы сидим под одеялом. А дождь хлещет и хлещет на нас. Всюду льется вода. Наши вещи наверно промокли...

Мы почти в темноте. Я гляжу в щелку и вижу дождь — больше я ничего не вижу.

— Дурацкий дождь, — говорит папа, — черт бы его побрал...

— Плохо, — говорю я, — когда едешь и ничего не видишь.

— Это верно, — говорит папа, — не очень хорошо...

— И когда дождь тоже плохо.

— Также плохо, — говорит папа.

— И когда ноги мокрые.

— Также верно, — говорит папа.

— Почему ты так мне отвечаешь?

— Как?

— Ну, как-то скучно...

— А тебе весело?

— Нет, мне почему-то не весело...

— Так вот и мне почему-то не весело.

— Потому что дождь?

— И дождь, и война. Все вместе.

— Но мы победим? Ведь верно?

— А как же!

— Эх, — говорю, — интересно все же! Трах-бах! — самолеты, танки...

Одеяло с нас чуть не свалилось. Папа поправил его и сказал:

— Ну, ну, ну, не махай руками.

— Тебе каску дадут? — говорю.

— Дадут, — говорит папа, — всё дадут.

— Она ведь, наверно, железная. Даже стальная. Как ты думаешь, каска стальная?

— Стальная, — говорит папа.

— Ты ходи в каске, — говорю, — раз она вся стальная.

— Обязательно, — говорит папа.

А дождь все льет и льет.

А мы все едем.

До свидания, папа!

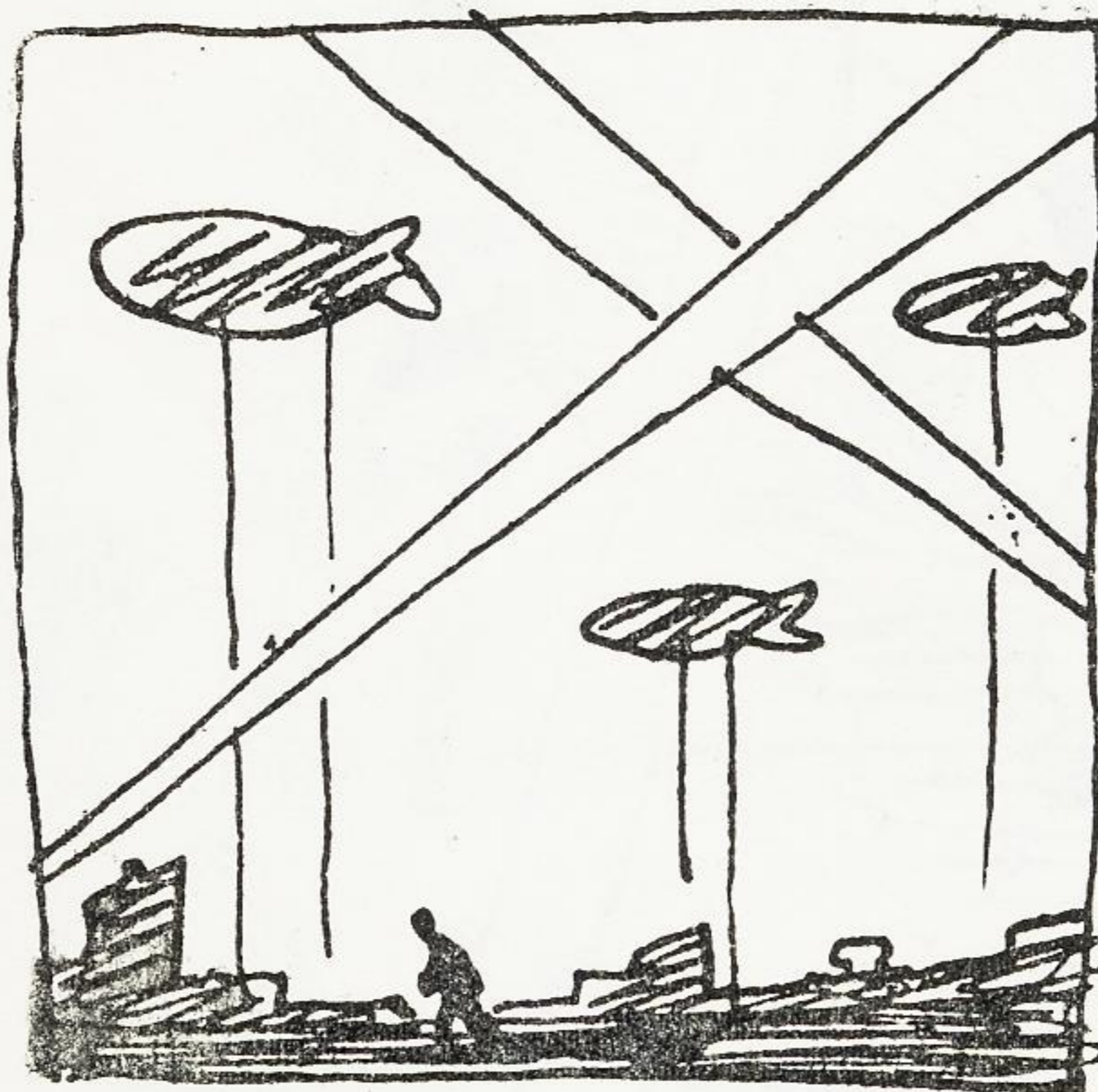
Я, мама, Боба стоим на балконе.

Мы глядим в темноту — все вокруг темно, в нашем городе затемнение. Там, в темноте, мой папа. Мы слышим папины шаги, мне кажется, я его вижу, вот он обернулся, махнул нам рукой...

Он только что вышел из дому. Только что с нами простился. Он уходит все дальше, туда, в темноту.

— До свидания, папа! — кричу я.

— До свидания, папа! — кричит Боба.

Только мама стоит с нами молча.

Я кричу в темноту:

— До свидания!

Боба машет двумя руками. Темнота-то какая! А он все машет. Будто папа его увидит...

...Шагов папы не слышно. Наверно, он свернул за угол. Мы с Бобой кричим:

— До свидания, папа!

Мой папа ушел на войну.

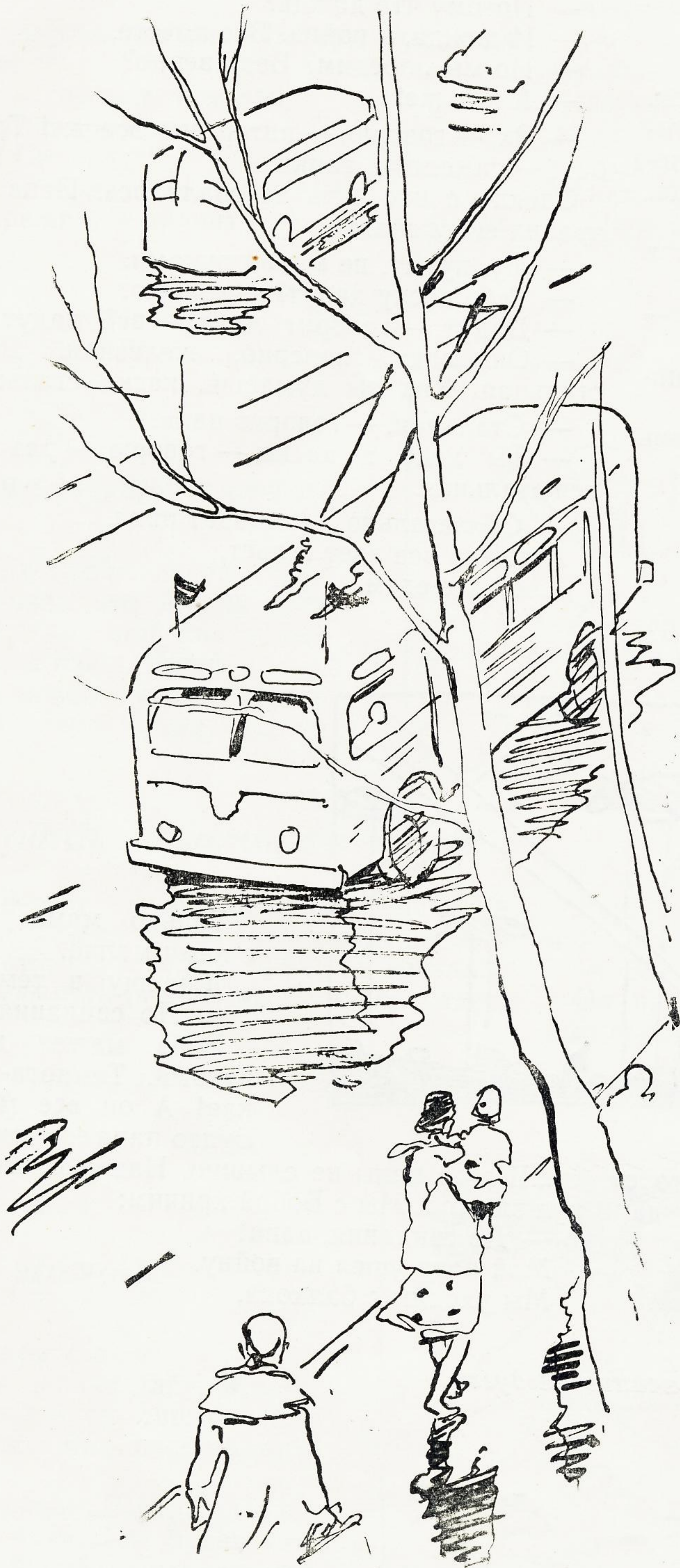
Мы уходим с балкона.

Окончание следует

ПОЮЩИЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Э. Захариева

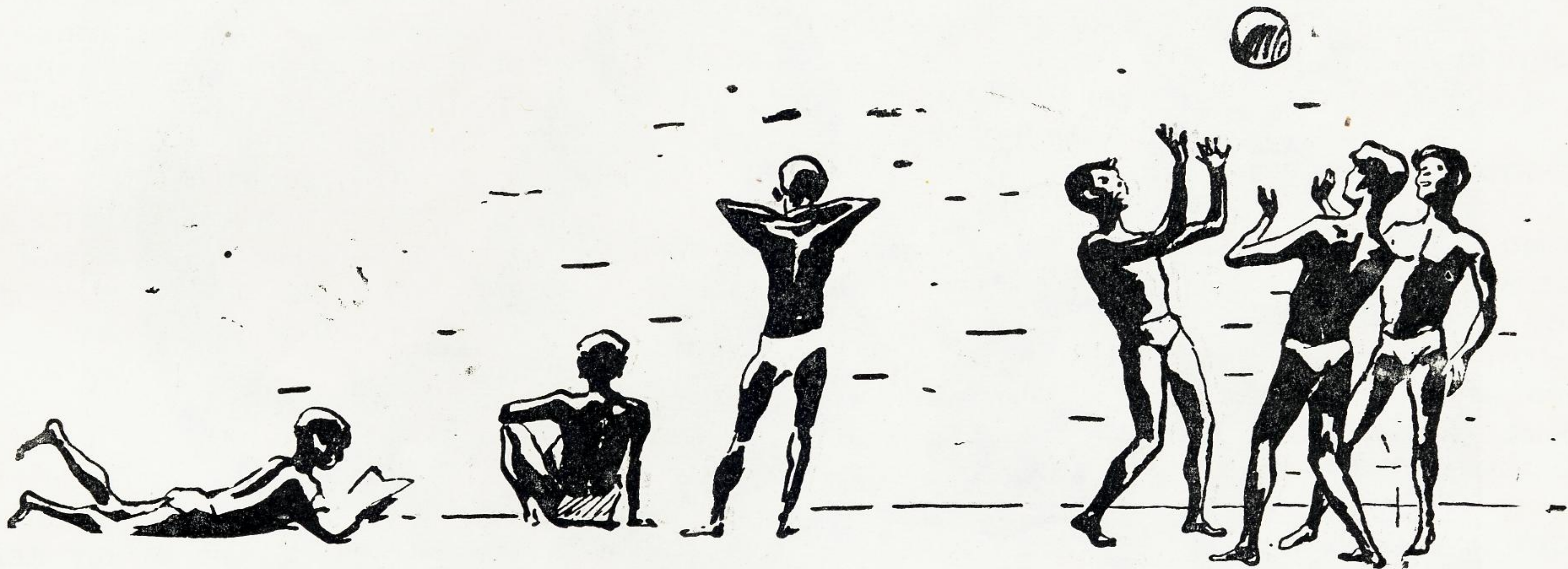
Троллейбусы разные
ходят в Софии —
зеленые,
красные
и голубые.
Но чтобы на мостовой
троллейбус запел, как живой, —
не знали в Софии
про вещи такие!
Это случилось недавно,
в Софии,
на улице главной.
Граждане шли по панели,
звонко трамваи звенели,
весело солнце шагало,
спать лежебокам мешало.
Вдруг из-за поворота
с пением
вырвалось что-то —
это троллейбус поющий,
песни сквозь утро несущий!
Спрашивают удивленно:
— Что за троллейбус зеленый?
— Кто он такой?
— И откуда
катит поющее чудо?
Дом на углу
удивился:
— Может, он пенью учился?
Может, в депо он — не знаем —
пел перед другом-трамваем?
А светофор многоглазый
улице
высказал сразу:
— Ясное дело — учился,
иначе в ритме бы
сбился!
Все-таки, все-таки, что же
за странный троллейбус такой?
На что же все это похоже —
троллейбус смущает покой!
Голов не ломайте,
не надо! —
В троллейбусе едут ребята,
а с ними попутчица-песня,
а песне в троллейбусе тесно...
Вот так по асфальту столицы
поющий троллейбус и мчится...
Давай-ка, товарищ, вдвоем
вдогонку ему подпоем!

ПЕСНИ ДВУХ БЕРЕГОВ

Георги Струмски

Звонко запоют ребята
песню в лагере Обзор¹,
и летит она, крылата,
веселя морской простор.

А от берега другого,
от Артека, над водой,
мчится песенное слово,
словно сокол молодой.

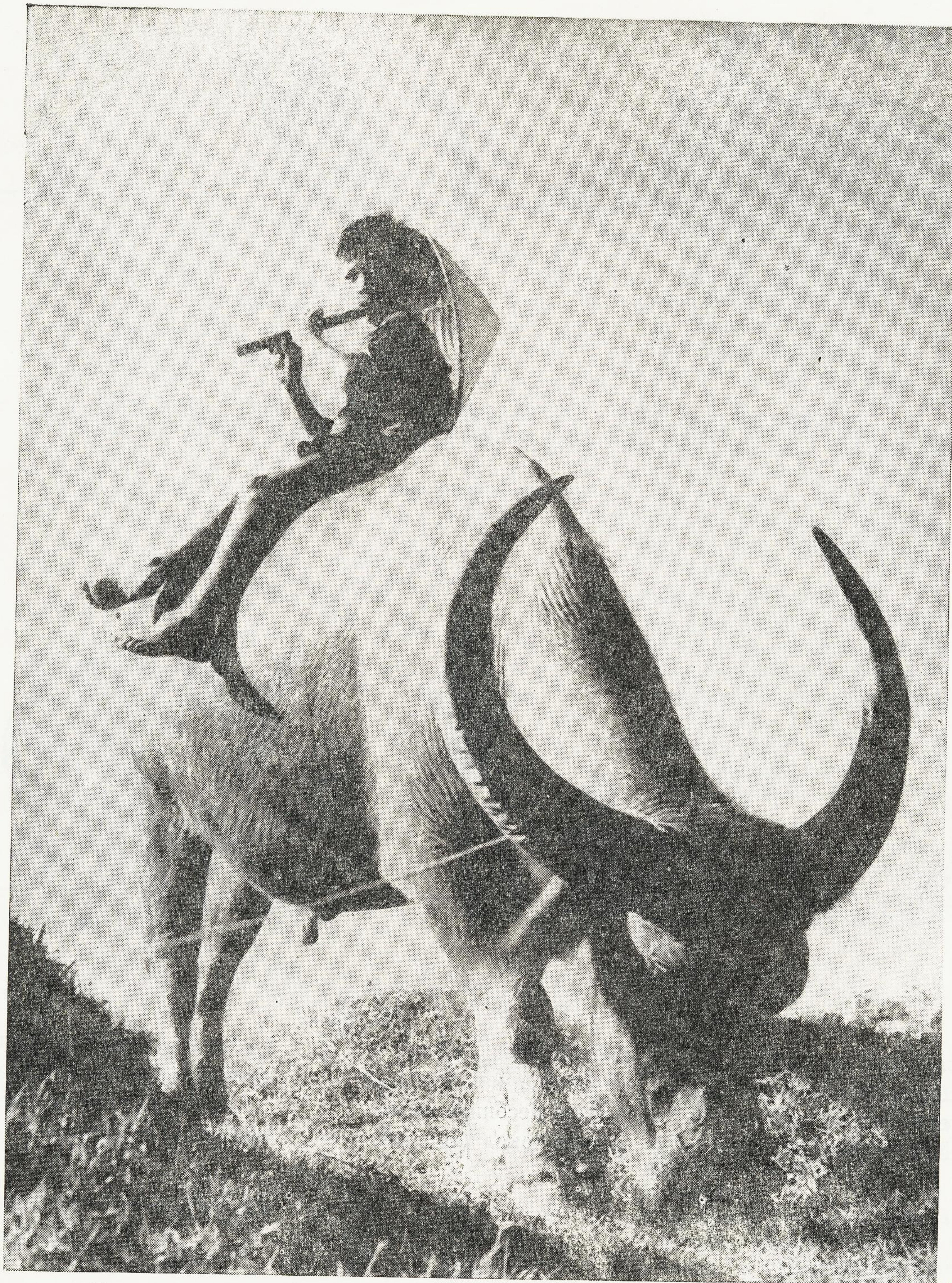
Песни — лагерные вести,
дружбой сплочены одной,
и плывут две песни вместе
над зеленою волной.

Перевел с болгарского О. Шестинский

Рисунки А. Иванцова

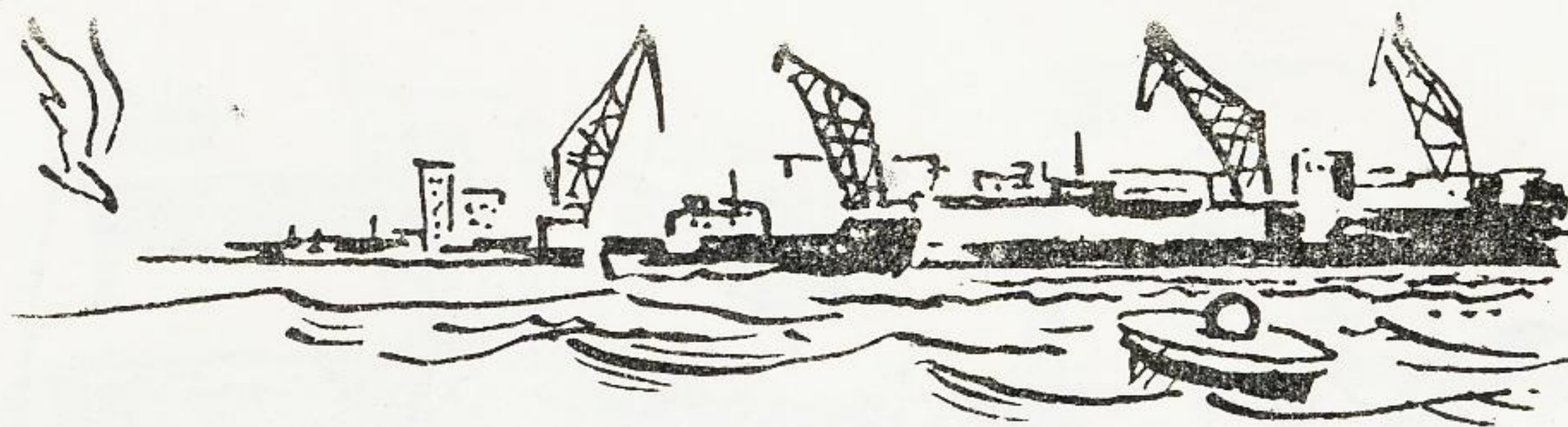
¹ Обзор — лагерь болгарских пионеров на Черном море.

Этот снимок вьетнамского фотографа Ле Дуна демонстрировался на Международной выставке художественной фотографии в Москве. Называется он „Мирные звуки флейты“.

Д. Тихий

Рассказ

Рисунок Ю. Шабанова

— Ленинградский «Беломор»? Давно не пробовал, — боцман старательно размял папиросу. — Фабрику Урицкого с закрытыми глазами узнаешь, — добавил он, затянувшись.

Море дымилось и вдали совсем незаметно сливалось с небом. Пахло смолой и нагретым железом. Ритмично и глухо, словно кто-то зло ударял в литавры, работали машины.

У кнехта, подставив солнцу палевый бок и подрагивая ухом, лежал большой пес. Сквозь свалывшуюся шерсть проступали ребра.

— Что это у вас пес худой, не кормите, что ли? — спросил я.

— Почему не кормим, — серьезно ответил боцман. — Это он на вид худой, а так здоровый пес!

Из-за брашпиля, щурясь и зевая, вышел дымчатый, редкой окраски кот. Он постоял немного, поджав переднюю лапу, пошевелил усами и уселся, привалясь вплотную к собаке.

Пес с ворчанием привстал на передние лапы и резко, будто собирался ткнуть носом кота, нагнул голову. Потом он нехотя поднялся и отошел в сторону.

Кот, урча и выгибая спину, несколько раз прошелся между ног у собаки.

— Видали, — заговорил боцман. — На грош самолюбия нет. Уж, кажется, дали понять: не лезь! А ему хоть бы что! Гони его, Стаксель, в шею!

Пес обернулся, опрокинул юлившего кота и положил морду на колени боцману. Он прижал уши и смотрел вверх. Кожа на лбу его сморщилась, темно-коричневые глаза смотрели вопросительно, выжидающе.

— Ну, что, старик, все переживаешь? — боцман щурился, зажав в зубах папиросу, и широкой ладонью гладил голову собаки.

— Брось ты это! Дело-то прошлое!

Пес вздохнул и зарылся в колени.

— А ведь друзья были — хоть водой разливай, — продолжал моряк.

— Совсем, как кошка с собакой! — вставил я.

— А что вы думаете!.. Вы не смотрите, что кошка с собакой. Тут такая история!..

Он помолчал немного.

— Кота этого принес откуда-то кочегар Семенов. С варежку был, не больше... Да... А начальства у него, видно, с детства на всю

жизнь запасено было. Не успел еще толком на палубу ступить, тут же миску чужую отыскал и всеми четырьмя в нее въехал. Нарвись на другого пса — лететь бы ему из миски за борт. А наш посмотрел, обнюхал со всех сторон нахала и сел рядом. Дескать, ладно, маленький, много не съест. А этот, хотя и маленький, как принялся за дело — чуть всю миску не схарчил. Раздулся, лапы не держат, и из миски вылезти не может.

Подружились они — никуда друг без дружки. Радист наш, Вася Кочетов, выучил Стакселя водить кота на поводке. Специально ошейник смастерил. Идут по палубе — впереди Стаксель, важный, с поводком в зубах, сзади кот лапами перебирает. Ребятам забава. Клотиком его прозвали. И представьте себе, ровно в одиннадцать, как вахте обед раздавать, — ложатся курсом на камбуз. Тут уж кот впереди — тянет не хуже портового буксира. Подойдут к двери, Стаксель в нее лапой постучит, а кот оттуда:

— Стучи, как надо. Не к теще в гости пришел.

Потом выставит им миску. Кот, конечно, сразу накинется и лакает, пока уши не вспотеют. А Стаксель рядом сидит, смотрит, чтобы тот лапами в миску не залез, и чуть что — за воротник вытаскивает. После кота сам поест, миску вылизет и коку вернет. Спали вместе, кот у Стакселя под брюхом устраивался. Три навигации так отходили...

Пес осторожно высвободил голову и отправился на свое прежнее место у кнехтов. Постоял там, оглянулся на нас и начал долго и старательно укладываться. Наконец он вытянул одну лапу, подогнул под себя другую и застыл, глядя вперед на разбежавшиеся морщины моря. Было в нем какое-то необычайное спокойствие. Я бы сказал, чувство собственного достоинства.

Мимо, тяжело ступая, прошел кочегар в потемневшей майке. Он постоял немного у борта, отер беретом лицо и скрылся за угольной ямой.

— Да-а... Так вот месяца три — или нет, — четыре назад шли мы в Цейлон с заходом в Хакодате. Два дня сгружали лес. На берег увольнения не было. Сошел только второй штурман оформить бумаги.

И вот тут хватились — пропал наш кот. Туда, сюда, все углы обыскали — нет Клотика. Так и ушли без него. Не могли понять, куда он делся. Уж всякое думали: и что он сонный за борт упал, и что сманил кто... А рулевой Петя Крючкин — тот просто: к японцам, говорит, подался ваш котик-Клотик. У него, говорит, и на роже написано было, что доверять ему нельзя. В общем, пропал кот. Стаксель чуть не заболел с горя. В рот ничего не брал.

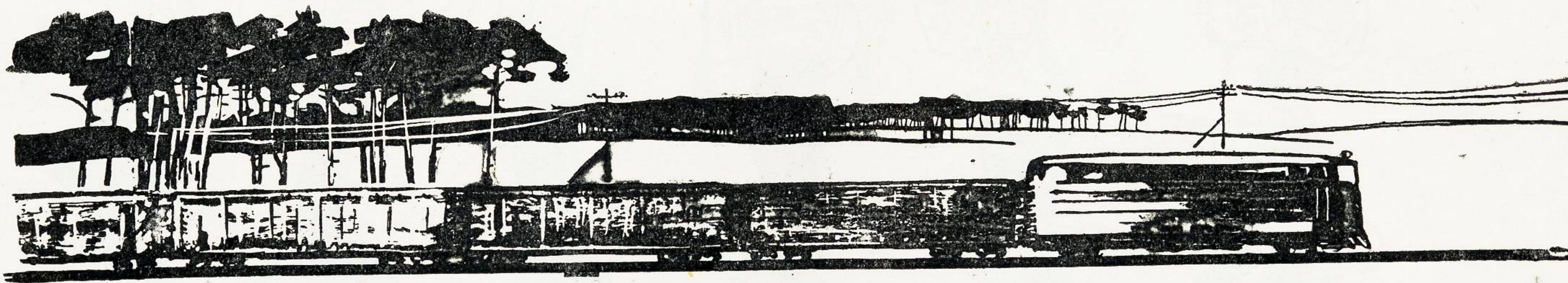
рулевой Крючкин прозвал кота Эмигрантом. ...Потянул ветерок и собрал на море белые дужки. У кнехтов лежал худой пес и смотрел далеко вперед, где четкая линия отделяла воду от неба. Пес казался совсем неподвижным. Только ухо его слегка подрагивало. А чуть подальше, повернувшись к солнцу спиной, старательно наводил глянец на свою великолепную шкуру дымчатый кот редкой окраски.

Все за борт глядел и повизгивал. Поводок в зубах таскал — тосковал очень.

И вот уже совсем недавно, дней двадцать назад, снова грузились мы в Хакодате. Вдруг, откуда ни возьмись, прыгает на палубу какой-то грязный комок. Что бы вы думали — Клотик. Наш Клотик! Но в каком виде! Тощий, шерсть повылезла, глаза дикие. И мяукает — не поймешь, от радости или от голода.

Тут как раз Стаксель появился. Постоял, понюхал воздух — и к коту. Медленно так подошел. Братва, конечно, кругом — интересно, как дружки встретятся. Кот спину дугой, хвост торчком и разными галсами перед Стакселем ходит. Обнюхивает его Стаксель внимательно и отфыркивается. Не нравится ему, видно, что от кота чужим духом несет. А тот лег на спину и лапы поджал. Значит, ждет решения. Вдруг Стаксель как поддаст кота носом. Тот аж метра на два в воздух подлетел и ходу! Стаксель за ним. Еще бы немного — порвал на куски... Долго еще кот боялся на глаза попадаться. Потом ничего — осмелел. Даже заигрывать начал. Да все равно не получилась у них дружба. Не простил ему Стаксель, что он друга на заграничный харч променял. А

О НОВЫХ СКОРОСТЯХ И СТАРЫХ ВАГОНАХ

Что происходит на железной дороге, когда скорости поездов становятся больше?

Происходит настоящая революция — прежние рельсы, прежние вагоны, прежние тормоза больше не годятся. Высоким скоростям нужны новые друзья...

Громоздкие старые вагоны не всегда выдерживали даже привычные скорости, начинали «спотыкаться». Приходилось тут же, в пути, отцеплять их и — в депо. Цельнометаллический пассажирский вагон весит шестьдесят тонн. А в составе их двенадцать — пятнадцать. Локомотиву даже при обычной скорости тяжело тащить такую «цепочку». А каково ему при современных огромных скоростях? Ведь харьковские тепловозы ТЭ7 уже сейчас развивают скорость до 140 километров в час.

На выставке железнодорожной техники в Москве

мы видели вагон Калининского завода. Кузов — из алюминия. Вес — на пятнадцать тонн меньше обычного. Калининский первенец создан для курьерских поездов со скоростью 160 километров.

Мчится поезд на высокой скорости. И вдруг понадобилась остановка. Старым тормозам не справиться. Нужны более сильные. И такие тормоза уже сконструированы. Не годятся теперь и старые рельсы-коротышки, отрезки длиной в 12,5 метров. Ведь в местах их сварки — стыки. А это — постоянный источник бед. Удары колес постепенно изнашивают рельсы, а с ними и деревянные шпалы, расстраивают стыки. Железобетонные шпалы гораздо прочнее деревянных. Значит, на них можно уложить более длинные отрезки рельсов. Такие новые рельсы называют бесстыковыми. И

вот на высоких скоростях мчатся поезда по «бархатному» пути.

«Бархатный путь», новые вагоны. Сигнализация с автостопом. А скоро и самого машиниста заменят электронной машиной. Такие опыты уже проводили. Правда, когда автомат взял штурвал в свои «руки», в вагонах ехали мешки с песком — меньше риска. Но уже теперь на обыкновенной пригородной электричке у человека есть электронный коллега-машинист. Он «сбавляет» скорость, если это нужно, тормозит, вовремя дает отправление со станции. И недалек день, когда автоматический машинист заменит водителей на железных дорогах нашей страны.

В программе КПСС записано: главная задача на транспорте — повышение скоростей.

Р. Ефимов, М. Гвоздев, почетные железнодорожники

Когда в феврале было 30 дней

В истории календаря известен случай, когда население целой страны считало после 29 февраля не 1 марта, а 30 февраля.

Вот как это произошло.

В конце XVI века римский папа ввел в католических странах новый стиль. На остальные страны указ не распространялся. Старый стиль остался и в Швеции. И только сто лет спустя шведы решили «нагнать» новый стиль, убавляя каждые четыре года по одному дню. Первым укороченным годом стал 1700-й. Швеция приблизилась к новому стилю на один день...

На этом реформа кончилась. Карл XII воевал с Россией и мечтал присоединить ее к Швеции. Тогда-то и решил он не переходить на новый стиль, подождать присоединения завоеванных территорий. Вышел королевский приказ «после 29 февраля на этот раз считать 30-е»...

Единственный раз в истории современного календаря в феврале 1712 года считали 30 дней... да и то только в одной Швеции.

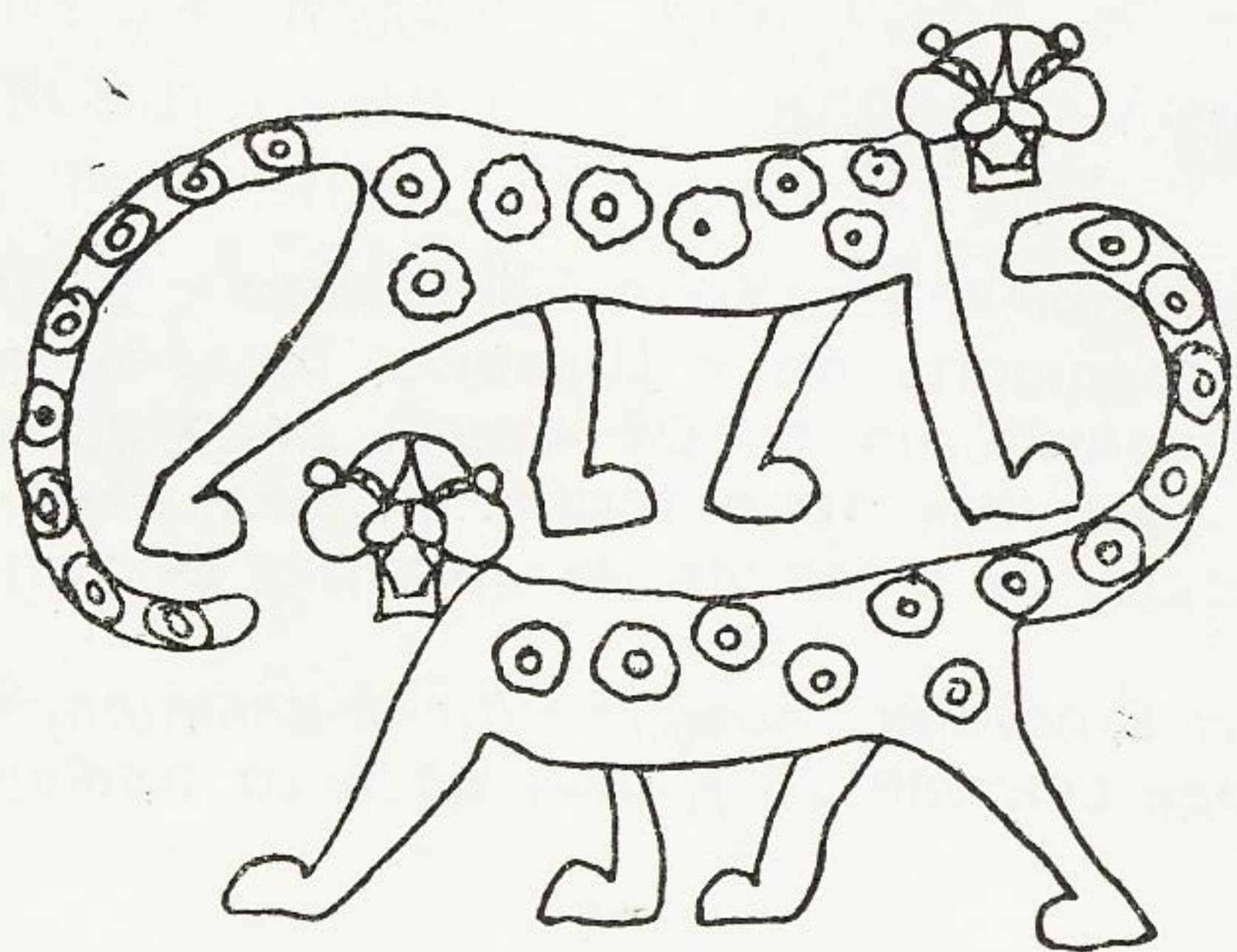
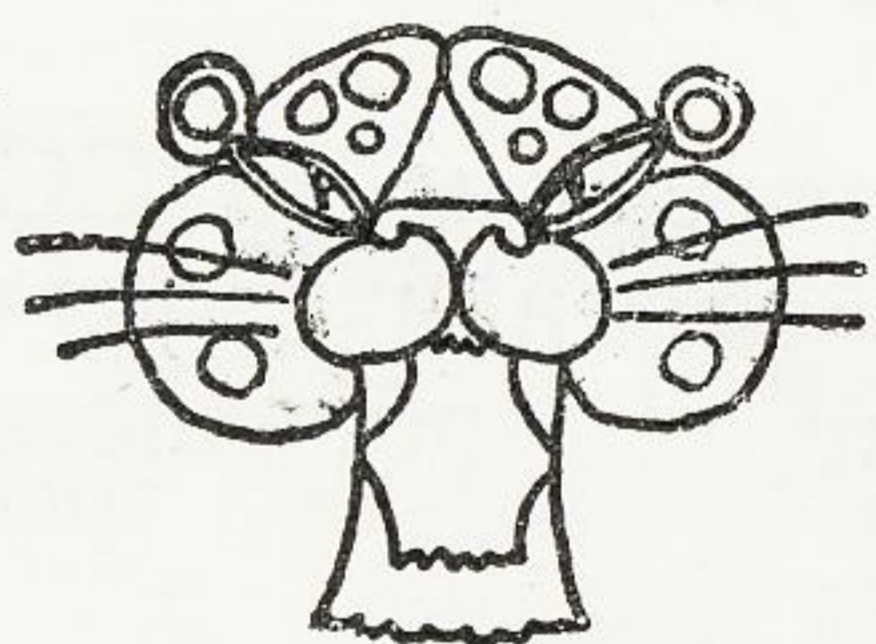

ПОБЕДИТЕЛЬ ЛЕОПАРДОВ

эфиопская сказка

Пересказала Н. Гессе
Рисунки Т. Капустиной

Вот растет пальма. Она подставляет солнцу большие листья и качается под ветром. А выросла эта пальма давным давно, когда маленькое зернышко упало на землю. Так и сказка.

Двенадцать мужчин из одной деревни пошли на мельницу намолоть муки. Намололи и пустились в обратный путь. Шли они гуськом по тропинке в зарослях кактуса, и каждый из двенадцати нес тяжелый мешок с мукой. Тот, кто шел первым, никого не видел позади себя, ведь глаза его смотрели вперед. Поэтому он испугался: а вдруг кто-нибудь отстал, потерялся в зарослях? Он остановился и пропустил мимо себя всех остальных.

— Один, — сосчитал он того, кто шел за ним вторым, — два, — сосчитал он третьего...

По его счету набралось одиннадцать.

«Но ведь нас было двенадцать», — подумал он и громко закричал товарищам:

— Постойте! Кажется, один из нас потерялся.

— Не может быть, — ответил второй. — Ты ошибся. Дай я пересчитаю.

И стал считать наново. И вышло у него тоже одиннадцать. Тогда заговорил тот, кто шел последним:

— Я шел последним, — сказал он, — я же не потерялся! Значит, никто не потерялся.

Но когда он принялся за дело, и у него получилось одиннадцать. Не больше и не меньше. Так оно и было, ведь каждый из них забывал сосчитать самого себя.

— Горе нам! — закричали все разом. — Мы потеряли нашего товарища!

— Его, верно, унес леопард! — сказал тот, кто шел последним.

— Зачем только он свернул с тропинки! — закричал тот, кто шел первым.

Мужчины помолчали. Горе их было велико.

— Он был безоружным и не мог одолеть леопарда, — печально сказал кто-то.

— Но как он боролся! — возразил другой. — С огромным леопардом! И умер, как подобает воину, — без единого крика.

— Храбрейший из всего нашего селения! — подхватил еще один. — Вся беда в том, что там было два леопарда.

— Какое два?! — возразил четвертый. — Пять, семь, целая стая леопардов.

— Бедная жена! Бедные дети! Каково потерять такого достойного мужа и отца!

Так, с криками и стонами, они дошли до родного селения и сложили мешки на площади у хижины старосты.

Все жители сбежались на площадь. С горечью слушали они рассказ о том, как безоружный смельчак бился в одиночку со стаей леопардов и погиб в неравной борьбе. Женщины причитали, мужчины клялись отомстить.

Вдруг маленькая девочка, которая недавно выучилась считать и поэтому считала все, что можно сосчитать, подбежала к матери и сказала:

— Мама, тут сложено двенадцать мешков.

— Отстань! — закричала мать. — В селении горе, а ты занята пустяками.

— Мама, — не отставала девочка, — но как же одиннадцать мужчин принесли двенадцать мешков?

— А ведь и правда, — вмешался староста.

Он прикрикнул на женщин, велел им замолчать и начал считать мешки. Их было двенадцать. Тогда он принялся считать мужчин. Их тоже было двенадцать.

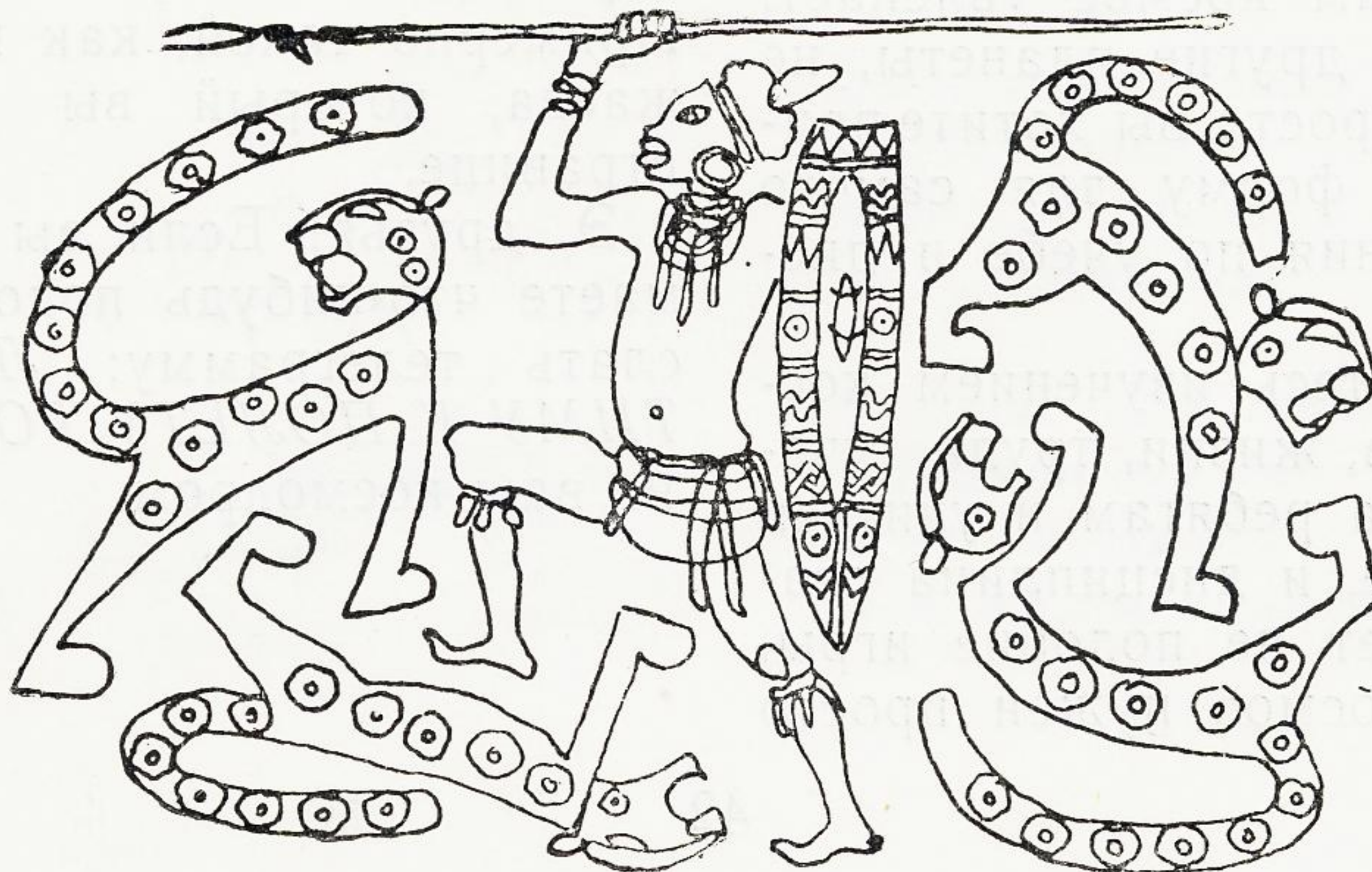
— Но ведь вас двенадцать, — сказал староста. — Значит, отставшему удалось убежать от леопардов.

— Убежать?! — возмутился кто-то из двенадцати. — Он отбил. Храбрейший из храбрых! Сильнейший из сильных!

— Наше селение должно гордиться им! — закричали остальные одиннадцать. — Отныне по всей округе будут говорить про всех нас: «Он из селения, где живет Победитель леопардов!» А мы, чьи глаза видели то, что видели, и чьи уши слышали то, что слышали, никогда не устанем рассказывать о смельчаке.

— Такое событие надо отпраздновать, — сказал староста.

В селении устроили пиршество. Ели и пили, сколько хватило припасов. Припасы иссякли, пиршество кончилось, а предание о Победителе леопардов осталось. Вы и сегодня можете его услышать, если попадете в те края.

КЛУБ ЮНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

Дорогая редакция! Мы в этом году учимся в пятом классе. Мы решили провести игру «Полет на одну из планет». Хотим, чтоб в ней приняли участие все ученики класса. Мы решили провести игру так:

1. Три корабля-спутника (три звена) поднимаются в космос.
2. Нарисовать карту звездного неба.
3. Корабли-спутники движутся весь год к заданной цели. На пути встречаются препятствия — плохие отметки (метеориты), плохая дисциплина (отказал двигатель).

А в конце года проведем экскурсию по своему району, представив, что движемся к планете. Хорошо мы придумали или нет? С нетерпением ждем ответа. Мы очень хотим сделать жизнь отряда интересной.

Люся Шульгина и другие (всего десять фамилий)

учиться
или
ИГРАТЬ

Дорогие ребята! Вот мое мнение: играть в космонавтов очень интересно, но зачем впутывать сюда учебу? Предположим, кто-то получил двойку. До метеоритов ли

ему? Бедняга грустит и думает, как исправить эту самую двойку. Ему не до игры.

Выходит, что вас не сам космос увлекает, не романтика полетов на другие планеты, не тайны звездного неба, а просто вы хотите придумать необыкновенную форму для самого обыкновенного соревнования по учебе и дисциплине.

Если вы всерьез займетесь изучением космоса, космических полетов, жизни, труда, учебы космонавтов, вот тогда ребятам и учиться станет гораздо интереснее, и дисциплина станет лучше. Это уже будет не подобие игры, когда все знают, что космос нужен просто

Сегодня в клубе

1. Друг отряда Тим Доброй отвечает на чрезвычайно важные вопросы

2. Поэтесса Екатерина Васильевна Серова читает стихи про страшного человека Бориса Лиходеева

3. Опытный охотник дядя Лёша открывает школу следопытов

Журналист по клубу
художник Георгий Ковалев

так, для формы. Это будет самая настоящая игра.

Как ее начать? Рецепта здесь не дашь. Может быть, вы решите тайно готовить «полет» своего отряда на какую-нибудь планету. Тогда вам, наверно, понадобится собрать разные материалы, вырезки из газет, прочесть книги о космонавтах и их собственные книги, например, повесть Германа Титова «Семнадцать космических зорь». Тогда вам, наверно, придется изучить звездное небо и сшить костюмы космонавтов — и чем больше будет во всем этом выдумки, фантазии — тем лучше. Потом вы назначите день старта и пригласите в «полет» другие отряды. Представляю, как будет весело и интересно!

А может быть, ваш отряд построит космический корабль? Да-да! Большой космический корабль, в котором можно здорово играть. Примерно такой, как на рисунке Юры Полежаева, который вы увидите на следующей странице.

Э, друзья! Если вы и в самом деле задумаете что-нибудь подобное, не забудьте прислать телеграмму: **ЛЕНИНГРАД КОСТЕР ТИМУ К ПОЛЕТУ ГОТОВЫ**. Тотчас прилечу на ваш космодром.

Тим

У нас в селе есть космический экипаж. Мы недавно провели вечер о космосе. Он прошел хорошо. ребята оформили зал, подготовили кинорепортаж, показали фильмы «Полет человека в космос», «Что творится на Венере» и другие. Читали стихи о космосе.

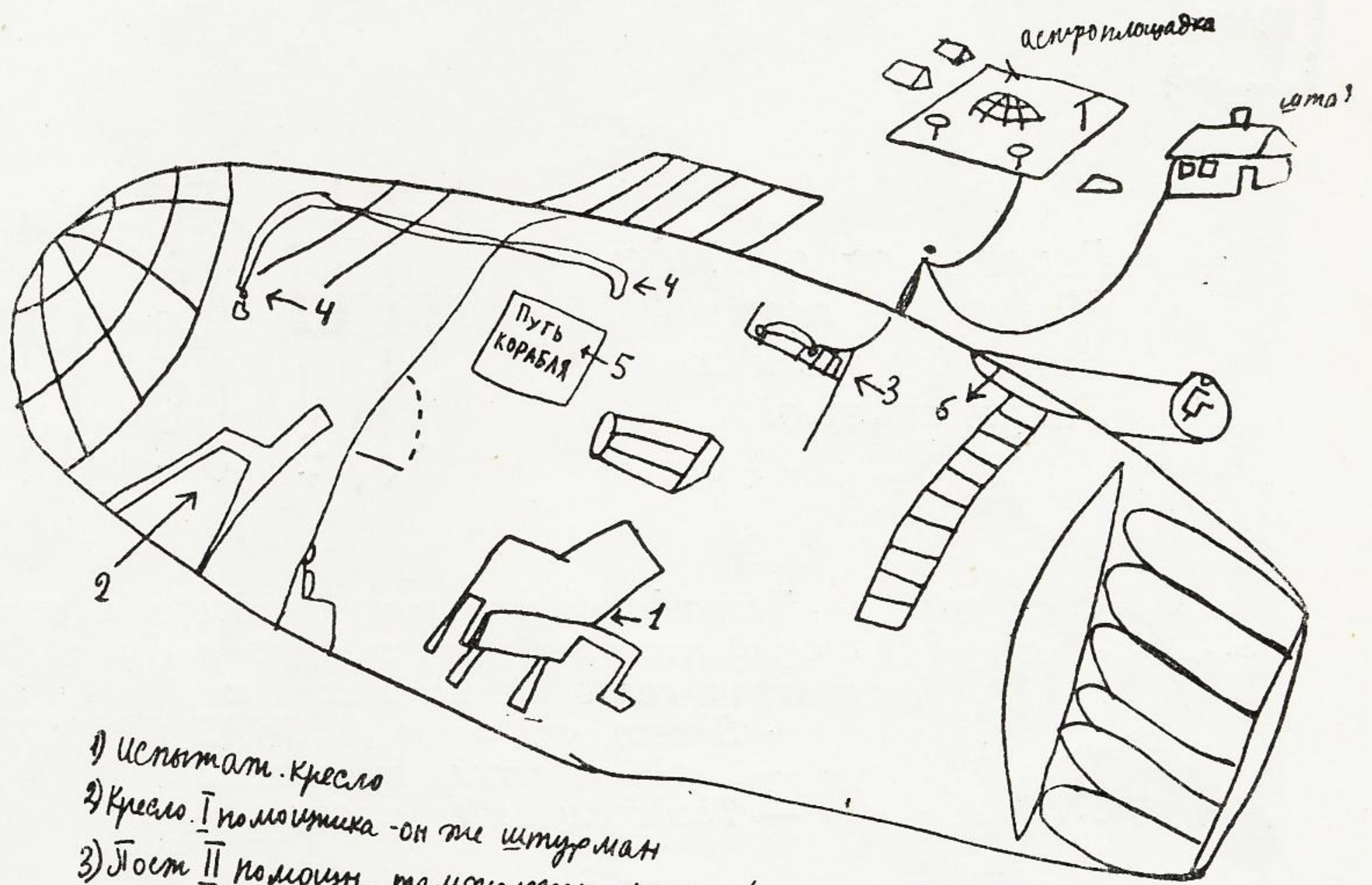
В этот же день мы показали всем нашу астрономическую площадку и разъяснили, как ведутся наблюдения за звездами. Ребята стали фотографировать падающие метеориты, правда, пока безрезультатно. Это зависит от фотографов. Но мы все равно победим и будем фотографировать.

Недавно в экипаж пришли добровольцы, мы их испытали на своем космическом корабле и приняли. Теперь в экипаже 68 пионеров и 2 комсомольца. Я еще пока не комсомолец, — малолетка, но весной обязательно буду комсомольцем. Наши ребята помогают дружине содействия милиции и получили уже много благодарностей.

Я нарисовал наш космический корабль в разрезе.

Командир космического экипажа Юрий Полежаев.

Целинный край, Кокчетавский район, село Красный Яр

- 1) Испытат. кресло
- 2) Кресло I полковника - он же штурман
- 3) Пост II полковник, там теледиск, который соединен со штабом и астрономической площадкой
- 4) Разговорная трубка
- 5) Листок выпускаемый катодом дель "Путь нашего корабля"
- 6) Мок и лестница

Наш корабль сделан из фанеры досок и дюраля

Дорогие ребята! Юнкор «Костра» Валя Кобзева из села Наримановка Азербайджанской ССР рассказала нам об ученике, который нарочно срезал вместо сорняка кустик капусты, потому что капуста была «не своя». Валя хочет, чтобы ребята написали, что они думают об этом поступке.

Мне кажется, что ребят не стоит и спрашивать — конечно, все они скажут, что у нас нет деления на «свое» и «не свое». Никто, конечно, не напишет, что ученик, о котором Валя рассказала, поступил хорошо. Но ведь есть и такие ребята, которые рассуждают так же, как он: «Не свое, значит, можно портить!» Они, конечно, в редакцию не напишут, отмолчатся. Вот им-то я и посвящаю свое стихотворение про Бориса Лиходеева.

Е. Серова

Шептались деревья,
Предвидя беду:
— Борис Лиходеев
Гуляет в саду!

Ломал он медовую
Липок семейку,
Потом на садовую
Прыгнул скамейку.

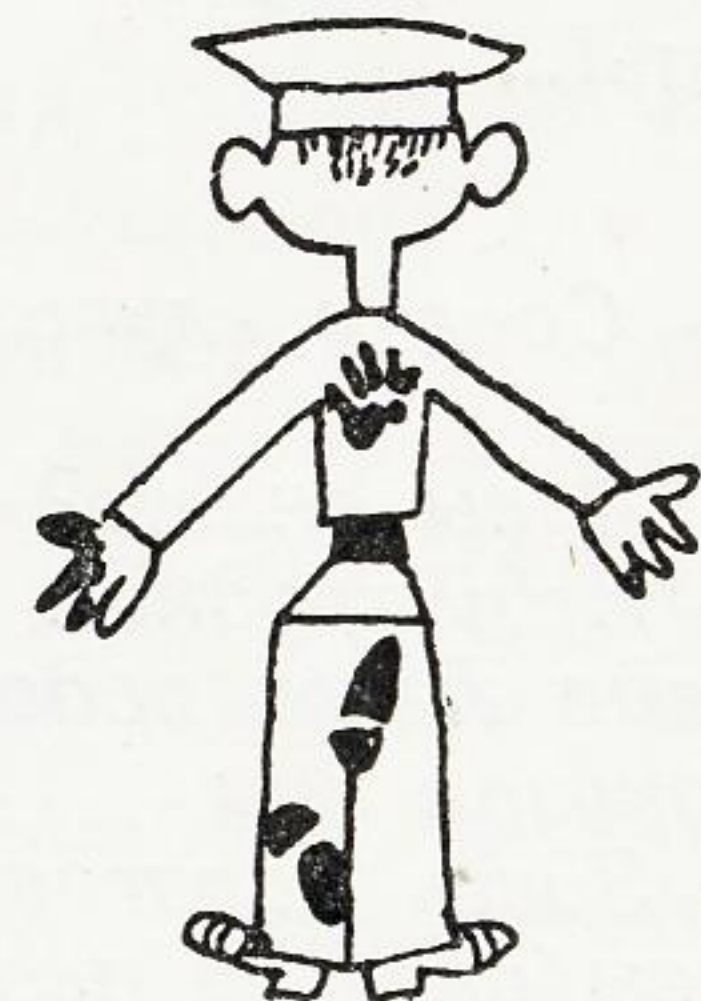
Плясал на скамейке
Пятнадцать минут,
Пристали к скамейке
Смола и мазут.

Под тяжестью гнется
И стонет скамья,
А Боря смеется:
— Скамья не моя!

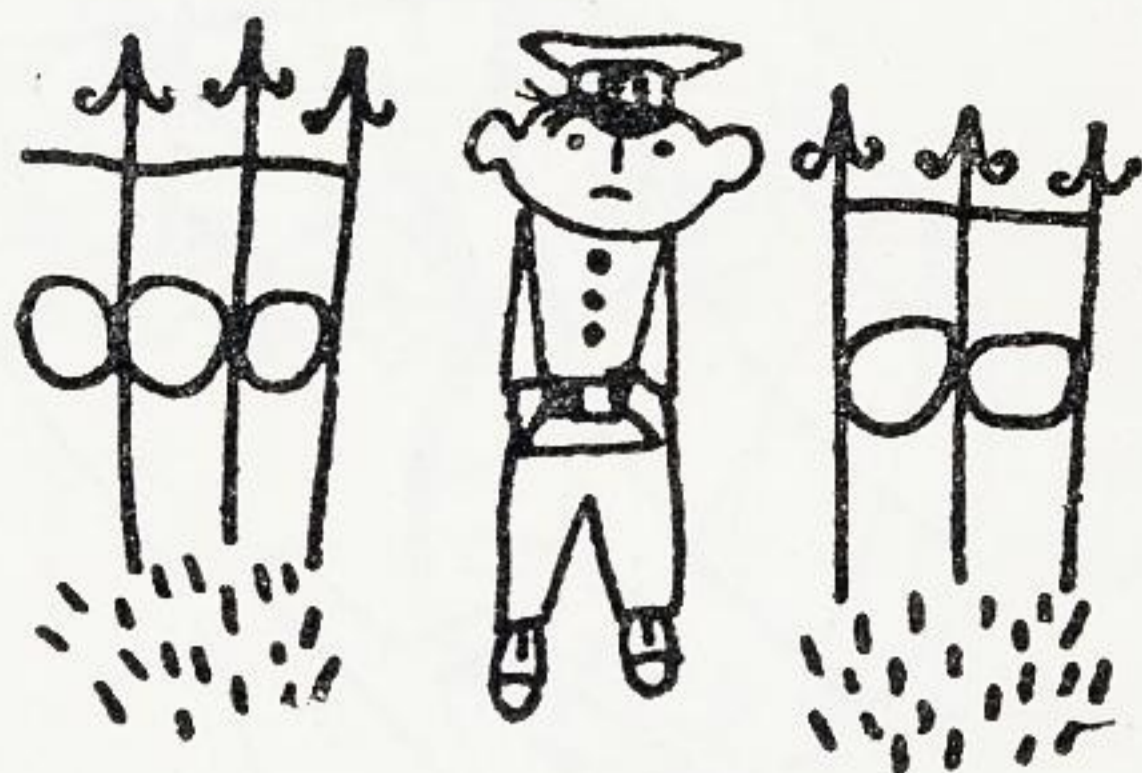
Простора желала
Бориса душа —
Весь сад обежал он,
Деревья круша.

А после под тенью
Поломанных лип
В изнеможеньи
Присел... и прилип.

Взревел он в обиде:
Мазутом — скамью?!
Хотел бы я видеть
Такую свинью!

Но тщетно свинью
Лиходеев искал,
Поскольку в садах
Не бывает зеркал.

Неожиданно распахнулась дверь, и в клуб ввалился наш старый знакомый — охотник дядя Леша. Он стряхнул снег с валенок, сел в кресло и сказал:

- Знаете, что такое ЛЕСНАЯ ГРАМОТА?
- Нет! — ответили мы хором.
- Тогда слушайте сказку...

Припоздал медведь в берлогу лечь. Осень была затяжная, теплая, клюквы тьма, на поле овсяная копна забыта, в ельнике пол-туши лося волки оставили. Ешь — не хочу... Вот и припоздал медведь. Снегом его захватило.

Бредет медведь к берлоге, снег лапами гребет. Поляна белая-белая, а на ней следов видимо-невидимо: черточки да цепочки, строчки да точки.

Глядь, неподалеку лисица по порошке строчку строчит — осторожно, с оглядочкой.

— Эй, кума! Кто это всю поляну исчиркал? Что на снегу написано? Понять не могу.

— Все понятно, кум, все понятно. Это только ты зимой в берлоге лежишь, снегу не выдывал, лесной грамоте не обучен.

— Нужна мне твоя грамота! Я и без нее обойдусь. Так просто, любопытно... Прочти-ка вот этот след. Видишь: две черточки так, две этак...

— Ладно уж, слушай: «Я, заяц-беляк, кормился тут осиновой корой, мерзлой травой закусывал. Наелся, поразмялся и спать пошел».

— Ишь ты, косой, на всю поляну расписался... А это что за крестики?

— Это? «Я, белая куропатка, ивовую почку клевала. Лунку выкопала, прилегла отдохнуть, да слышу — лисица крадется. Пришлось улетать скорей».

— А здесь прочти. Какие-то ямки глубокие. Видать, большой зверь писал.

— «Я, белка, на одной сосне шишки вылущила, а на другую не перепрыгнуть — далеко. Пришлось скоком через поляну мчаться, а снег рыхлый — по самое брюшко». — Скажи, пожалуйста... Такой малый зверь, а тоже... пишет. Хорошо, нам, медведям, грамота ни к чему. Мы в лесу хозяева.

— Ой, неверно говоришь, кум, неверно! Читать ты и впрямь не мастак, а писать можешь, да еще как! По-печатному!

— Что-то ты, рыжая, завралась!

— А ну-ка, оглянись.

— Ну и что? Вижу: мои следы — лапы, когти... Тьфу, и верно, как напечатано!

— Вот и почитай!

— Не пойму что-то...

— Слушай тогда: «Я, большой глупый медведь, нынче припоздал. Снегом меня и захватило. Иду к себе в берлогу. Не зевайте, охотники! Кто на мой след набредет, тот берлогу и найдет».

— Стой, кума! Куда ты? Убежала... Вот оказия. Как бы мне от этой грамоты убежать?...

— Совсем глупый медведь, — сказали мы. — В лесу живет, а лесной грамоты не знает.

— А вы знаете? — спросил дядя Леша.

— Нам труднее. Мы ведь в городе живем.

Дядя Леша подошел к столу. Он долго рисовал что-то на листке бумаги, а потом показал нам.

— Здесь нарисованы следы, которые можно увидеть и в городе. После свежего снега выйдите во двор, и вы обязательно найдете эти следы. Срисуйте их и догадайтесь, чьи они. Отгадку пришлите мне в редакцию. Отгадаете правильно — значит, освоили первую ступень лесной грамоты. А в следующий раз я вам настоящие лесные следы покажу...

**Ребята!
Хотите заниматься
в школе
следопытов?
Тогда присылайте
дяде Леше
свои отгадки!**

СИНЯЯ ПТИЦА

С. Дружинина

1.

В самом начале нашего века, когда даже автомобили были еще в диковинку, в маленькой стране Бельгии жил сказочник.

Добрými печальными глазами смотрел он на людей. Он видел, как безрадостна их жизнь и как сильны их руки. И ему хотелось сказать: «Не бойтесь! Пускайтесь смелее в путь, узнавайте правду, и тогда...»

И вот он написал пьесу — необыкновенную пьесу о том, как мальчик по имени Тильтиль отправился искать счастье.

Закончив работу, сказочник — его звали Метерлинк — отложил перо и задумался. Он глядел на исписанные страницы, и его охватывало беспокойство. Что станет с «Синей птицей» на сцене? Пьеса такая хрупкая и нежная, что одно грубое прикосновение — и сказка исчезнет, превратится в нелепый и смешной маскарад. Вместо ожившего Хлеба, друга Тильтиля, люди

увидят только актера в странном костюме, а вместо сверкающей Синей Птицы — обыкновенное чучело, покрашенное в синий цвет.

Только волшебник смог бы сделать так, чтобы зрители забыли о театре, об актерах и вдруг услышали, как бьется сердце маленького Тильтиля.

«Что за вздор!» — улыбнулся своим мыслям Метерлинк. Он то уж слишком хорошо знал, что волшебники бывают только в сказках.

2.

А между тем в России, в Москве, уже существовал театр, не похожий ни на один театр в мире.

Занавес в этом театре не поднимался, а раздвигался, словно открывались двери в огромный мир. И когда они закрывались вновь, люди, сидев-

шие в зале, плакали. «Спасибо вам!» — кричали люди актерам и уходили потрясенные, с горящими сердцами, узнавшие магическую силу великого искусства. «Мне даже жаль, что я живу не в Москве, так бы все и ходил в этот чудесный театр», — писал друзьям взволнованный Горький...

Волшебник был. В России, в Москве, жил удивительный человек — режиссер Константин Сергеевич Станиславский.

Это он еще в 1889 году собрал никому не известных актеров и создал театр, о котором очень скоро заговорили повсюду. Он воспитал замечательных артистов и вместе с ними боролся за то, чтобы на сцене царил подлинная жизнь, большие мысли и большие чувства.

С полуслова понял он «Синюю птицу», когда пьеса попала к нему в руки. И решил поставить ее в своем театре.

Сахар. Рисунок В. Е. Егорова к первой постановке „Синей птицы“

Невероятные приключения Тильтиля сперва немножко озадачили актеров. До сих пор они играли обыкновенных людей. Выходили на сцену и пили чай, слушали, как бьются капли осеннего дождя о стекло, и говорили о том, что в Африке, должно быть, сейчас жара... А теперь надо изображать живой Хлеб, бегающий Насморк, каких-то призраков. Занятие довольно странное!

3.

Только Станиславский ничему не удивлялся. Он любил оживлять на сцене самые удивительные мечты.

Станиславский был, помимо прочего, еще невероятным выдумщиком. Он умел устраивать самые удивительные трюки. В обыкновенных вещах он открывал волшебные свойства, и вещи становились его помощни-

ками. Для одного спектакля он сделал целый оркестр... из досок. Сначала шли большие доски, за ними все меньше и меньше, а потом совсем маленькие. По доскам ударяли палочками, и они издавали разные звуки. Только ударяли не как попало. Для необыкновенного оркестра были написаны специальные ноты. По этим нотам и играли на досках. Получался настоящий колокольный звон. Людям, сидевшим в зале, представлялось, что за сценой выстроили целую колокольню.

Как-то Станиславский взглянул на кусок черного бархата — и ахнул: ведь на черном не видно черного, и стоит затянуть сцену черным бархатом, как начнется сплошное колдовство! Актеры станут исчезать прямо наяву — надо только закрывать их другим куском бархата. Вещи начнут летать по воздуху, если их будут носить люди, одетые в тот же черный бархат. Вот как можно устроить все превращения в «Синей птице»!

Он уже представлял себе, как будут поражены зрители, когда на их глазах на том месте, где лежал обыкновенный каравай хлеба, вдруг появится живой Хлеб. А в Царстве Будущего, там, где живут души еще не родившихся людей, все увидят летающие... человеческие головы. Ни тела, ни рук, ни ног, — только одни головы.

Достали огромный кусок черного бархата. Закрыли им сцену.

Когда Станиславский увидел мечущиеся во тьме лица, увидел страшные черные тени, ему стало не по себе. Кругом мрак, темнота... Страшноватой получается сказка. Но, может быть, так и нужно? Может быть, так и задумывал ее Метерлинк?

Тем временем пришло письмо от Метерлинка. Сказочнику хотелось узнать, как поживает в Москве его «Синяя птица». И он пригласил Станиславского

приехать к нему. Метерлинк жил тогда во Франции, в маленьком местечке Сент-Вандриль, в шести часах езды от Парижа.

4.

...Поезд подходил к станции, и Станиславским овладело волнение. Он едет к знаменитому писателю! Было бы неплохо приготовить для встречи какую-нибудь очень умную фразу, — так он подумал. Сочинил пышное приветствие и, чтобы не забыть его, записал на манжете своей рубашки.

Поезд остановился. На перроне стояло несколько автомобилей, а около них толпились шоферы. Станиславский хотел подойти к ним, но он так был нагружен разными свертками с подарками, что просто не мог двинуться. Ужасные свертки все время норовили свалиться на землю. И каждый раз им это отлично удавалось. Положение было критическим. Вдруг Станиславский услышал, что кто-то из шоферов окликнул его. Он оглянулся и увидел коренастого красивого человека в простом сером пальто и форменной фуражке. Человек помог собрать беспокойные вещи, потом повел Станиславского к машине, усадил его рядом с собой. Машина заурчала, рванулась с места и помчалась. Она летела с бешеной скоростью. Шофер искусно лавировал среди ребятишек, игравших на пыльной деревенской дороге, лихо объезжал спокойно идущих людей и зазевавшихся кур. На повороте машина едва не налетела на какой-то экипаж, но шофер ловко свернул, не задев его. Разговаривать было невозможно. Лишь когда поехали тише, Станиславскому удалось, наконец, спросить, как поживает господин Метерлинк. «Метерлинк? — удивился человек в шоферской фуражке. — Я и есть Метерлинк!»

5.

Станиславский всплеснул руками, и оба громко расхохотались. Так и не пригодилось пышное приветствие, записанное на манжете!

Сказочник — за рулем автомобиля! Трудно было поверить, что человек, лихо ведущий машину, и есть тот самый Метерлинк, который пишет грустные, таинственные пьесы-сказки, похожие на загадочные сны.

Наконец подъехали к громадным воротам. Загремела щеколда, ворота растворились.

И тут выяснилось, что все-таки сказочник живет так, как и положено жить сказочникам. В древнем монастыре с гулкими каменными лестницами и сумеречными кельями вместо обыкновенных комнат.

Монастырь стоял прямо в лесу. Вековые деревья укрывали своими ветвями полуразрушенные храмы, подземные ходы, старинные плиты, поросшие мхом.

Ночью Станиславский долго не мог уснуть. Ему слышались какие-то шорохи, стоны, чьи-то приглушенные шаги, тяжелые вздохи. Где-то тревожно ухала сова, били башенные часы, а в углах копошились таинственные тени. Казалось, монастырь насеяли неведомые, призрачные существа. С первым лучом солнца они разбежались.

Днем хозяин сказочного царства удил рыбу, возился с машиной и показывал гостю свои владения.

А вечером в сумрачных кельях загорались свечи и два человека, сказочник и волшебник, разговаривали о жизни и об искусстве.

Станиславский рассказывал Метерлинку о будущем спектакле и играл подряд все роли из пьесы. Он был не только чудесным режиссером. Он был чудесным актером. Метерлинк смотрел на него и видел целый театр, видел своих героев, слы-

шал звонкий голос Тильтиля и сердитое ворчанье Пса. Ему чудилось, что Синяя Птица сейчас влетит в комнату и опустится ему на плечо.

А потом начинал говорить Метерлинк, и Станиславский слушал его восхищенные рассказы о том, как действует карбюратор и вращает колеса карданный вал, и видел, как загораются печальные глаза сказочника юношеским блеском, и все яснее становилось Константину Сергеевичу: нет, правильно он сделал, что все-таки отказался от декораций из черного бархата!

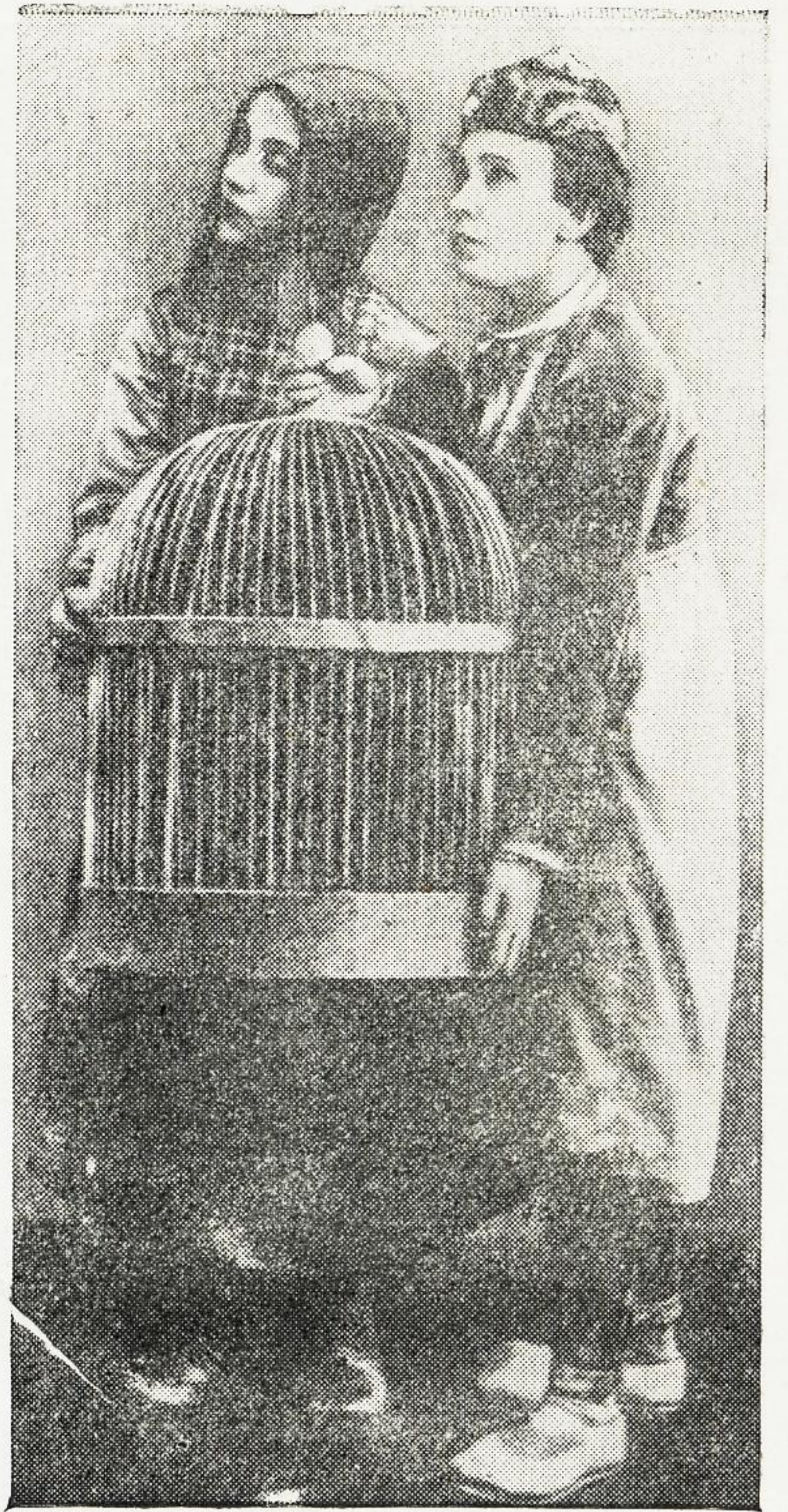
Сказка о Синей Птице грустна, но у нее — не в спектакле, так в жизни — еще будет хороший конец. Он, режиссер, обязан убедить в этом зрителей. Можно оставить мрачный черный бархат для сцен в Царстве Ночи, но в остальные сцены его незачем пускать...

6.

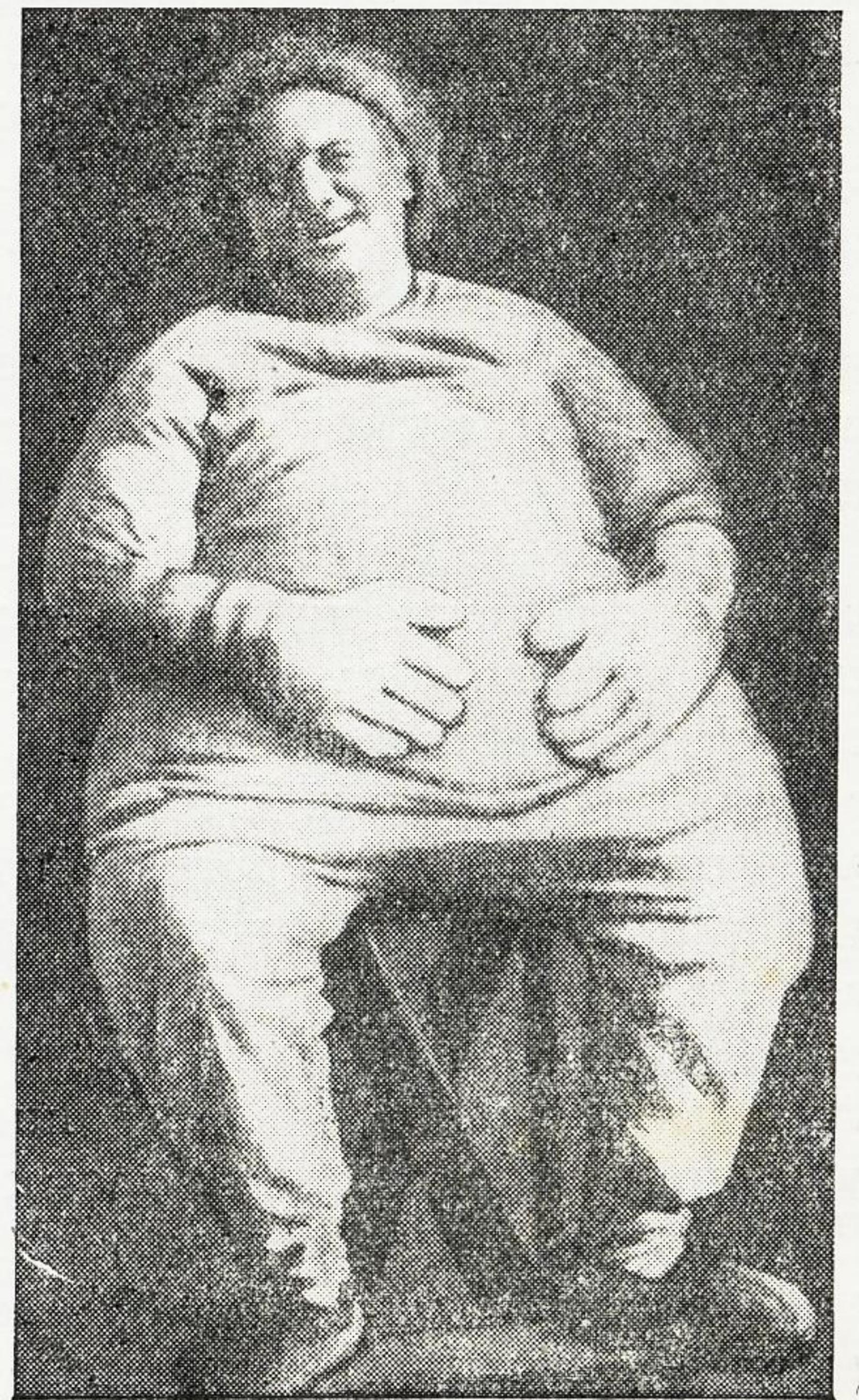
Наступил тот день — 30 сентября 1908 года, — когда в Москве, в Художественном театре, ожила сказка.

Тильтиль повернул колдовской алмаз, и бедная комната преобразилась. Стены, потолки, пол засверкали и заискрились миллионами огней. Из квашни вылез Хлеб — толстый, благодушный, весь круглый, обсыпанный мукой, с огромными руками, похожими на булки, и ржаными кустиками волос, торчащими из-под шапочки. Сахарная голова, завернутая в бумагу, зашевелилась и разорвала обертку. Из печки выскочил Огонь, прибежали Кошка и Пес, Молоко вышло из кувшина. И все отправились вместе с Тильтием искать Синюю Птицу.

Найти ее было нелегко. Звери и деревья яростно набрасывались на мальчика, Ночь пугала Тильтиля своими Ужасами и Призраками. В ее мрачном

Митиль — А. Коонен. Тильтиль — С. Халютинна. (МХАТ, 1908 год)

Хлеб — Н. Ф. Балиев. (МХАТ, 1908 год)

Константин Сергеевич Станиславский

царстве было темно и холодно, как в склепе. Рядом с этой высокой и гордой женщиной в развевающемся черном одеянии Тильтиль выглядел таким маленьким и беспомощным. Но он смело поднял голову и сказал Ночи: «Вы не имеете права отказывать Человеку... Я это знаю...» И Ночь склонилась перед ним, протянув ему заветные ключи.

Она думала, что Тильтиль испугается, когда из пещер выскочат худые, длинные, противные существа в лохмотьях, с корявыми руками. Она думала, что Тильтиль дрогнет, когда увидит мрачные и злые силы природы. А Тильтиль вдруг увидел, что все эти чудища не так страшны. Не страшны уже, например, многие Болезни. Вон как они присмирели, даже ноги еле волочат. Только Насморк — чихающий малыш в ночном халатике и домашних туфлях — еще держится бодро.

Просто потому, что люди не слишком жестоко преследуют его.

Но в мире есть еще много действительно страшного, злого, жестокого. Вот они, самые ужасные из Ужасов, — Войны. Как они начали ломиться в дверь, когда Тильтиль только чуть-чуть приоткрыл ее и заглянул в жуткую пещеру! Вдруг они сейчас выскочат на землю, к людям? Они бы и впрямь выскочили, если бы не налегли на дверь все разом — и Тильтиль, и сестренка его Митиль, и все их спутники.

7.

За счастье надо бороться. Все новые и новые враги поднимались на Тильтиля. Приятели

оказались ненадежными. Хлеб все время трясся от страха. Сахар старался улизнуть, завидев опасность, Кошка, хитрая и злая Кошка, подговаривала дровья и зверей убить мальчика. А бедный Тильтиль даже не догадывался об этом. Он еще не знал, как трудно отличить настоящего друга от того, кто лишь им прикидывается. И лживым словам Кошки он верил, и совсем напрасно обижал преданного Пса. Несчастный Пес! Он готов был умереть ради своего маленького хозяина. И даже не обижался, когда Тильтиль сердито стучал его по носу...

Иногда счастье становилось таким близким! Только протяни руку — и вот она, Синяя Птица! Но пойманные синие птицы становились красными, черными или умирали. И Тильтиль уже не плакал, хоть и было ему очень обидно и тяжело. Он уже понимал, как трудно выполнить

то, что ты задумал и к чему стремишься.

Ужасы тянулись к Тильтилю своими корявыми руками, синие птицы умирали... И все-таки Тильтиль нашел чудесную Синюю Птицу! Он узнал, что сильнее Человека нет никого. Он побывал в Царстве будущего и увидел замечательных людей, которые должны появиться на земле. Он видел того, кто изобретет самолет, того, кто сумеет продлить человеческую жизнь. И того будущего героя, который уничтожит на земле несправедливость.

И тогда Тильтиль вернулся домой, и дома ждала его та самая, настоящая Синяя Птица.

Правда, тут же случилась беда. Тильтиль открыл клетку. Синяя Птица вспорхнула и улетела.

Метерлинк всегда писал сказки с грустными концами...

Но закрылся занавес, а лица зрителей были веселыми, радостными. И немножко мечтательными. В их сердцах крепились светлые надежды, вера в счастье.

Синяя Птица не улетела. Она опустилась в зал. Ее подарил людям волшебник Станиславский.

***

Сегодня ему исполнилось бы сто лет. Он узнал бы, что люди стали могущественными хозяевами природы. Они покоряют просторы земли, ее реки, моря, леса и горы. Они покоряют небо. И каждый день смело отправляются в новый путь, чтобы вырвать у природы еще неизведанные тайны. И в дороге они с любовью вспоминают тех, кто прокладывал этот путь, — ученых, мыслителей, художников и поэтов, которые жили и работали во имя счастья человека. И театр, на сцене которого оживала сказка о Синей Птице, Московский Художественный театр имени Горького, — по-прежнему дорог им.

Рисунок на вклейке Т. Оболенской

„ПЛОМЫЧЕК“ — харцерский журнал. А харцеры — это польские пионеры.

PLOMYCZEK

Рис. Б. Зеленец

МОЙ КРАЙ

Есть страны, где сады обильней,
И много ярких автомобилей,
И булки больше, чем наши булки,
Как наши улицы, там переулки.

Есть страны больше, есть страны краше,
Но только лучше нам в крае нашем.
Мы всем желаем добра и мира,
Но нам лишь дома тепло и мило.

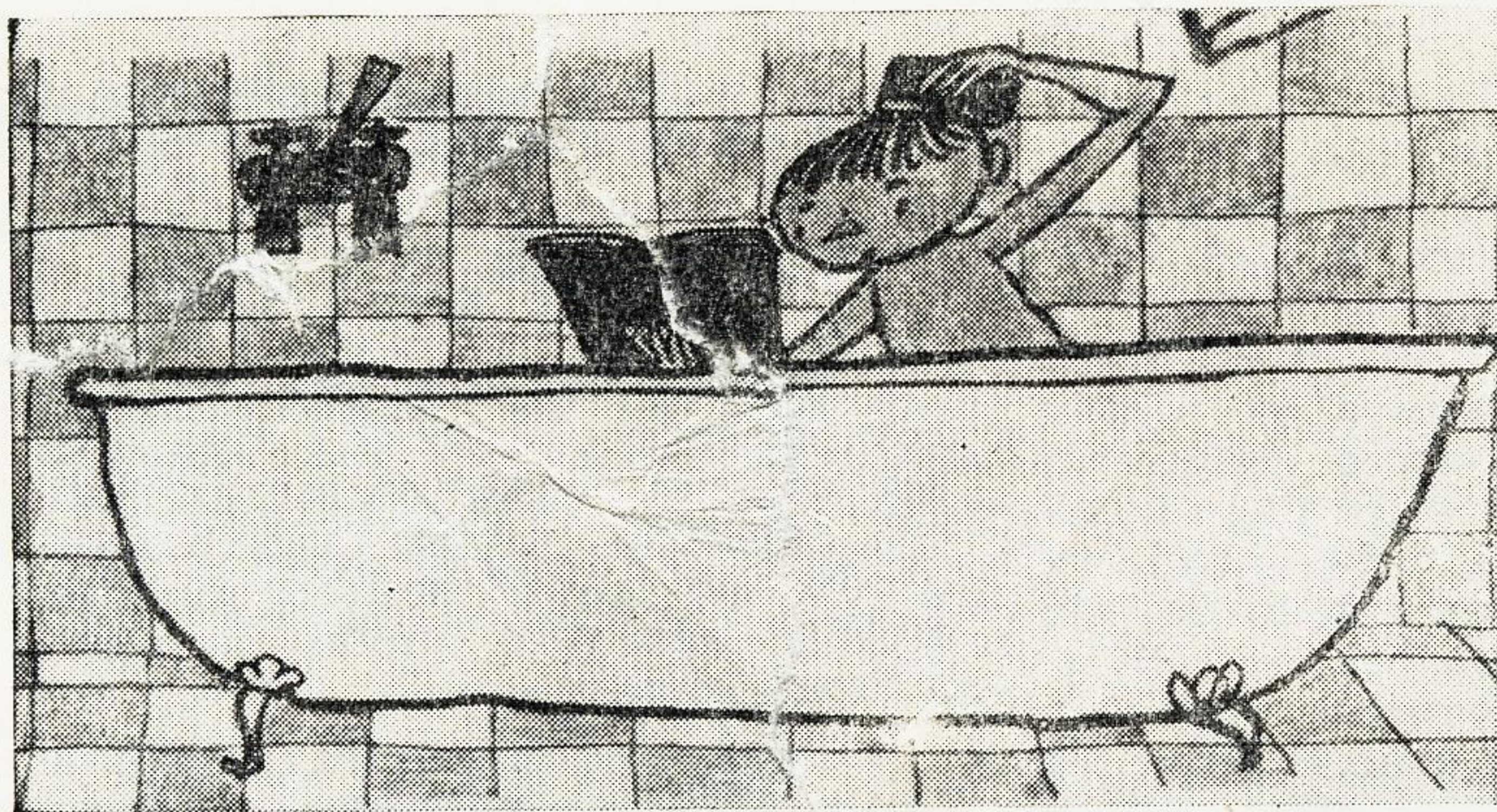
Пусть светит солнце разным странам,
А мы в отчизне трудиться станем,
И справедливым делиться хлебом
Под общей крышей — родимым небом.

Антони Слонимский

Это — „выцинанка“, вырезка из бумаги, изделие ребят ловичской школы.

КНИГА-МОЙ ДРУГ

Учительница сказала нам, что завтра праздник — День Книги. Это чтобы люди дружили с книгами. Чтобы были с ними неразлучны. И сразу же спросила, понимаем ли мы, что значит дружить с книгой.

Все закричали, что понимают, а я и Вацек громче всех. Вацек хотел меня перекричать. Он кричал, что он больше дружит с книгой. А я кричал, что я больше, и еще — что если бы дело было не в классе, я бы ему показал, только неохота получать замечание в дневник.

Учительница даже уши заткнула и велела нам сидеть тихо. Завтра, сказала она, мы побеседуем на тему «Книга — мой друг». Кто лучше всех расскажет о своей дружбе с книгой, получит приз — «Всадника без головы» с красивыми картинками.

Я сразу подумал, что неплохо бы получить этот приз. И когда мы возвращались домой, сказал Вацеку, что зря он так старался, все равно у него мало надежды получить награду.

— Побольше, чем у тебя, — сказал Вацек. — Кто еще так неразлучен с книгой, как я? Я ношу ее в ранце...

— Я тоже!

— И в парте у меня всегда книга лежит...

— И у меня!

— За обедом я сижу на восьмом томе энциклопедии, на самом толстом.

— Врешь!

— Приходи — увидишь, это книжка все время лежит на моем стуле.

— Подумаешь, — сказал я. — Сидеть на книжке — это еще не значит дружить с книжкой. Книжку надо всегда иметь перед глазами. Я даже за едой читаю, хотя мама и сердится.

— Врешь!

— А я докажу! Принесу тебе «Искателей кладов». Я на них борщ вылил. До сих пор очень хорошо видно.

— А я сплю с книгой под подушкой.

— Подумаешь! Это всем известно, что так надо делать, если не успел выучить уроки. Нечего тебе завтра сказать.

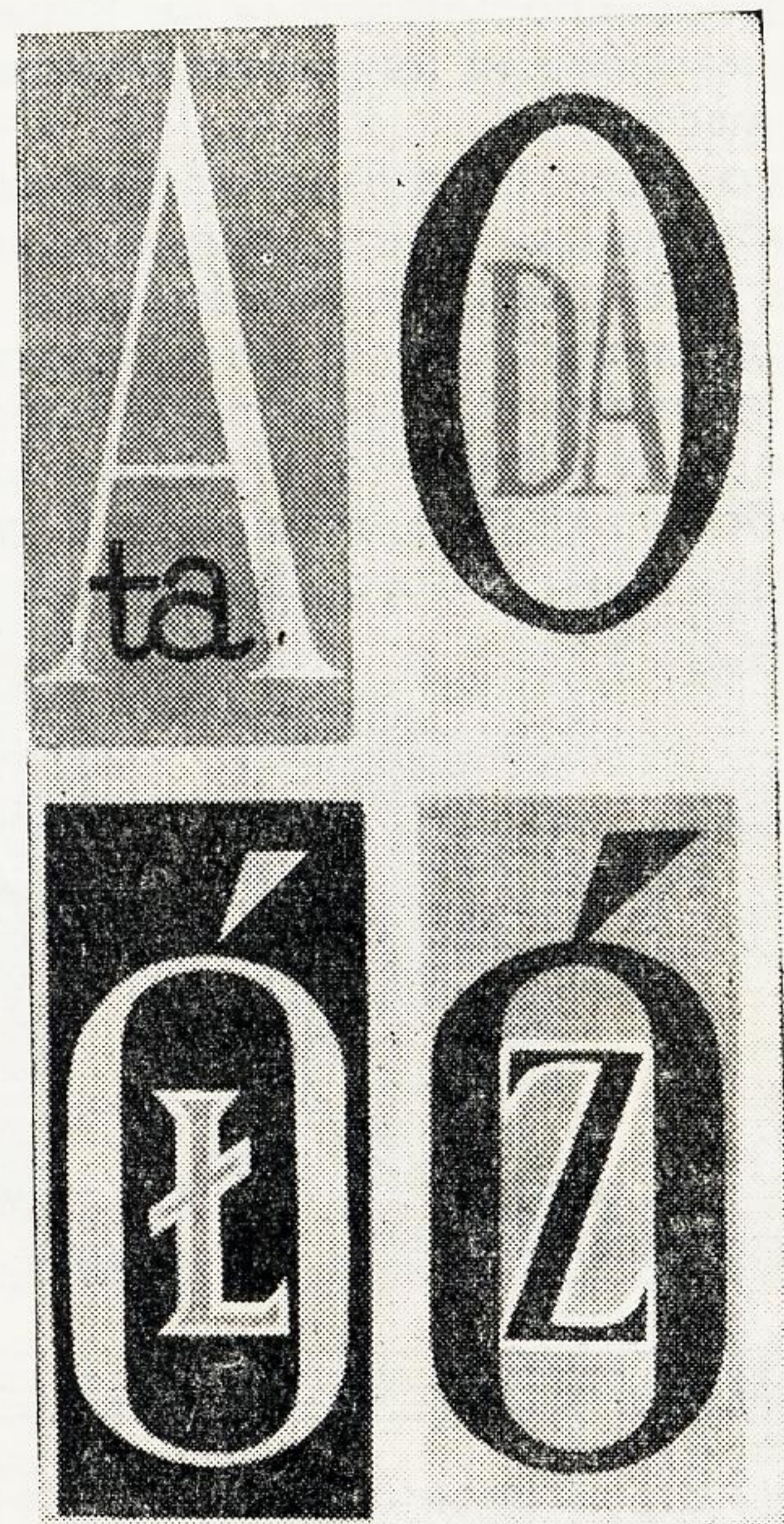
— А еще, — сказал Вацек, — а еще я в ванной читаю. Могу доказать. «Шведы-завоеватели» однажды упали у меня в воду и переплет расклеился.

— Ха! Я в парк с книжкой хожу!

— Сказать каждый может!

— А я и доказать могу. Вчера я там оставил под деревом «Робинзона» и забыл. Только утром вспомнил и забрал. А помнишь — ночью гроза была? Вот, гляди: весь «Робинзон» набух и обложка отклеивается!

* Вы не знаете польского? Не беда, научиться этому языку нетрудно — ведь польский и русский языки — родные братья. Вот, например, не-

* сколько польских ребусов — мы уверены, что вы сможете их решить, потому что зашифрованные в них польские слова очень похожи на наши русские.

* — Мама! У нас в классе пять новеньких!

„ПЛОМЫЧЕК“ У НАС В ГОСТЯХ

— Вот и попадет тебе за это в школе.
 — Не попадет. Он мой собственный.
 — Ну и что, что собственный. Ты враг книги.
 — Я враг?! А кто «Шведов» в ванну кинул?
 — Сами упали... А твой «Робинзон»...
 — Отцепись ты от моего «Робинзона», а то как дам сейчас этим «Робинзоном»?

Я замахнулся «Робинзоном», а Вацек схватился за него, а я потянул к себе, и книга разорвалась. Вацек увидел, что наделал, и удрал.

— Хорошо же, — подумал я про себя, — покажу утром в школе «Робинзона», пусть все посмотрят, какой из этого Вацека друг книжкам. Все узнают...

Награда досталась Зосе. Она просто показала свой библиотечный абонемент, в котором было записано за этот год тридцать книжек. Вот это придумала! А мне так хотелось получить «Всадника без головы»! Я еще вчера договорился с одним парнем из пятого «б» обменять его на билет в кино.

Ганна Ожоговская
 Рисунок З. Пиотровского

ПИОНЕРСКИЙ КОРАБЛЬ

Музыка Марии Сметкевич
 Слова Марии Терликовской

Ни зо-ста-не ма-ри-на-жем   Пе-цух а-ни тхуж!   Вы-ста-
 Вь-ет-ся ве-се-ло на ре-е   Крас-но-бе-лый фла-г.   Стой сме-
 У-пра-влять у-ме-ем са-ми   Нашим ко-ра-блем,   Нашей

-вя-ме шмя-ло тва-же   На спот-канье буж.   Плы
 - по-й бо-дре-е   Мо-ло-дой мо-ряк!   Бьет в ли-
 -лой с па-ру-са-ми.   С ма-чтой и ру-лем.

со-бе, «Дар По-мо-жа»,   Шве-ти му ве-чо-рна зо-жа,
 -до со-ле-ный -тер.   Со-инце ла-ско-во-е све-тит.

В жа-гле дму-   -ны вятр,   Да-лей да-лей, в швят.
 ле-тим   весь о-пор   На мо-рской про-стор.

Вьется весело на рее
 Красно-белый флаг.
 Стой смелее, пой бодрее,
 Молодой моряк!

Припев:

Бьет в лицо соленый ветер,
 Солнце ласковое светит.
 Мы летим во весь опор
 На морской простор.

Управлять умеем сами
 Нашим кораблем,

Нашей школой с парусами,
 С мачтой и рулем.

Припев

Ни зостане маринажем
 Пецух ани тхуж!
 Выставляем шмяло тваже
 На спотканье буж.

Припев

Плыне себе «Дар Поможа»,
 Швети му вечорна зожа,
 В жагле двуха слоны вятр,
 Дале, дале, в швят.

РАССКАЗ

В. Рич, М. Черненко

С тех пор, как люди впервые увидели сверкающий алмаз, с этим камнем связано множество всяких историй, большей частью невеселых — о том, как кто-то кого-то обманул, ограбил или убил, чтобы завладеть драгоценностью.

Но уже в давние времена были люди, которые отличались не алчностью, а глубоким интересом к тайнам природы. Они пытались понять, из чего состоит алмаз, почему он такой твердый и такой красивый. Рассказывают, например, что триста лет назад два флорентийских академика пытались расплавить этот неподатливый камень. Они взяли очень большое увеличительное стекло и, собрав им солнечные лучи, направили их на алмаз. К величайшему удивлению академиков, вместо того, чтобы расплавиться, алмаз... исчез.

Сэр Гемфри разгадывает тайну

В залах флорентийской академии Дель Чименто хранятся рукописи самого Галилео Галилея. И знаменитый телескоп, которым он открыл спутников Юпитера.

Здесь ставил опыты, которые до сих пор повторяют во всех школах, ученик Галилея — Торичелли.

Но потом здесь стало тихо. Научная работа заглохла. Книги и приборы пылились на полках.

В один прекрасный весенний день 1813 года тишина пустынных залов была нарушена. В академию прибыл блистательный член Лондонского Королевского общества сэр Гемфри Дэви.

И вот из пыльных шкафов извлекают огромные старые колбы итальянских мастеров-стеклодувов. Из закоулков многоуважаемых академических шкафов появляется «зажигательный прибор» — увеличительное стекло величиной с тарелку.

Сэр Гемфри и его секретарь Майкл Фарадей устанавливают «зажигательный прибор» на площадке перед дворцом, где по преданию когда-то в лучах солнца, собранных увеличительным стеклом, исчез алмаз.

Наглухо запаянная колба наполнена чистым кислородом — Дэви уже

ПРО АЛМАЗЫ

Рисунки А. Овсянникова

умел добывать его, разлагая воду. Внутри на платиновой подставке укреплен бриллиант. Фарадей наводит на него зажигательное стекло, — и вскоре над сверкающим камнем по-

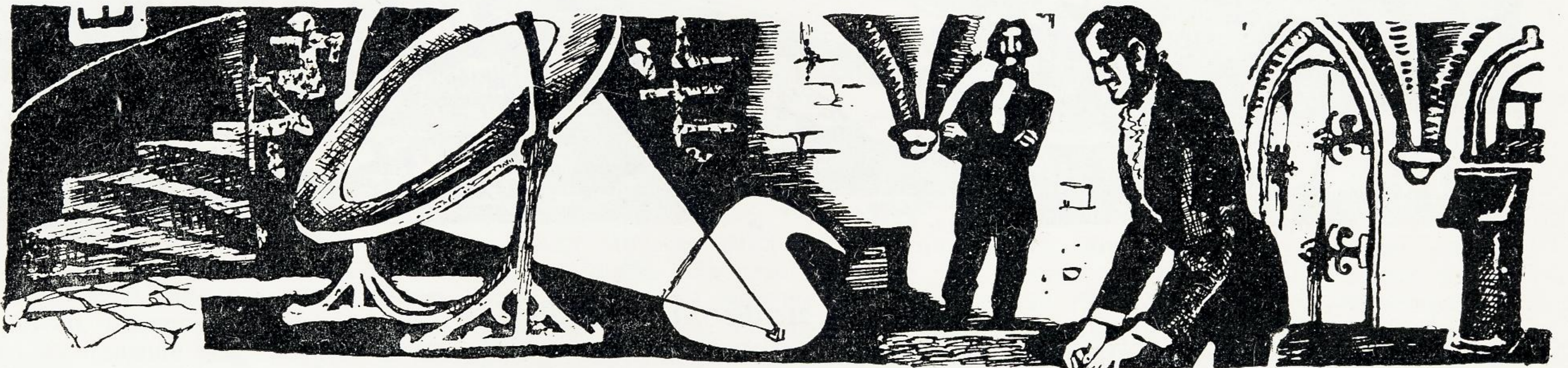
казывается дымок. Старинное стекло греет все сильнее и сильнее. Колбу приходится отставить в сторону — она грозит расплавиться.

Потом Фарадей снова ставит ее прямо в фокус линзы. Минута — и алмаз внутри колбы вспыхивает — и пропадает. В реторте ничего нет, кроме углекислого газа. Газ весит как раз столько, сколько весили вместе находившиеся в ней до начала

опыта кислород и алмаз — «исчезнувший» камень.

Закон сохранения вещества был открыт уже шестьдесят лет назад Ломоносовым, и сэр Гемфри, верящий в результат опыта, каким бы невероятным он ни казался, выписывает благородному камню паспорт простолюдина:

«Алмаз есть чистый углерод и ничего более».

Кристаллы из «пирогонона»

Первым сделал практический вывод из опытов Дэви русский дворянин Василий Назарович Каразин.

Это был поистине удивительный человек. Он осмелился обратиться к Александру I с письмом, в котором призывал царя отказаться от роскоши, ограничить свою личную власть и дать народу образование.

Каразину не простили бунтарства... И вот он вынужден уехать из Харькова в свое имение. Здесь Василий Назарович учит крестьян и проделывает бесчисленные опыты. Изучая «сжигание угля с расчетом», Каразин получает вещество, которое он нарекает «пирогононом». От греческого «пирос» — огонь. Оно действует, как бальзам древних египтян, спасает от разрушительного тления.

То были годы, когда в России становилось все больше фабрик. Все больше нужно было железа и других металлов. Все больше людей обращает свои взоры к замечательной кладовой подземных богатств — Уралу.

...В летний день 1829 года на далекий уральский прииск приехал из Петербурга хозяин — граф Полье. И с ним его новый управляющий — минералог Шмидт.

Только собрались Полье и Шмидт ехать «в завод», как в дверь постучался смотритель:

— Извольте поглядеть, ваше сиятельство, — и протянул хозяину маленький камешек.

Граф повертел в пальцах находку и, не видя в ней ничего особенного, отдал ее своему спутнику. А сам строго посмотрел на приказчика:

— Что это у тебя и откуда взялось?

Приказчик поклонился.

— Пашка, Попов сын, мальчонка с Никольской деревни нашел. Таких камней у нас ранее не видано. Вот и надумал я...

Шмидту не надо было долго рассматривать этот камень — он не зря учился в Горной академии. С первого взгляда он понял, что это — алмаз. Первый в России.

О находке скоро узнал немецкий ученый и путешественник Александр Гумбольдт, совершавший поездку по

России. В это время Гумбольдт находился поблизости. Узнав о находке, он на перекладных помчался в завод графа Полье. И оттуда с первым уральским алмазом — в столицу.

Бал по случаю приезда знаменитого путешественника в Москву был в разгаре, когда к Гумбольдту подошел высокий черноволосый человек:

— Осмелюсь просить принять сей скромный дар в знак моего глубочайшего почтения!

Гумбольдт удивленно поднял брови. В бархатной коробочке сидела... лягушка. Казалось, она замерла на мгновение и сейчас прыгнет на пол и начнет квакать.

Недоумевая, ученый поднес подарок к глазам. Как можно было сделать чучело так искусно, не повредив тончайшей шкурки?

Вероятно, Гумбольдт удивился бы еще больше, если бы узнал, что лягушачья кожа пропитана веществом,

накаляя которое «до белого жару», опальный просветитель — это был Каразин — получил кристаллы...

Впрочем, предоставим слово современнику Каразина, профессору химии Сухомлинову. Кристаллы были слишком малы, чтобы он мог исследовать их по-настоящему. Но, измерив их вес и установив необычную твердость, профессор объявил:

«Сии кристаллы я почитаю походящими ближе к алмазу...»

Алмаз падает с неба

Шли годы. Алмазы становились все нужнее. Был изобретен первый алмазный буровой станок — оказалось, что он сверлит лучше любого другого... Были изобретены алмазные резцы и шлифовальные круги — оказалось, что они режут и шлифуют лучше любых других.

Одним словом, алмазы стали нужны не для украшений, а для дела.

Открытие великолепных алмазов в Африке вызвало огромный интерес промышленников. Но были люди, которых гораздо более изумила другая находка. В России, в Краснослобод-

ском уезде упал метеорит. Обыкновенный железный метеорит. Два исследователя — Ерофеев и Лачинов обнаружили в бесформенном куске железа какие-то крупинки. Их взвешивали на точных весах, опускали в спирт и в воду, в хлороформ и в серную кислоту. Царапали ими соль и стекло, горный хрусталь и рубины. И убедились — это алмазы!

Но если в крохотном метеорите нашлось несколько драгоценных крупинок — то почему бы не поискать в метеоритах покрупнее и алмазы побольше?

И вот предприимчивые искатели наводнили Каньон Дьявола — там, в Америке, в Аризонской пустыне упал гигантский метеорит.

Бриллиантов для королевских корон в Каньоне Дьявола не обнаружили. Но несколько мельчайших крупинок, таких же, как у Ерофеева и Лачинова, нашли.

Если в двух разных метеоритах находят одно и то же вещество, то это — закономерность. А каждой закономерности можно найти объяснение.

Бомба в лохани

Давай договоримся, что ты не станешь повторять опыт Анри Муассана! Маловероятно, что тебе повезет точно так же, как ему. Ты разобьешь

очки, спалишь одежду и поранишь руки.

...После того как раскаленные капли железа брызнули из лохани, по-

хожее на взрыв извержение пара прекратилось, и Муассан потушил тлеющую на нем рубаху, он достал со дна лохани спекшийся бесформенный

слиток и стал колдовать над ним.

Это было в 1893 году. Бывший аптекарский ученик, бывший лаборант, а ныне профессор химии в Высшей фармацевтической школе в Париже не любил сложных и дорогих аппаратов. Но зато умел думать!

Муассан твердо знал три факта, установленных его предшественниками.

Первый. Чистый уголь, графит, алмаз — это химически одно и то же — углерод.

Второй. Удельный вес угля — 1,3, графита — 2,2, алмаза — 3,5. Значит, в графите углерод сжат сильнее, чем в угле, а в алмазе сильнее, чем в графите.

Третий. Жидкое железо растворяет углерод. Но только немного, всего 4—5%. Если углерода больше, то лишнее выделяется при застывании чугуна в виде зернышек графита...

Но ведь если в обыкновенной чугунной болванке из углерода получается графит, а в железном метеорите откуда-то берется алмаз, то это означает... Это означает, что в метеорите было, наверное, посильнее давление, да повыше температура! Углерод был сдавлен сильнее и стал кристаллом с большим удельным весом.

И Муассан решил повторить то, что делает природа.

Он сжигает сахар и получает «сахарный уголь» — почти чистый углерод. Он плавит железо в электрической печи, которую сам изобрел, и растворяет в нем углерод.

Но как заставить расплавленный металл сжиматься? Очень просто! Чугун уменьшает свой объем при затвердевании. Литейщики называют это усадкой. Значит, надо быстро охладить «каплю» расплавленного металла, перенасыщенного углеродом, так, чтобы она мгновенно затвердела снаружи. Тогда чугунная «корка» с огромной силой сожмет расплав, еще не успевший застыть.

Пока в печи кипит чугун, Анри Муассан готовит «аппаратуру» для его охлаждения. Посередине комнаты на табурете появляется уже знакомая нам лохань с водой...

То, что осталось на дне лохани, Муассан опустил в крепкую кислоту. Через несколько дней осадок растворился целиком.

Тогда Муассан стал изучать содержимое колбы. На самом дне ее оказалась крупинка меньше миллиметра в поперечнике. С замиранием сердца ученый опустил эту крупинку в тетрабромацетилен — бурую жидкость втрое тяжелее воды. Крупинка по-

шла на дно. Муассан определил удельный вес крупинки: 3,5 — удельный вес алмаза!

Тогда он поместил кристаллик в колбу с кислородом и накалил. Кристаллик сгорел.

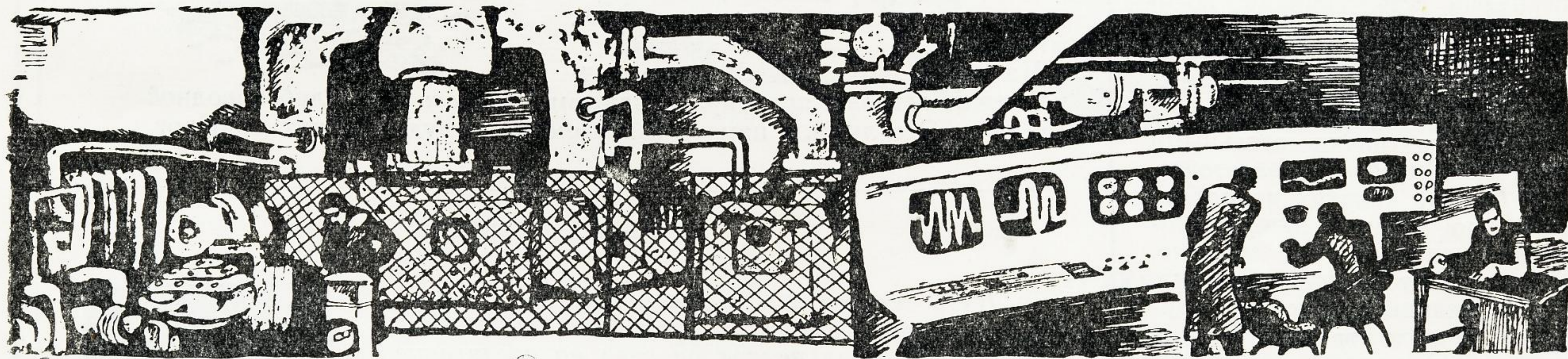
В сохранившихся записях об этом опыте значится, что в колбе образовалось немного углекислого газа, как и в опыте Дэви. И еще — совсем немного какой-то примеси.

Впрочем, если бы и не это честное примечание, результат Муассанова анализа нельзя было бы считать окончательным и достоверным. Семьдесят лет назад еще не было способа точно определить химический состав пробы, размер которой до сжигания был меньше булавочной головки.

Несохранившиеся крупинки могли быть карбидами, а не только алмазами. Карбиды тоже очень твердые вещества. Но это не чистый углерод, а его соединения с каким-либо металлом.

Однако главное — не в том, получил Муассан алмазы или не получил. На дне его лохани ученые прочли ответ на вопрос: как сделать алмаз. Он гласил: воспроизвести природные условия рождения алмаза — высокую температуру и колоссальные давления.

Какие именно? Этому Анри Муассан еще не знал.

Какие именно

Это узнали много лет спустя советский физик Лейпунский, английский — Холл, немецкий — Нойхауз. Причем узнали они обо всем этом на... бумаге. Как?

Они построили «диаграмму состояния углерода».

Похожая диаграмма существует для таких простых вещей, как лед, вода и пар. Рассматривая ее, можно узнать, что при температуре ниже нуля вода вовсе не всегда превращается в твердое тело, а будучи нагрета до 100° не обязательно кипит. Высоко в горах, где воздух разрежен, или в глубокой шахте, где он плотнее, чем на поверхности, можно

убедиться, что это правда. На вершине Эльбруса вода кипит не при 100°, а при 85°. Мы не вспоминаем об этой особенности простой воды только потому, что привыкли в обыденной жизни к постоянству давления.

А углерод гораздо капризнее воды. Почти при одних и тех же условиях его атомы могут «сложиться» и в графит, и в алмаз, причем, словно назло человеку, легче — в графит.

Когда после множества опытов, расчетов и ошибок физики убедились в правильности «диаграммы состояния углерода», они поняли вот что.

Ни Каразин, ни даже Муассан и его многочисленные подражатели не могли получить настоящие алмазы. Во-первых, нужна была температура в две-три тысячи градусов. Во-вторых, — давление! Давление в муассановой чугунной капле не могло превышать несколько десятков атмосфер. А для того, чтобы атомы углерода сложились в алмаз, нужны десятки тысяч атмосфер.

Всего пятнадцать лет назад профессор Овсей Ильич Лейпунский написал:

«Достичь 60 000 атмосфер давления при температуре 2000 градусов пока что технически невозможно».

Как сделать алмаз

Если ты мечтаешь получить алмаз, возьми кусок графита. Изготовь из него стерженьки, вроде карандашного грифеля. Потом возьми кусок никеля и сделай из него такие же стерженьки. Сложи графитные и никелевые стерженьки вместе, засунь их в пресс, сожми с силой... сто тысяч атмосфер. Нагрей их — в то же самое время! — электрическим током до двух-трех тысяч градусов. В тонкой пленке между расплавшимся никелем и графитом появятся первые кристаллики алмаза!

Зачем нужен никель? Без него своенравный углерод никак не желает становиться алмазом. Вместо никеля можно взять хром, марганец, кобальт, платину, даже железо. Любопытно, что как раз эти металлы имеются в железных метеоритах.

Гораздо труднее сделать пресс для сжатия графитных и никелевых стерженьков.

Еще несколько лет назад не существовало материалов, способных выдерживать такое чудовищное давление при такой колоссальной температуре. Теперь они есть. Поршни, которые давят на стерженьки, сделаны из карбидов. Цилиндр, в котором ходят поршни, — тоже из карбидов, да вдобавок его еще стягивают стальными обручами, чтоб не разлетелся.

А больше никаких подробностей про машину для изготовления алмазов не известно. Пока это техническая тайна.

Американцы, которые первыми сделали такую машину, засекретили ее конструкцию. Уж очень не хотелось американским капиталистам, чтобы у нас были свои алмазы, чтобы мы могли быстрее строить станки, корабли, самолеты, быстрее врезаться в недра земли в поисках нефти, угля, металлов.

Но советские геологи открыли в Якутии богатейшие алмазные трубки. А вслед за тем совсем недавно, в начале 1962 года, президент Академии наук Мстислав Всеволодович Келдыш объявил на весь мир:

«Наши ученые создали искусственные алмазы».

Эти слова — самый короткий и самый лучший рассказ про алмаз.

ЧТО?

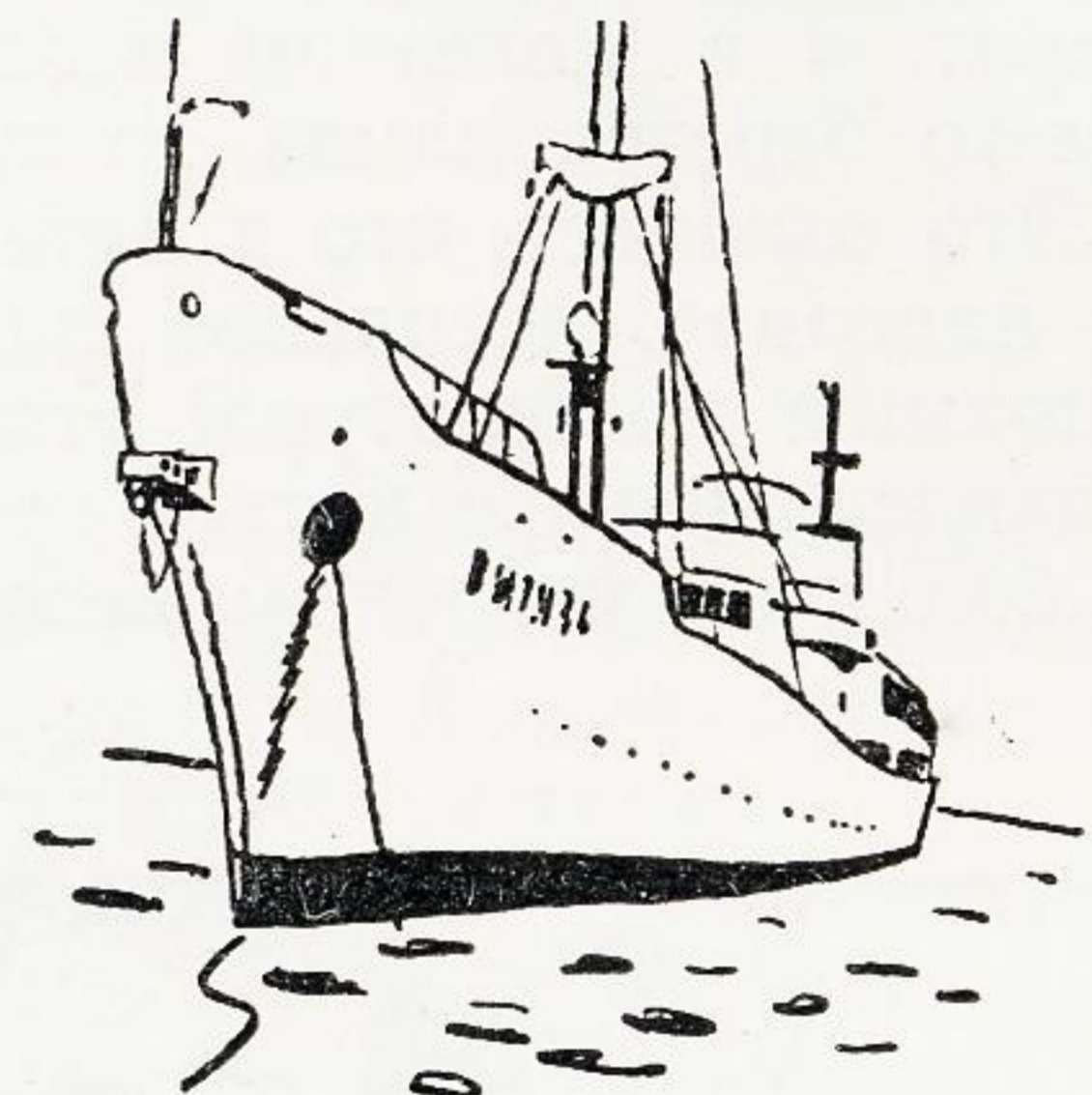
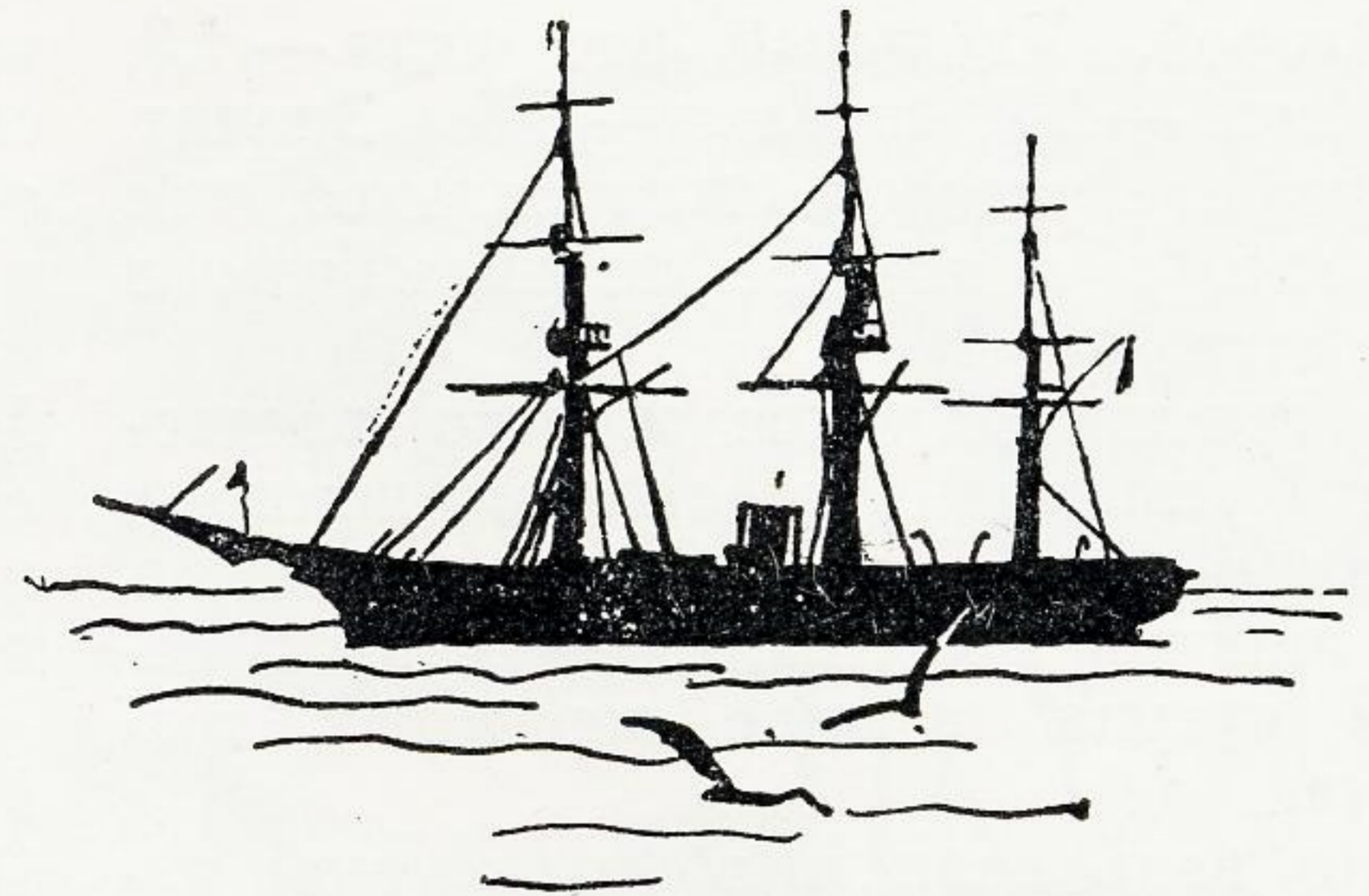
Их было три, три «Витязя», три славных корабля-труженика.

«Витязь» первый — корвет русского военного флота в семидесятых годах прошлого века совершил кругосветное плавание. Именно на этом судне знаменитый русский ученый — путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай прибыл к берегам Новой Гвинеи, чтобы поселиться там среди папуасов.

На «Витязе» втором, тоже военном корвете, замечательный ученый моряк С. О. Макаров во время кругосветного плавания в 1886—1889 годах изучал Тихий океан. О своих трудах и плавании адмирал Макаров рассказал в книге «Витязь» и «Тихий океан».

Третий «Витязь» — советское исследовательское судно, корабль-лаборатория. За десять лет его плавания учеными сделано много ценных научных открытий. Вблизи экватора в Тихом океане обнаружена глубоководная впадина, на карты нанесены новые подводные хребты, горы, изучены новые виды рыб и даже открыт новый тип беспозвоночных животных.

На карте мира имя «Витязь» принадлежит острову, проливу, подводным хребту и пику, глубоководной впадине. Это лучшая память о неутомимом труде русских моряков.

РУЧНЫЕ ВОЛКИ

Пять желтоглазых страшилищ воспитывает профессор Чикагского университета доктор Гинсбург. Этих волков он взял на воспитание щенками. Теперь они так сильны, что могли бы убить лося, а между тем — прирученные — спокойно играют с маленькой дочкой профессора.

Профессор прямо в клетке изучает повадки волков. А для того, чтобы легче было приручить этих животных, к ним в клетки провели трансляцию. Установлено, что высокие резкие звуки раздражают волков, а спокойная классическая музыка успокаивает.

Так выглядит обычное утреннее приветствие профессора и его питомцев.

У каждой цапли есть своя пудреница. Мельчайшие роговые пластинки похожи на пудру. Цапли чистят этой пудрой перо и тем самым предохраняют его от намокания.

Есть деревья, в которых древоточцы прогрызают множество дырочек. Когда дует ветер, каждое дерево звучит, как флейта, а вся роща — как духовой оркестр.

КОГДА?

АВАРИИ БЕЗ УВЕЧИЙ

На счету механика Эрни Клеммонса более двухсот автомобильных аварий и... ни одного синяка, ни одной царапины.

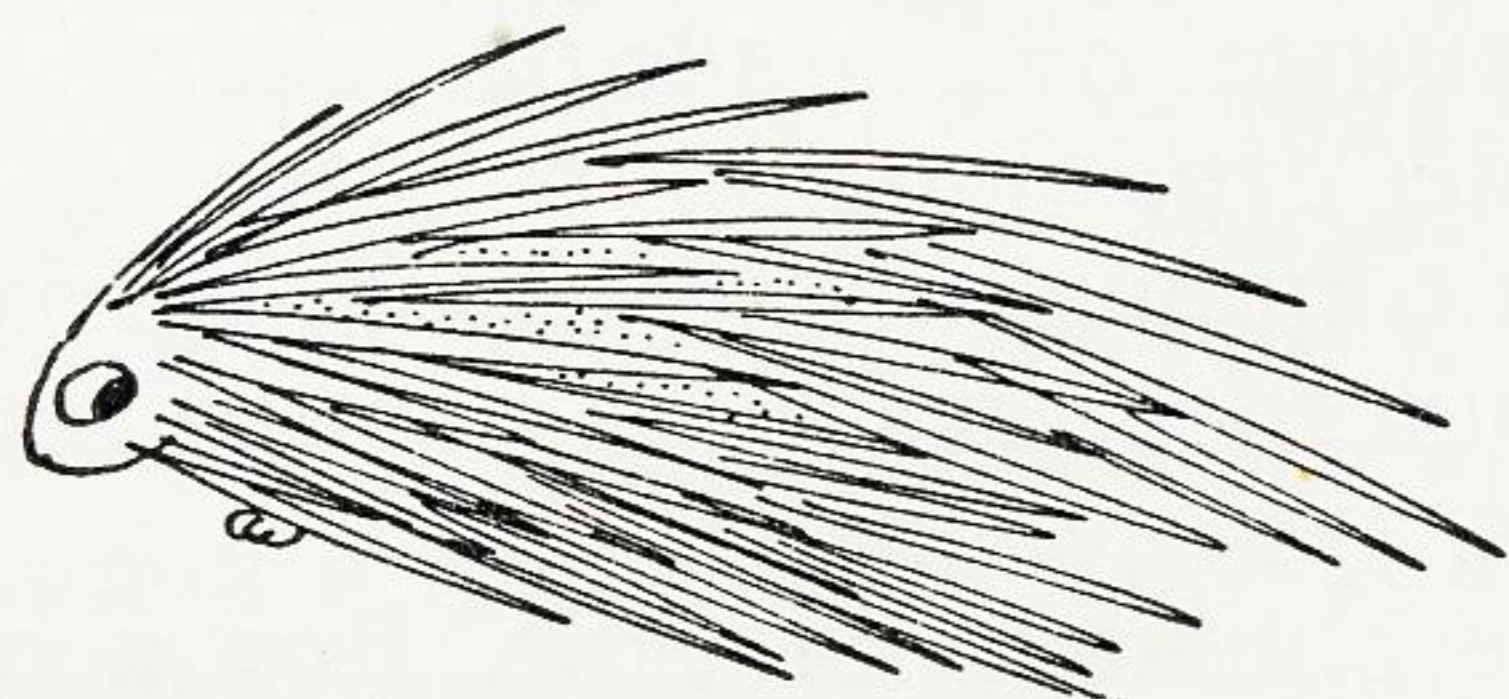
Что же спасало удачливого автомобилиста от увечий в тот миг, когда его машина на скорости в 70—80 километров в час сталкивалась с другой машиной?

Особое гидравлическое устройство. Приходя в действие в момент столкновения, оно смягчает силу удара, заставляет сидение скользить вперед по салазкам и приподнимает его вверх. Таким образом водитель не может удариться о руль, ветровое стекло или щиток с приборами, не может вылететь из машины.

Разумеется, эти аварии не случайны: так специалисты изучают последствия автомобильных катастроф.

У КОГО ЧЕГО СКОЛЬКО?

**Дикобраз имеет 30 000 иголок.
Воробей — 2551 перо, жаворонок —
4496, утка — 1491 609 перьев.**

Считается, что самые зубатые животные — акулы и крокодилы. Но у акул и крокодилов всего по несколько десятков зубов, а вот у американской садовой улитки их 14 175. Сорок пять рядов по сто пять зубов в каждом ряду.

УДИВИТЕЛЬНАЯ УДОЧКА

Какая удивительная удочка, скажете вы. Однако это не удочка, а животное, притом редчайшее, известное науке всего по нескольким экземплярам. Настоящее имя его — морское перо или умбелла.

Профессор И. Ермолаев рассказал:

— Мне посчастливилось поднять морское перо со дна Атлантического океана с глубины 3500 метров. Оно похоже на «копье», воткнутое в грунт. На другом конце «копья» висит большая «тарелка», окруженная щупальцами — «руками».

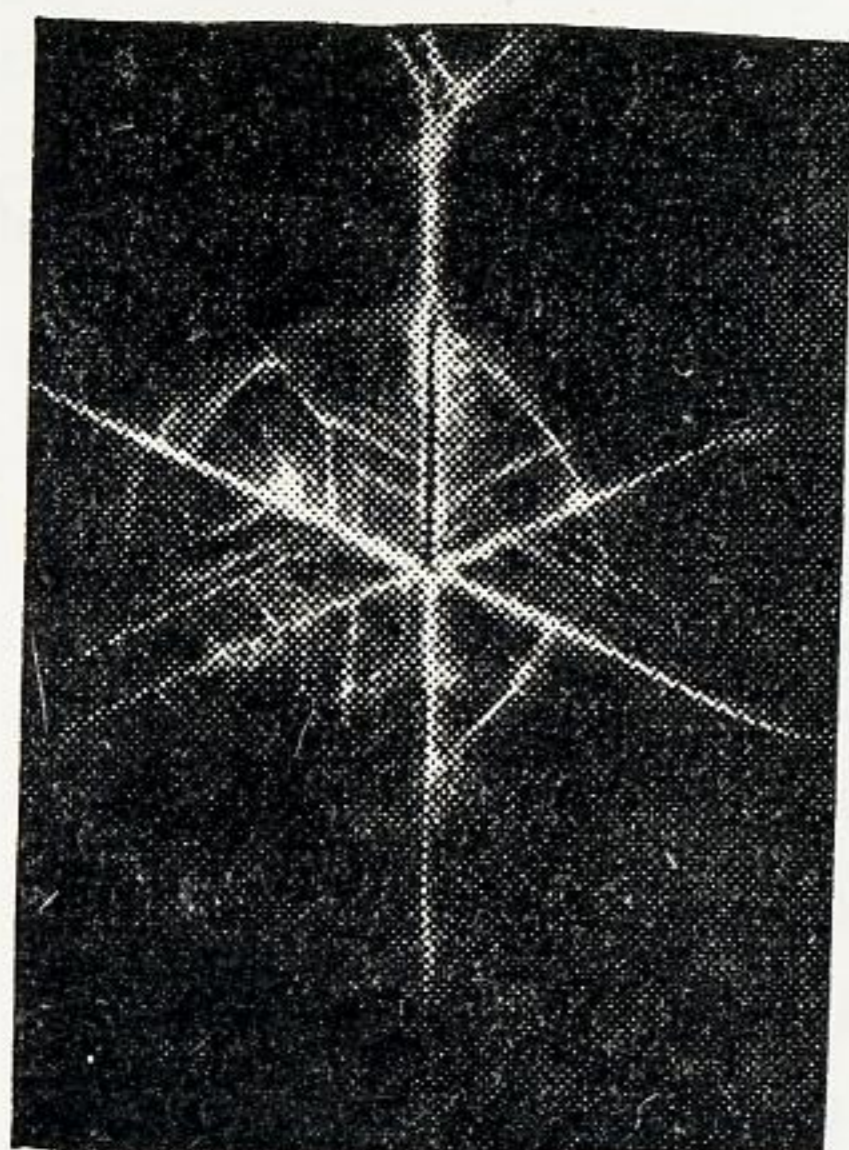
Легкое постукивание по «копью» вызывает его яркое свечение в темноте, светится и «тарелка». Руки же остаются темными.

Представьте себе непроницаемый мрак холодной морской пучины, среди которого трепещет и манит рыб это синее пламя. Глубоководные рыбы не замечают темных ветвящихся рук, которые схватывают добычу.

Название слюды — мусковит — возникло несколько веков назад, когда в Европу из России — «Московии» привозили пластины светлой и прозрачной слюды. В те давние времена настоящее стекло было большой редкостью и стоило дорого, а в окна вместо стекол вставляли слюду.

Казалось, век слюды прошел, когда люди научились делать стекло быстро и дешево. Но нет, слюда понадобилась электротехникам: ведь она почти не пропускает электрический ток. Тоненькая слюдяная пластинка выдерживает напряжение в триста тысяч вольт. Ни одна электрическая машина не может обойтись без слюды-изолятора.

Есть и еще одна область применения мусковита — из него делают светло-серебристый елочный блеск, похожий на искристый снег. На тонкой пластине мусковита возникает четкая шестилучевая звездочка, если ударить по слюде чем-нибудь острым.

ТРАУЛЕР-АВТОМАТ

Пока можно только смотреть расчеты и рисунки, слушать рассказы авторов-инженеров института «Гипрорыбфлот» о том, каким оно будет, будущее рыболовное судно.

Капитаном траулера станет электронно-вычислительная машина. Она сможет управлять движением судна, находить выгодные места лова, обрабатывать и замораживать рыбу. Вернее, она будет «приказывать» своим помощникам — машинам выполнять эти операции.

Конечно, автоматы не обойдутся без людей. Только и штурман-оператор, и штурман-наладчик, и оператор-энергетик должны быть людьми с высшим образованием, чтобы автоматы подчинялись им беспрекословно.

Прежде чем выйти на самостоятельный лов, траулер-автомат пойдет на «выучку» к людям. Электронный «мозг» машины запомнит действия двух опытных капитанов, которые будут работать на этом судне посменно. И только после этого машина сможет взять бразды правления в свои руки.

РЯДОМ ПАУСТОВСКИЙ

Глеб Горьшин

Когда я учился в школе, я старался выполнять два неперенные правила: во-первых, читал вслух книги, едва оставался один, а во-вторых, записывал в тетрадь ежедневные мои события, обиды, радости и мысли. То есть, я вел дневник. Чтение вслух должно было развить мою устную речь, ораторские способности. А ведение дневника помогало мне разглядывать мою жизнь как бы со стороны. Если со мной происходило что-нибудь обидное, я горевал и злился, но стоило лишь все записать в дневник, и становилось лучше, будто обида уже не моя, можно прочесть и посмеяться.

Я иногда разбираю и прочитываю наново дневники пионерского возраста. Мне хорошо видеть, как от тетради к тетради точнее и легче ходило по бумаге мое перо. Я не думал,

конечно, тогда, что мне в будущем посчастливится самому написать книги для людей. Зато сегодня я знаю точно, что не стал бы писателем, не будь у меня в шкафу этих тетрадок, этих строчек, выведенных валким детским почерком.

В мои школьные годы обучение было раздельное, знакомых девочек почти что и не было, а знакомиться с ученицами из соседней школы на совместных вечерах было довольно-таки трудно и страшно.

Так что приходилось уговаривать себя на страницах дневника, а также бичевать за непростительную трусость. На это ушло много страниц. И всяких иных неудовольствий перепадало достаточно...

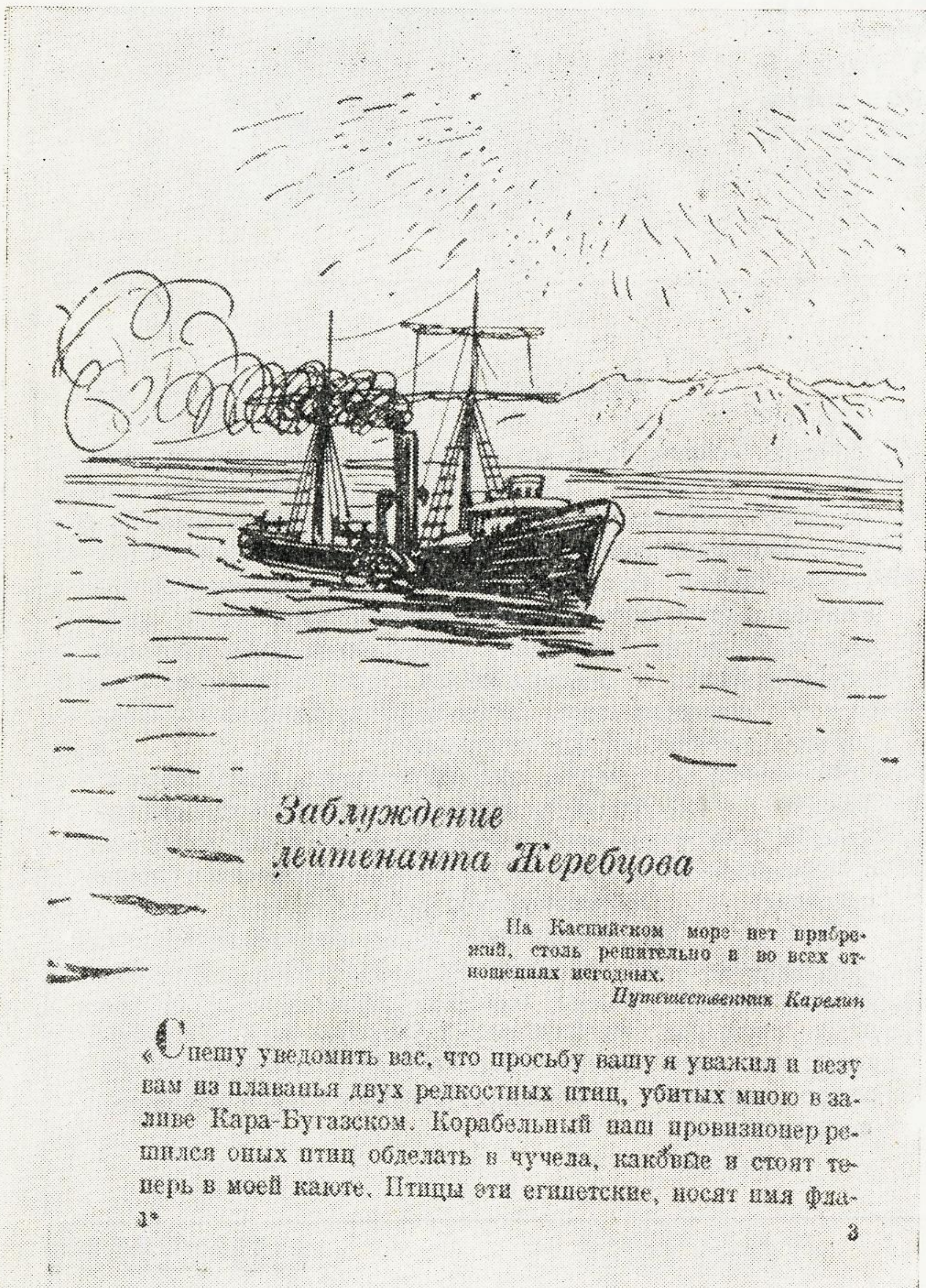
Но есть в моих школьных тетрадках страницы, написанные от полноты счастья. Это самые лучшие страницы, и счастье сохранилось в них, не пропало с годами, потому что детское, юношеское счастье — самое сильное и чистое в жизни человека.

Простое, не сложное счастье. Вот я однажды собрался и поехал с дружкой на станцию Мозино. Снег только сошел, и лягушки урчали по канавам. Рыжий весенний заяц вымахал из-за копейки. Жаворонок остановился на лету, чтобы высказать свою благодарную радость весне. Он трепыхал крылышками, как вертолетик, щебетал, заливался, а потом стремглав опустился на землю, чтобы набраться новой радости. Земля дышала после зимы тепло и мягко. Трава, сено с прошлого лета стали духмяной прелью. Прель прошили колкие зеленые новые стебельки.

В городской жизни, за партой, на асфальте, на каменной лестничной клетке, в многолюдной квартире я не знал, что так может быть: земля, весна, небо — и беспричинная радость. Да еще дикие утки слетели с болота...

Я описал в дневнике свою поездку на станцию Мозино. У меня нашлись для этого описания хорошие, особенные слова. Иначе и писать бы не стоило, только испортил бы себе счастливое настроение от поездки.

...Разные бывают причины для радости. Вот я листаю дальше свои дневники. Читаю вслух, как бывало в ученические времена. По звуча-

Заблуждение
лейтенанта Жеребцова

На Каспийском море вет прибрежный, столь решительно в во всех отношениях негодных.
Путешественник Карелин

«Спешу уведомить вас, что просьбу вашу я уважил и беру вам на плаванья двух редкостных птиц, убитых мною в заливе Кара-Бугазском. Корабельный наш провизонер решил оных птиц обделать в чучела, как бы и стоят теперь в моей каюте. Птицы эти египетские, носят имя фла-
1*

нию сразу можно отличить счастливые слова от слов ленивых, скучных, обиженных, слабых.

Должно быть, славное у меня было настроение, когда я писал в дневнике о «Мещорской стороне» Константина Паустовского. Я прочел эту книгу, а в дневнике написал все равно как о поездке на апрельское поле. Паустовский сводил меня в лес, он показал мне замороженные озера, в которых живут медленной донной жизнью золотые лини, мне открылись в потемках бора торжественно светлые сосны. Мне очень понравились мои сверстники, белоголовые мещорские пацаны. Писатель сказал мне: гляди, владей, это твое! Он открыл мне еще одну причину счастья.

Когда я писал в дневнике о книге Паустовского и о своей любви к этой книге, я старался найти такие же ласковые, добрые и верные слова, какие нашел писатель для своей Мещоры.

О Черном море Паустовский написал восторженно и в то же время доверчиво, по-приятельски.

...Не каждому жителю нашей страны выпадает счастье приехать к южному морю. Люди живут на льняной Псковщине, среди нежнохвойных Байкальских лиственниц, на болотных марях острова Сахалина. Людям бывает хорошо в своих родных местах и без южного моря. Но если море обдаст их крепкой соленой, пряной водой, а солнце одарит щедростью без предела, людям станет лучше. Люди должны знать, что у страны, в которой они родились, есть Черное море. У страны есть южный, теплый, загорелый бок. Страна ведь наша одна, Родина, Советский Союз. Можно порадоваться

не только своей, отдельной радостью, а вместе со всей страной.

Паустовский открыл мне Черное море. Можно побывать на курорте, поплавать, а в слякотный ленинградский денек обо всем позабыть и заболеть насморком. У детства хорошая память. Черное море вошло в мою жизнь и греет и шумит, и не дает покою, потому что я открыл его в детстве. Паустовский научил меня мечтать о Черном море, как мечтают о настоящей, опасной, мужественной мускулистой жизни. Так и называется одна из любимых книг моего детства — «Черное море».

...А еще были «Далекие годы», «Кара-Бугаз» и «Колхида». Потом, позднее, когда я повзрослел, мне предстояло заново полюбить Паустовского за его рассказы «Снег», «Дождливый рассвет», потом на мою книжную полку стала «Золотая роза»...

Дневники я не все сумел сохранить. Некоторые тетрадки я сжег без пощады, боясь, что их прочтут, что будут раскрыты мои важные тайны. Чтение вслух, которое я поставил себе за правило в школьные времена, не привело меня к большим успехам в области красноречия...

Время было, как сито, для моей памяти: мелкое, лишнее, мусор — все рассеялось, улетело. То, что осталось, идет сегодня в работу. В детстве я научился распознавать среди многих ту дорожку, которая может меня привести к счастливому настроению. Если я не сбиваюсь с такой дорожки, моя работа идет хорошо.

В детстве я доверился Паустовскому. Он и сегодня рядом со мной. Он меня не подвел ни разу.

СЛАСТЕНА

Юрий Качаев

Вечером над рекою прошла гроза, и к дальним озерам протянулась неяркая лента радуги. На дорогах осколками огромного зеркала лежали лужи. Вода в них была теплой и еще пахла дождем.

По реке плыли тяжелые мокрые бревна. На них сидели трясогузки и кланялись знакомым берегам.

Я выбрал подходящее место и поставил перемет. Клев обещал быть хорошим, и я раздумал возвращаться в село. Ночью наверняка придется менять наживку, а до села километра полтора.

— Заночую, — решил я и стал собирать по берегу валежник.

Ночь у воды падает незаметно.

Еще минуту назад река играла светлыми блестками, но вот заскользили по ней неясные тени, погасили свечение воды, и подкралась темнота.

Я пошел к ближнему лесу надрать бересты для костра. По правую руку от меня выкатилась луна, и трава вспыхнула голубыми огоньками.

Я шел по меже горохового поля. Стручки уже налились и казались после дождя необыкновенно сладкими.

Вдруг я услышал под ногами слабый шорох. Я нагнулся. Тускло блеснуло длинное гибкое тело.

Змея! Меня словно отбросило в сторону. Нащупав на земле какую-то палку, я замахнулся и...

остолбенел. Передо мной извивался угорь. Что это — змея-оборотень? Рыба? Но как она попала на это поле? Ведь до воды отсюда добрых триста метров.

Потом я немного пришел в себя и расхохотался. Да ведь рыбаки не раз говорили мне, что угорь выползает по ночам на берег и лакомится горохом! Он может около шести часов провести на суше.

Угорь лежал и смотрел на меня маленькими серебристыми глазами.

— Ну, вот что, сластена, — сказал я ему. — Ползи-ка ты к своим родичам и скажи, что встретил человека. И человек отпустил тебя.

1928 год

Знаете вы такой вид спорта — «столбизм»? Сибиряки знают. Особенно красноярцы. «Столбами» называются причудливые труднодоступные скалы недалеко от их города на Енисее. «Столбисты» — смельчаки, штурмующие эти вершины.

Виталий Абалаков с детства полюбил этот спорт. В одно из воскресений он решил вскарабкаться на Развал (каждая скала имеет свое название). Лез он хорошо, скоро полез, да в ту пору налетел ветер и концами косынки закрыл ему глаза. А Виталька висел в этот момент только на пальцах. Ясное дело, можно кликнуть ребят, которые были на верху утеса. Они бы кушак размотали и подали. «Нет, управлюсь сам.» И он висел и висел, осторожно ослабляя то одну, то другую руку, упиравшись локтем в выступ и стискивая зубы, когда судорогой сводило мышцы и к горлу подступала тошнота.

И он висел — кто же знает сколько: минуту либо час — и, открыв было рот, чтобы позвать на подмогу, только нервно зевал и ужас до чего хотел пить.

И ведь дождался своего. Утих ветер, и тогда он огляделся и дополз до щели, а по ней до вершины утеса. И понял: это все, дальше лезть некуда — и ползание в щели, и капли крови на стертых о гранит кончиках пальцев, и эта тянущая тебя назад сила — всё позади. Ниже тебя. И даже парящий над тайгой беркут остался под тобой.

Но он слышал. Есть вершины, что не чета Красноярским...

Дых-тау! «Горой неба» называют эту вершину на большом Кавказе. Сюда, на высоту 5198 метров, поднялся молодой инженер Виталий Абалаков. Приподняв на миг темные очки, он увидел целый мир высот.

Большое Восхождение только начиналось.

1936 год

Юноша стал взрослым. Сибиряк — москвичом. Видным конструктором. Выросли и преграды, которые предстоит преодолеть ему, уже опытному альпинисту.

С братом Евгением, конструктором Михаилом Дадиомовым, химиком Леонидом Гутманом, альпинистом из Швейцарии Лоренцо Саладином Виталий взошел на семикилометровую мраморную пирамиду Хан-Тенгри.

Они победили «Повелителя Неба», как переводится это название.

Потянувшись за рюкзаком, который снесло неожиданным порывом ветра, Гутман оступился, пролетел по склону почти двести метров. Можно, конечно, вызвать подмогу. «Нельзя ждать», — решительно говорит Виталий. И они транспортируют Гутмана, бережно закутав его в палатку.

Ветер изорвал в клочья установленную на склоне палатку. Надо спешить к заранее вырытой пещере. Но буря не утихает. Утром Дадиомов видит лиловые пятна на пальцах. Обморозил. Когда Саладин хочет оттереть застывшие руки, он снимает кожу, как снял бы порванные перчатки.

Ночь в пещере. Дурной тяжкий сон.

Который же час?.. Виталий чиркает спичку... Другую... Голов-

ЧЕМПИОН ДВАДЦАТИ ХРЕБТОВ

Евг. Симонов

Рисунки Р. Фридмана

ки раскаляются, но спички не горят: им тоже не хватает кислорода. Это снег наглухо закупорил вход, закрыл приток воздуха; товарищи в беспамятстве.

Тогда разбуженный Виталием брат Евгений металлической стойкой от палатки пробивает отверстие. Угроза удушья миновала.

Но что делать, если не может двинуться дальше Дадиомов, силы покидают Саладина, не оправился Гутман? А караван, как условились, придет только через неделю...

И Виталий один уходит за людьми по леднику Иныльчек, который каталоги относят к числу величайших в мире.

Он спускается по леднику, мысленно назначая себе двести, сто — потом уже только пятьдесят шагов. Их нужно пройти не останавливаясь. Он двигается все медленнее.

Он уже понимает, какое страдание каждый метр пути. Но только парящий над ним орел свидетель его слабости. Силы на исходе, они могут оставить его. Пусть! Тогда он будет ползти на четвереньках, цепляться ногтями о лед, но он доберется до людей.

Что это? Он удивленно вглядывается... Свежие следы подков на размякшем фирне. Лошади? Откуда? Выдубленный солнцем и ветрами седой киргиз-пастух решительно взмахивает нагайкой-камой и запахивает стеганый чапан: немедля выючить коней, собираться!..

Два месяца спустя Виталий странной ковыляющей походкой вышел из ворот больницы имени Боткина. Тринадцать ампутаций. Култышки вместо ступни. Из головы не выходят напутственные слова хирурга Цоркуненко:

— Жизнь тебе, Виталий, сохранили. Ведь ты и не подозреваешь о том, что по дороге к Алма-Ата температура у тебя подскочила под сорок один. Работать ты сможешь. Но как спортсмен переключайся на шахматы или рыбалку...

Но два месяца спустя Виталия встречают на снежных склонах Бакуриани.

— Приходится ездить на лыжах на одной ноге, — жалуется он. — Вторая еще никак не включается в работу.

1954 год

Судья первенства Москвы по слалому уже поднес ко рту холодный рупор и сипло выкрикнул: «Вызывается номер четырнадцатый. Абалаков Евгений. ДСО «Искра».

— Когда же Евгений в Москву вернуться успел? — удивленно спрашивает кто-то.

— Да это же Виталий выступает под именем брата! Ему ведь запрещены спуски, — догадался кто-то из зрителей.

Но было поздно.

«Четырнадцатый» прошел дистанцию «с головой», как говорят в таких случаях тренеры. Где надо, «подплужил», где можно, посильнее подтолкнулся палками и умело извернулся.

Еще сильнее разогнался он в конце второй попытки. Чуть ли не все притормаживали на последнем финишном скате, но «четырнадцатый» вылетел на ровную площадку с реактивной стремительностью и притормозил только после того, как его лыжи со свистом и хрустом врезались под столик с надписью «Судейская коллегия». Лыжник остановился, снял с себя повисшее подобно плащу алое сукно. Поднял столик и папки. Он вежливо под-

ставил стул перепуганной секретарше и встал опираясь на палки.

— Не будете ли любезны сообщить мое время?

— Вы заняли общее третье место.

— Благодарю за сообщение, — сказал он, выжимая вымокшую варежку. Только тут секретарша увидела искромсанные пальцы на благодарно протянутой к ней руке. — Обещаю впредь столы не сшибать.

— Рад поздравить тебя, Виталий, с призовым местом, — сказал подоспевший судья. — Замечательно это у тебя получилось. Когда я увидел тебя с номером на груди, не поверил своим глазам — ты или не ты? А вышел на вираж, где столько покидало, а ты даже и не шелохнулся! Вот тут я и поверил: его хватка! С успешным тебя финишем.

— Это не финиш, — серьезно сказал Абалаков, — это только старт.

СБОРНАЯ ТРУБОЧИСТОВ

Вам не встречался на лыжне молодой загорелый слаломист Константин Клецко? Я познакомился с ним в альпинистской экспедиции на одну из самых высоких и самых страшных вершин — пик Победы на Тянь-Шане.

Костя — заядлый спортсмен. Мастер спорта по двум видам: альпинизму и горным лыжам. Такой заядлый, что даже на деке гитары, которая сопровождала его в нашем походе по перевалам и ледникам, я увидел значок: белые купола Эльбруса, крохотный ледоруб, слова «Альпинист СССР».

— А почему бы и нет, — пояснил Клецко. — Совершила же гитара зачетное восхождение на пик «Спартак». Прошла через два перевала в ущельи Цей. Выполнила все нормы и даже побывала в зимнем переходе в горах.

Клецко — трубочист. Но трубочист особенный. Высотный. Если когда-нибудь потребуются чистить трубы на ракетоплане в космосе либо на других планетах, затянет наш Костенька испытанную свою штурмовку, завяжет узлом проводника страховочную веревку и только спросит: «Где чистить будем? На Луне или на Венере?»

...Работала недавно их команда трубочистов под Лугой. На куполе старой церкви меняли крутые скосы. Наш знакомый Клецко и еще двое — Петр Буданов и Геннадий Ильинский.

Как-то прибегают к ним солидный дядя:

— До вас, альпинисты! С кирпичного завода. Выручайте, ребята! Беда у нас: с трубы здоровенный каменюга сорвался, крышу пробил, балки погнул. И прямо в цех упал.

— А народ?
Инженер отер лоб:
— Тут пронесло, — и опасливо вздрогнул. — На обеде
весь цех был. Только в конторке кто-то задержался. А гро-

хота было — как от взрыва фугаски на полтонны. Так давайте, ребятки, церковь ваша никуда не денется.

И три трубочиста надели свои штурмовки — на каждой значок мастера спорта по альпинизму — и вскинули рюкзаки. Вместе с хозяевами побывали они и на пике Победы, и на пике Ленина, и на вершине Музджилга. Подошли трое к трубе. Друзья-трубочисты закрепились по-альпинистски за громоотвод, вылезли по скобам на верхотуру, тут и почувствовали, как труба под ветром туда-сюда ходит.

И что же оказалось... Цемент из кладки то ли выдуло, то ли размыло, но кирпичи давно уже держатся на одном честном слове. Просто лежали себе один на другом, совсем как кубики.

Подняв по веревке доску, уселись по концам, а ноги свесили в черную пропасть внутрь трубы. И не уходили, пока не починили. Так им по веревке то ведро с раствором подавали, то еду.

Теперь о клее. Осенью Клецко чинил к сезону лыжу. Развел в банке казеин и в лицо ему пахло кисловатым духом. И вспомнилось... В блокаду отцу на заводе нет-нет да и подкинут кулек казеина. Вроде пайка. Мать замешивала из него тягучее и клейкое тесто и подавала дышащие жаром и кислотой лепешки. И не было, казалось и Косте и всем ребятам, ничего вкусней.

Если кто захочет повидать в Ленинграде, где еще работала команда трубочистов, пусть сходит на угол Майорова и Садовой. На вышке этого большого дома, над двумя тесными, заполненными движением улицами, должны были снять наши трубочисты 10 000 старинных фигурных черепиц и покрыть новой кровлей. И сделать это так, чтобы ни на день, ни на час не нарушить движения. Потому-то и позвали не кровельщиков, а спортсменов.

Есть еще «пик» над Невой, о котором мы тоже обещали рассказать. Самый высокий в городе. Его отметка — сто двадцать один и восемь десятых метров. Это, конечно, не пик Победы, рост которого без малого семь с половиной километров. Но идет по Невскому наш Костя, увидит пик над городом и улыбнется, будто знакомого встретил. Да ведь он и вправду лично знаком с «самым высоким жителем города».

...Он похож на золотой луч. Но не солнечный. Он не спускается с неба, но поднимается к нему с земли. Это — шпиль Петропавловского собора.

На него-то и пришлось подниматься трубочистам-альпинистам. И это восхождение было почти таким же долгим, как экспедиция куда-нибудь к далеким вершинам «Подножья смерти» — Памира или «Небесных гор» — Тянь-Шаня. Оно продлилось 52 дня. Но когда альпинисты и позолотчики спустились с невиской вершины, она заблестала новым золотым убранством. Это был ее праздничный наряд к 250-летию Ленинграда.

КАК ПЧЕЛКИН БЫЛ АРТИСТОМ

Рассказ

К. Ермаков

Рисунок И. Харкевича

Тима Пчелкин никогда не помышлял стать артистом. Другое дело — космонавтом или, на худой конец, капитаном океанского корабля. Однако артистом он стал и даже прославился.

В наш поселок приехал областной театр. Все ребята пошли на дневной спектакль, а Тиму родители не пустили. Наказали за двойку по физике.

Когда представление началось, Тима отпросился погулять. Он долго слонялся около клуба, а потом забрался на чердак и неожиданно обнаружил люк над самой сценой. Он поднял тяжелую дверцу и, — о радость! — из люка зазвучали голоса артистов.

Пчелкин слышал решительно всё, но вот беда: ничего не видел. Какой-то фанерный настил скрывал от него подмости. Тогда Тима опустился на этот настил и пополз. Ему не пришлось долго отыскивать щель. Фанерные листы были плохо скреплены и под его тяжестью прогнулись, открыв сцену. Теперь Тима видел всё. Ему, бесспорно, принадлежало лучшее место — лежащее.

Внизу разыгрывался захватывающий эпизод. Трое разбойников обвиняли четвертого в том, что он бесстыдно выкрал из тайника часть награбленного золота. Обвиняемый клялся честным разбойничьим словом, что не делал этого. От него требовали доказательств и грозили смертью.

Ситуация была исключительно острой. Тима позабыл обо всем. Когда действие достигло кульминации и разбойники схватились за пистолеты, фанерный лист затрещал и Тима рухнул вниз.

Он упал прямо на обвиняемого. Разбойник зашатался, но, надо отдать ему должное, на ногах устоял. Зал замер. Такого поворота событий зрители не ожидали. В новом действующем лице сначала не узнали Тиму. Все считали, что спектакль идет своим ходом.

Зато артисты были ошеломлены. Тимкино вторжение спутало всю игру. Никто не знал, что делать дальше.

Выручил всех разбойник, которому Тима

свалился на голову. Он схватил новоявленного героя за ухо и яростно закричал:

— А-а, вот когда ты мне попался, мерзавец! — и так крутнул ухо, что Тима взвыл самым натуральным образом.

— Ага! Не нравится, — торжествовал разбойник.

— Дяденька, пусти! — вопил Тима. — Я случайно.

— Врешь, негодяй. Я тебя знаю.

— Случайно! — вопил Тима. — Я не хотел...

— Не хотел, мерзавец? А кто вчера подсыпал мне яду в вино? А? Опять не ты?

От чудовищного обвинения Тима ошалел.

— Я не подсыпал яду! — закричал он, чувствуя, что с ухом ему придется расстаться. — Честное слово, не подсыпал!

— Рассказывай! Я отучу тебя мешать честным людям заниматься своим делом!

— Дяденька, честное слово, не подсыпал, — клялся Тима.

Тут вмешался атаман.

— Кто этот юный негодяй?

— Племянник мой, чтоб ему лопнуть на тысячу частей. Спасу от него нет. То кипятком окатит, то пыль табачную в глаза пустит. А однажды всадил мне в одно место целый заряд дроби. Я потом весь месяц не мог сесть.

— Ах, оболтус! — грозно сверкнул глазами атаман. — Да его вздернуть надо.

— Нет-нет! — воскликнул разбойник. — Это слишком легкое наказание.

К тому времени в зале опознали нового исполнителя. «Это Тимка, Тимка, — шушукались ребята. — Орет-то как, чисто артист». Никому и в голову не пришло, что Тима оказался на подмостках вопреки своему желанию. Все только недоумевали, когда он успел познакомиться с артистами и так блестяще подготовить роль. Никто раньше не подозревал в нем драматических способностей.

А Тимкины мученья, между тем, продолжались. Разбойник не давал ему опомниться и терзал немилосердно.

— Сознаешься? — вопрошал он грозно.

Тима упорно от всего отрекался. Но потом сообразил, что чем скорей он признает себя виновным, тем лучше.

— Сознаюсь! — заорал он вдруг во весь голос.

— Джо! — крикнул он громовым голосом. Из-за кулис выскочил артист, тоже облаченный в наряд разбойника.

— Взять его и бросить в клетку с тиграми, — приказал отец восьмерых детей. — Пусть хорошенько позавтракают.

— А-а, — произнес разбойник. — Я так и думал. Значит, ты хотел отравить меня?

— Да, да, — торопливо признался Тима.

— Меня? Отца восьмерых детей? — возмутился разбойник.

Тимка был на все согласен.

— Да, да. Тебя и всех твоих восьмерых детей, — выпалил он. — Отпустите меня.

— Каков душегуб! — поразился разбойник. — Я тебя отпущу! Отпущу на веки вечные.

Он схватил Тиму за шиворот и поволок через всю сцену.

Когда Пчелкин исчез за декорациями, в зале буйно зааплодировали.

— Bravo! — кричали ребята. — Молодец, Тимка! Bravo!

Даже преподавательница физики, та самая, которая поставила Тимке двойку, не удержалась от похвалы:

— Какой, оказывается, талантливый мальчик!

— Да, да, — отозвалась ее соседка, учительница русского языка. — Так правдиво играет. Никогда бы не подумала.

Спектакль продолжался.

ВОТ КОМПАНИЯ КАКАЯ

Фото О. Василевского

- Кто там?
- Андрей Михайлович дома?
- Кто там?
- Можно видеть Андрея Михайловича?
- Кто там?
- Мы, Веселые репортеры журнала «Костер».
- Кто там?

Хоть это и невежливо, пришлось забарабанить в дверь четырьмя кулаками. Очень скоро нам отворил хозяин дома Андрей Михайлович Батуев. За его спиной на зеркале, покачиваясь, сидел зеленый попугай. Увидев нас, он радостно воскликнул: «Кто там? Кто там? Кто там?»

— Ах, Педрито, Педрито, — покачал головой Андрей Михайлович. — Марш в клетку!

Клеток в комнате было шестнадцать! И вообще это была сказочная комната: сиреневым опереньем красовались попугаи жако, белоснежный королевский какаду потрясал лимонным хохолком, изумрудные попугаи лори из Аргентины болтали с ярко расписанными латами, малиновый дамский лори в черной шапочке держался особняком.

— Дяденька! Не кури! — неожиданно сказал малиновый одному из нас. Пришлось спрятать сигарету.

— Кукоша у нас самый способный, — сказал Андрей Михайлович.

Как бы в подтверждение его слов, Кукоша зарорал: «Что ты ешь? Что ты ешь? Дайте Кукошке каши, картошки!»

— Он и насвистывать может: «Соловья» Алябьева и итальянскую песню «Воляре».

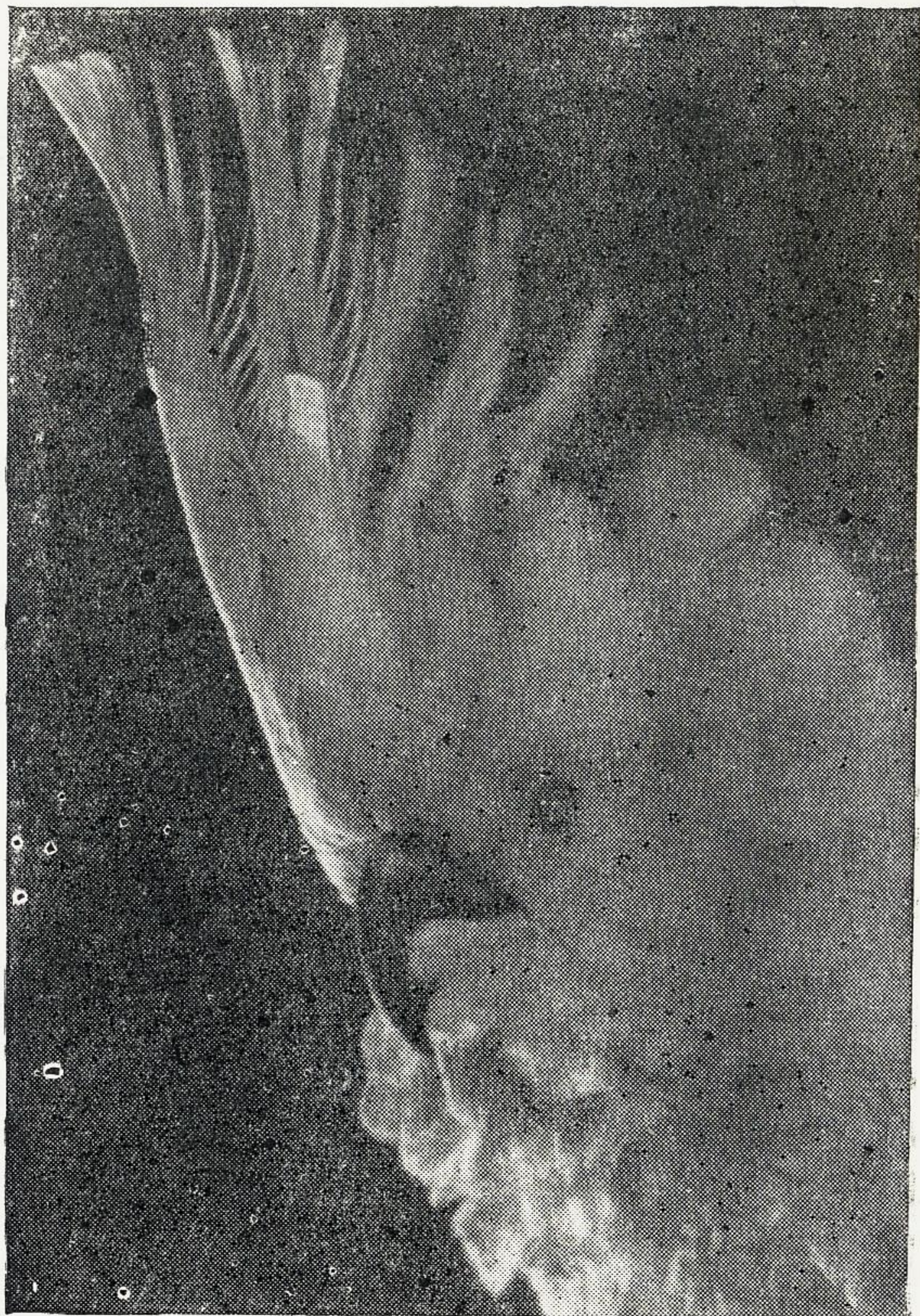
Кукоша покивал головой и засвистел «Чижики».

— Он даже во сне разговаривает, сегодня ночью, например, забормотал: «Вкусной каши еще ложку!»

— А все попугаи в вашей коллекции говорящие?

— Нет, говорят не все попугаи. Этот красавец, какаду, не умеет говорить. Но зато он снимался недавно в кино. В кинокартине «Два друга». Артист Эраст Гарин играет роль короля, а наш какаду — королевского попугая. А этот попугай за всю свою жизнь говорил только раз: однажды он сорвался с карниза и, падая, закричал: «Ой, ой, ой!» Но говорить могут не только попугаи. Ребята из моего кружка в Фрунзенском доме пионеров, в Ленинграде, научили говорить двух сорок. А теперь познакомьтесь с Мартыном...

Мартын — маленькая обезьянка — уже давно хотел привлечь наше внимание: он вовсю тряс прутья клетки. Он был наказан однодневным заточением в клетку за то, что напал на тигра. Тигра он уви-

дел на экране телевизора и, обрадовавшись, что ему попался такой маленький тигр, решил разорвать его в клочки за все обиды, нанесенные тиграми обезьянам.

Вообще, как мы узнали, телевизору в этом доме не везет. Один из попугаев недавно откусил своим железным клювом выключатель.

За шкафом разгорелась перепалка:

— А ты кто такой?

— А ты кто такой?

— А ты кто такой?

— А ты кто такой?

— Как дам!

— Как дам!

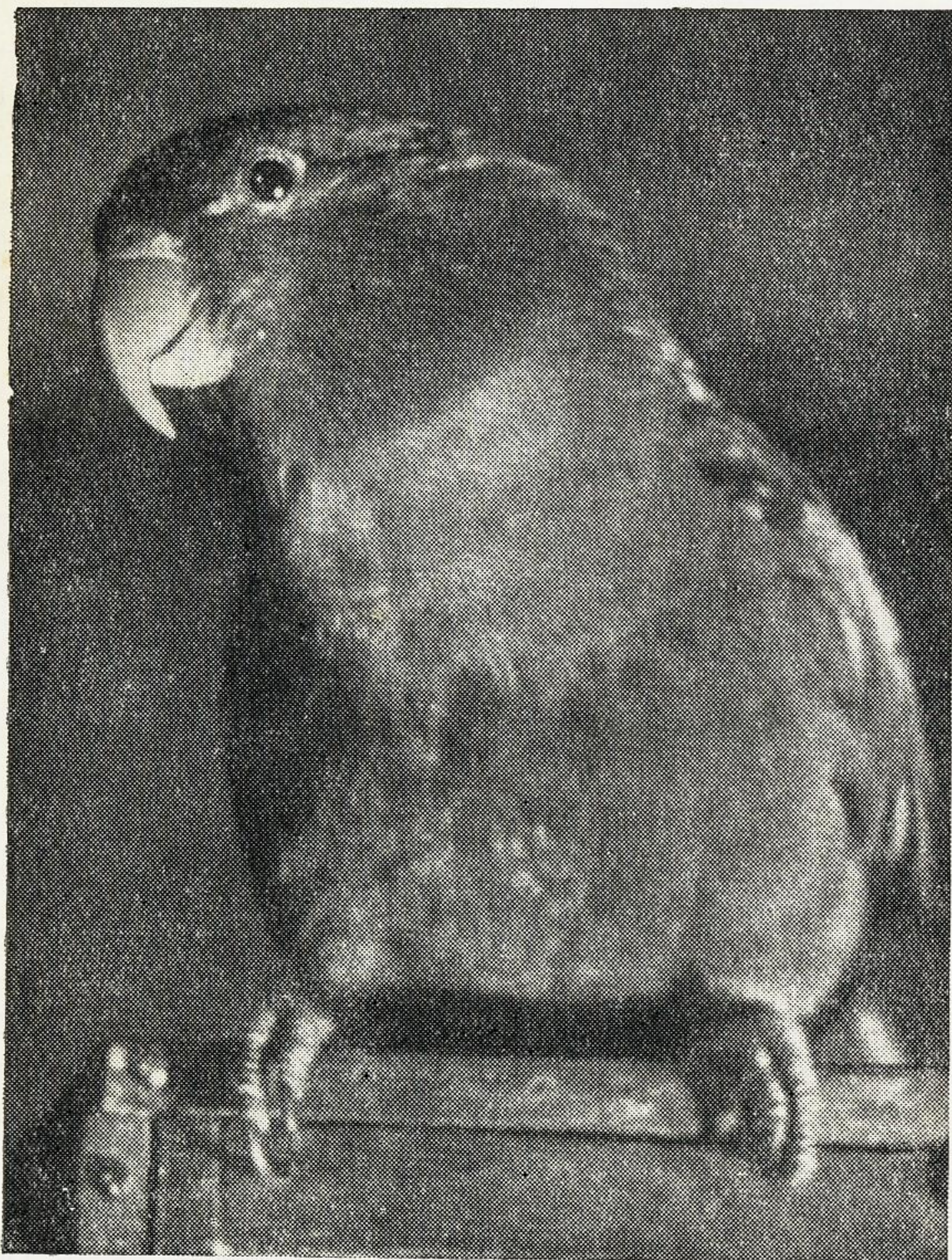
Можно было подумать, что встретились два задиристых первоклассника, но это просто мирно болтали Кукоша и Педрито.

Нам хотелось еще познакомиться с летучей мышью, но она спала — ведь день был в разгаре.

Вот какая замечательная коллекция у Андрея Михайловича Батуева, любителя зоологии и большого друга ленинградских детей! Кстати, с ребятами Андрей Михайлович занимается не только как зоолог. Мастер спорта СССР по шахматам, он выучил многих молодых шахматистов.

А по образованию Андрей Михайлович музыкант.

Веселые репортеры.

На обложке гравюра
В. Ветрогонского

На второй странице обложки
фото Л. Коровина

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Л. Г. Белкин, В. М. Бонашевич,
Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев
Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь),
Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова,
Ю. А. Юрган (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор
А. А. Двораковская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.
М-08694. Подписано к печати 20/XII 1962 г. Формат 84×108¹/₁₆.
Печ. л. 8+2 вкл. 6,98 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 300 000
Заказ № 844 Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УЦБ и ПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на 1-ой Ленинградской фабрике
офсетной печати.

ТАИНСТВЕННАЯ
НАХОДКА

Часть первая

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФЕДИ, ТОЛИ, ОЛИ и ЩЕНКА ПИРАТА

Стихи В. Алексеева
Рисунки М. Беламлинского

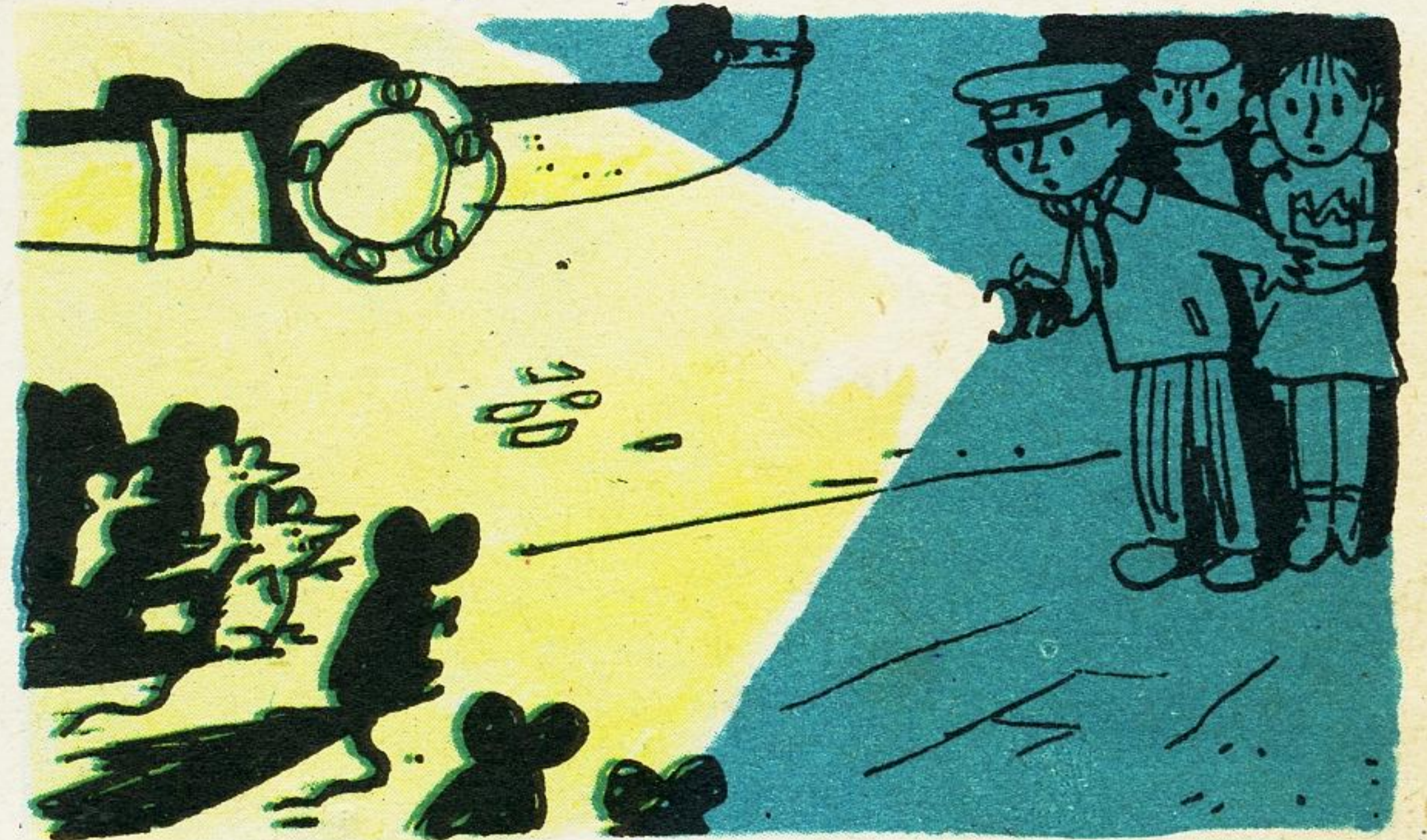
1. Вот юннаты Толик с Фёдей,
очень дружные соседи.
И воспитанник ребят
озорной щенок Пират.

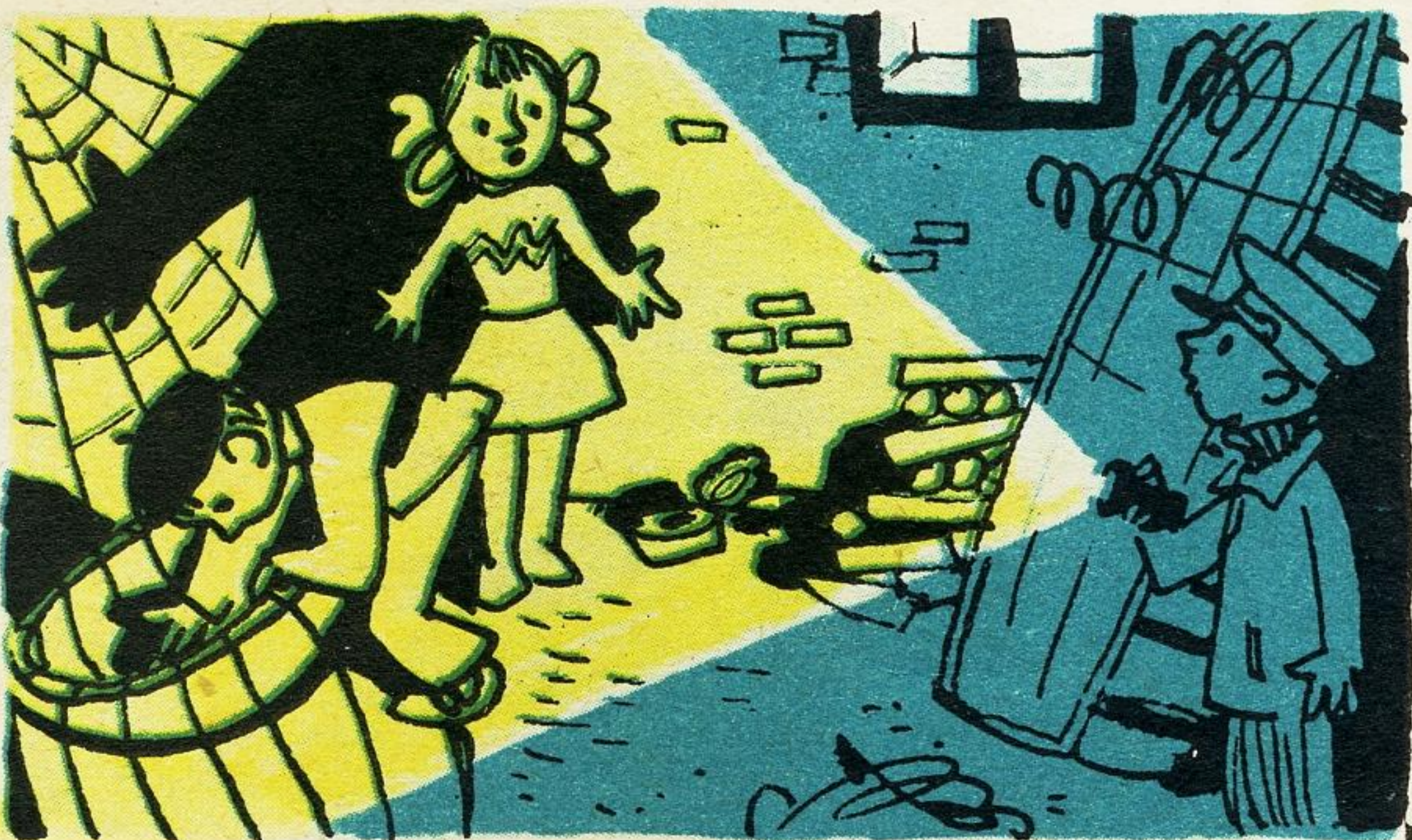
2. Вдруг щенок исчез куда-то.
Огорченные ребята
ищут здесь и ищут там
по сараям и дворам.

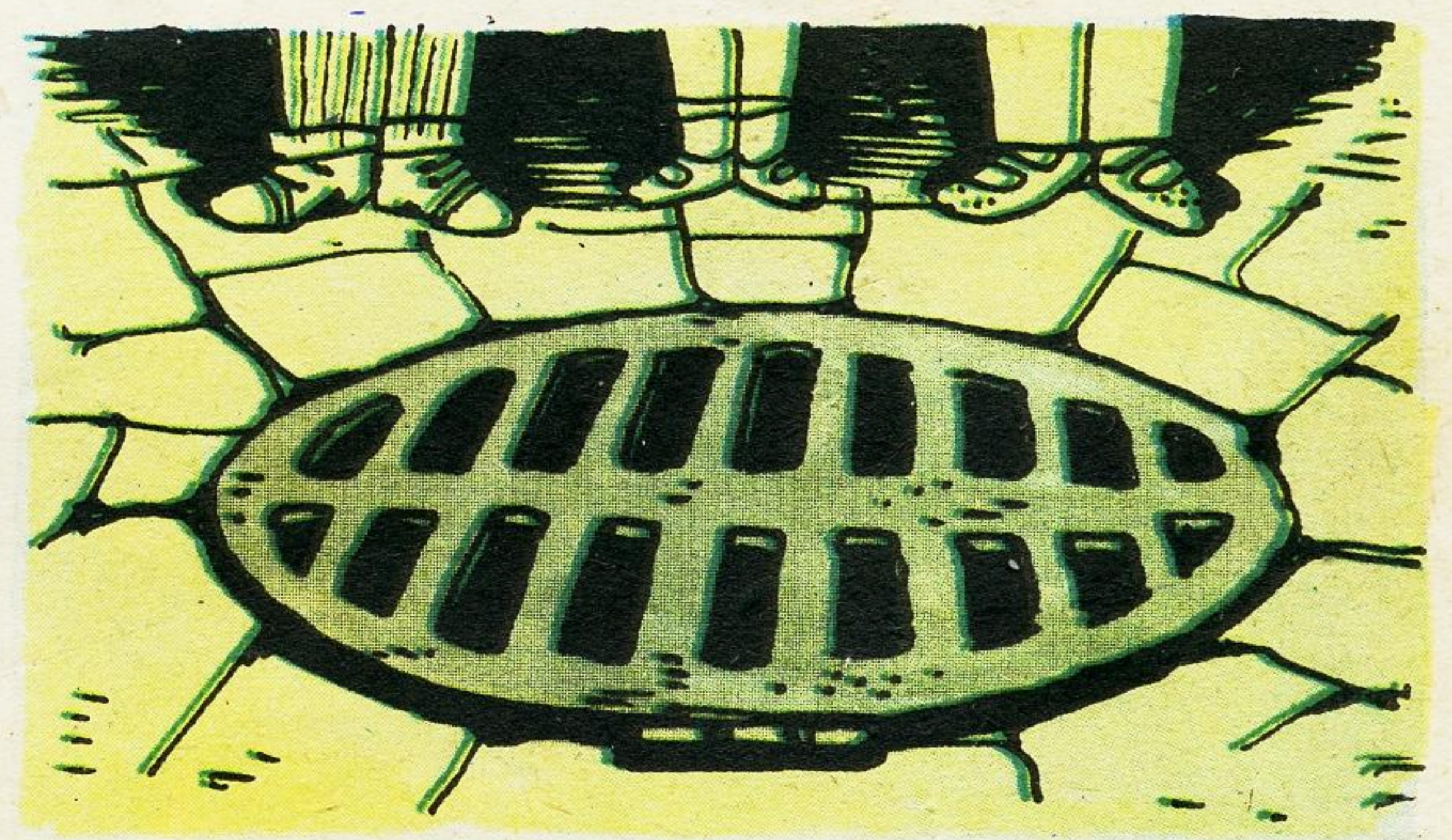
3. Тут раздался голос Оли:
— Кто исчез? Пиратик, что ли?
Я видала — он бежал
час назад вон в тот подвал!

4. Все втроем они искали
с полчаса щенка в подвале.
Но из всех углов глядят
только крысы на ребят.

5. Всё в подвале перерыто:
бочки, ведра и корыта.

Вдруг под мусором в углу
видят люк они в полу.

Продолжение следует

25 н.

О. С. 74

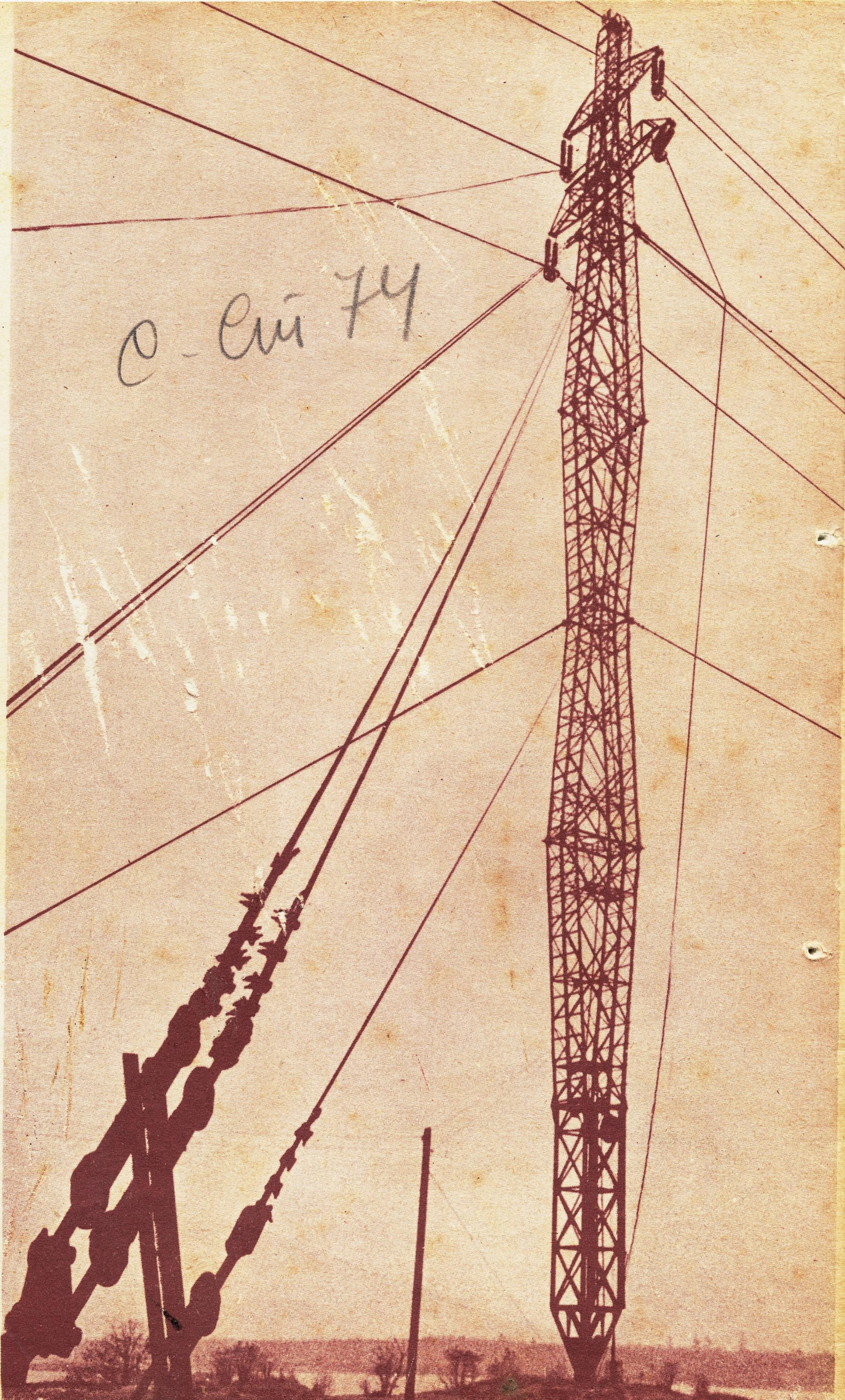

Фото О. Василевского